

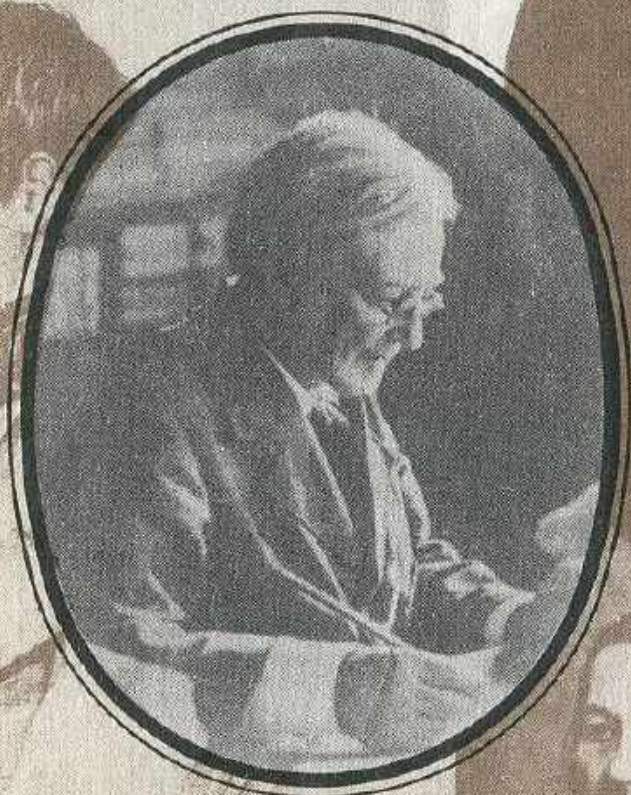

Страницы истории нашей Родины

Л. М. Равич

Евгений Иванович ЯКУШКИН

(1826-1905)

«Наука»

89-3

4624_a

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Л. М. Равич

**ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ
ЯКУШКИН**

(1826—1905)

Ответственный редактор

д-р пед. наук П. В. ГУДОВЩИКОВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1989

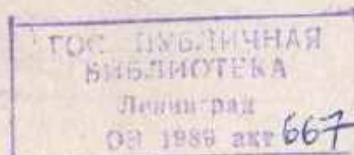
Книга посвящена жизни, научной и общественной деятельности сына декабриста П. Д. Якушкина Евгения Якушкина — историка декабризма, литературоведа-пушкиниста, библиографа, краеведа, просветителя.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Рецензенты:

канд. филол. наук С. В. БЕЛОВ,
канд. ист. наук Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАН

89-23055

Р 0503020200-504 40-89-НП © Издательство «Наука», 1989 г.
054 (02)-89

ISBN 5-02-027183-7

ПРОЛОГ

4 апреля 1866 г. у ворот Летнего сада в Петербурге раздался выстрел Дмитрия Каракозова. Покушение на «священную особу государя» повлекло за собой волну репрессий против прогрессивных сил страны. В мае того же года А. И. Герцен писал: «Полицейское бешенство достигло чудовищных размеров. Как кость, брошенная расевирепелым сворам, выстрел вновь раззадорил злобу грызшихся и сдул слабый пепел, которым начало было заносить тлевший огонь. Темные силы еще выше подняли голову, и перепуганный кормчий ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли об ней цепенеет кровь и кружится голова».¹

Председателем следственной комиссии по делу о покушении на царя был назначен прославившийся своими «подвигами» в деле удушения освободительного движения М. Н. Муравьев-«вешатель». Даже вполне благонамеренный А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Свершилось то, чего боялись люди мыслящие: наступает время поворота назад, время реакции».² Одной из мер борьбы с революционным движением было постановление об усилении власти губернаторов и вообще местной администрации, отдававшее все население империи под полицейский надзор.

Шефа жандармов графа Шувалова в особенности беспокоило Поволжье, которое он считал «исполненным дурного духа» и предлагал даже оцепить всю эту территорию жандармскими агентами. Для начала он запросил у местной жандармерии сведения обо всех неблагонадежных лицах, проживающих в губернских городах.

Среди множества донесений в Управление II корпуса жандармов (для дальнейшего направления в высшие жандармские сферы) был представлен «Список лицам, обращающим на себя в Ярославской губернии, по служебному своему положению, особенное внимание» (1866 г.). В нем значится: «Начальник губернии, свиты его императорского величества контр-адмирал Иван Семенович Унковский ... в настоящее время действует не самостоятельно, а под влиянием окружающих его людей, сумевших, вкравшись к нему в доверие, совершенно овладеть им... Из числа окружающих его наиболее замечательны по влиянию на него, пользующиеся особенной его дружбой и полным во всем доверием председатель здешней казенной палаты Евгений Иванович Якушкин и член от правительства на мировых съездах Николай Александрович Гладков. По всеобщей молве, во всех делах помещиков с крестьянами держит всегда сторону последних, и это направление его приписывают влиянию преимущественно Якушкина и отчасти Гладкова. Председатель казенной палаты коллежский советник Евгений Иванович Якушкин, воспитанник Московского университета, лет сорока. Способностей весьма хороших. Характера твердого, весьма скрытного и крайне осторожного. В делах весьма сведущ, самостоятелен, непреклонен. Редко трудолюбив. Держит себя весьма сдержанно, неразговорчив, большой домосед. Круг знакомств его весьма ограничен и замкнут для неизбранных. Общественное мнение губернии приписывает ему направление атеистическое, крайне демократическое и даже революционное, и предприимчивость. Он сын государственного преступника, сосланного в Сибирь по заговору, обнаруженному 14 декабря 1825 г. По крайней сдержанности его и по невозможности бывать с ним в обществе, мне до настоящего времени не представлялось возможным узнать образ его мыслей настолько, чтобы высказать о его направлении мое собственное, основанное на фактах, мнение».³

Кто же этот человек, высоким деловым и нравственным качествам которого не мог не отдать должное даже жандарм?

Имя Евгения Ивановича Якушкина хорошо известно историкам революционного движения. Оно часто встречается в исследованиях, посвященных декабри-

стам. Е. И. Якушкин был не только другом героев 14 декабря, не только признанным членом «ялutorовской семьи» ссыльных декабристов, но и хранителем и публикатором множества декабристских документов. По его настоянию были написаны мемуары Пущина, Басаргина, Оболенского, Штейнгейля и других декабристов. Евгением Ивановичем Якушкиным было доставлено подавляющее большинство декабристских текстов, опубликованных в герценовских изданиях. В огромном якушкинском архиве (Москва, ЦГАОР) хранятся и другие декабристские материалы, собранные Е. И. Якушкиным и сбереженные им для потомства. Хорошо известно имя Евгения Ивановича и исследователям творчества Пушкина. Он был крупнейшим знатоком пушкинских текстов, в том числе (и в особенности) запрещенных цензурой произведений поэта. Высоко оценивают Евгения Ивановича как ученого и историка этнографии. Так, в монографии С. А. Токарева «История русской этнографии» (М., 1966) Е. И. Якушкину отводится значительное и почетное место как видному специалисту.

Действительно, Е. И. Якушкин был и крупным этнографом, и пушкинистом, и историком декабризма. Он был также библиографом-книговедом. Главный труд его жизни, которому он посвятил более 35 лет, — капитальная библиография по обычному праву. Тем не менее историки библиографии не уделили внимания трудам Е. И. Якушкина. Скупые упоминания о его «Обычном праве» (сопровожденные, правда, хвалебными эпитетами) — вот все, что мы находим в специальной литературе. Евгений Иванович Якушкин был не только библиографом в современном понимании этого слова, но и книговедом самого широкого профиля. Он был автором указателей, публикатором ряда важнейших документов, текстологом, издателем, редактором, крупнейшим библиофилом и организатором ряда общедоступных библиотек. Эта сторона его научной и общественной деятельности также почти не освещалась в печати.⁴

В последние годы стали появляться работы, посвященные отдельным аспектам деятельности Е. И. Якушкина. Так, в трудах Н. Я. Эйдельмана очерчена роль Евгения Ивановича в становлении декабристovedения и исследовано его участие в герценовских изданиях.

В статье Д. И. Будаева освещен вопрос об освобождении Якушкиным своих крестьян. Деятельность его как фактического главы «малой артели» декабристов проанализирована в работе Е. И. Матхановой. О взаимоотношениях сына декабриста с ссыльным Достоевским рассказала в своей книге М. М. Громыко.⁵ Однако полной биографии Якушкина до сих пор нет; целые пласты жизни этого замечательного человека остались вне поля зрения исследователей. В особенности это касается полувекового ярославского периода, весьма плодотворного в научном отношении. В сущности все названные работы посвящены молодому Якушкину. О зрелом же ученом, «Несторе обычного права», как называли его современники, литературы вообще не существует.

Настоящая работа является первым опытом воссоздания жизненного и творческого пути Евгения Ивановича Якушкина. Автору хотелось показать его как человека, ученого и общественного деятеля, оставившего заметный след во многих областях.

Исключительная скромность Евгения Ивановича, во многих случаях умалчивавшего о своем участии в научных трудах и общественных мероприятиях, является сильной помехой для его биографа.

Для написания этой книги использованы кроме печатных многочисленные рукописные источники — в основном переписка Е. И. Якушкина с учеными, книговедами и общественными деятелями его времени, в которой наибольшую ценность представляет многолетнее эпистолярное общение с друзьями молодости А. Н. Афанасьевым и П. А. Ефремовым, а также с сыном — Вячеславом Евгеньевичем Якушкиным.

Часть I

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Глава 1

МОСКВА

Евгений Иванович Якушкин родился 22 января 1826 г. в Москве, в доме на Малой Бронной. За 12 дней до его рождения в этом же доме был арестован его отец — декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. Когда мальчику было два месяца, мать его, Анастасия Васильевна, которой в ту пору было всего 18 лет, взяв с собой его и старшего сына — Вячеслава, отправилась в Петербург хлопотать о свидании с мужем. Известно, что Николай I, разгневанный твердостью и мужеством Якушкина, не пожелавшего назвать своих соратников, повелел заковать его в ручные и ножные кандалы и содержать «как злодея». Письмо жены, в котором она извещала его о рождении Евгения, декабристу, впрочем, разрешили прочесть...

Молодая женщина смогла увидеться с мужем летом 1826 г. в Парголово, по дороге из Петербурга в Финляндию, куда перевозили декабристов перед отправлением в Сибирь. Тут и было решено, что Анастасия Васильевна с детьми последует за мужем. «После всех тревог, нами пережитых, — писал впоследствии Иван Дмитриевич, — такая будущность нам улыбалась».¹ В следующем году Анастасия Васильевна с матерью и детьми дважды напрасно ездил в Ярославль, надеясь увидеться с мужем (о том, что ссыльных декабристов будут везти через Ярославль, знали многие жены декабристов). Только третья поездка оказалась успешной. В октябре 1827 г. И. Д. Якушкин в последний раз увиделся со своей семьей. Но он еще не знал, что разлука будет вечной... «Жена Якушкина была тогда 18-летняя молодая женщина замеча-

Иван Дмитриевич Якушкин.
Портрет Н. Уткина. 1816 г.

тельной красоты, — писал впоследствии декабрист Н. В. Басаргин. — Нам было тяжело, грустно смотреть на это юное, прекрасное создание, так рано испытывающее бедствия этого мира».²

В своих записках, продиктованных много лет спустя сыновьям, Якушкин так вспоминает об этом свидании: «Когда всё несколько успокоилось, я обратился к матушке с вопросом, намерена ли она проводить жену мою и детей в Сибирь. Матушка, залившись слезами, отвечала мне, что на мою просьбу проводить дочь она получила решительный отказ. Жена моя, также в слезах, сказала мне, что она сама непременно за мной последует, но что ей не позволяют взять детей с собою. Все это вместе так неожиданно меня поразило, что несколько минут я не мог выговорить ни слова; но время уходило, и я чувствовал, что надо было на что-то решиться. Что нам вместе, жене моей и

мне, всегда было бы прекрасно, я в этом не мог сомневаться; я также понимал, что она, оставшись без меня, даже посреди своих родных, много ее любящих, становилась в положение, для нее неловкое и весьма затруднительное, но, с другой стороны, для малолетних наших детей попечение матери было необходимо. К тому же я был убежден, что, несмотря на молодость жены моей, только она одна могла дать истинное направление воспитанию наших сыновей, как я понимал его, и я решил просить ее ни в коем случае не разлучаться с ними; она долго сопротивлялась моей просьбе, но наконец дала мне слово исполнить мое желание... Наконец наступил час решительной и вечной разлуки; простившись с женой и детьми, я плакал, как дитя».³ Детей декабристов брать с собою в Сибирь запрещалось на основании указа, в котором было сказано, что «дети сии должны получить приличное роду их образование для поступления со временем на службу, отцы же, находящиеся в ссылке, не только лишены дать им воспитание, но еще могут быть примером худой нравственности».⁴

Хлопоты тем временем продолжались. Есть сведения о том, что в конце 20-х (или в 1830 г.) Анастасия Васильевна все же сумела добиться разрешения ехать к мужу с детьми, но тут заболел Евгений, она должна была «отложить свое путешествие до летнего пути»,⁵ а тем временем срок действия разрешения истек. Кроме того, другие жены, в частности А. В. Розен, прослышав об этом, тоже стали добиваться позволения взять с собою в Сибирь детей. Разрешение, данное А. В. Якушкиной, создавало, таким образом, нежелательный прецедент. И когда в 1832 г. Анастасия Васильевна вновь поехала в Петербург хлопотать о возобновлении данного прежде разрешения, она получила категорический отказ. Исследователи отмечали, что в истории о позволении и запрещении этой поездки много неясного. Высказывались даже предположения, что родные Анастасии Васильевны тайком от нее просили шефа жандармов Бенкендорфа препятствовать поездке, считая, что молодая женщина сама не знает, чего хочет, что на нее оказывает сильное влияние ее мать, бывшая в большой дружбе с сосланным декабристом. Это не соответствует действительности. Письма Анастасии Васильевны к мужу свидетельствуют о том,

что она рвалась к нему. Сразу после ярославского свидания она начала писать дневник, который потом переслала мужу (по-видимому, с Н. Д. Фонвизиной). Это просто крик души. «У меня к тебе все чувства любви, дружбы, уважения, энтузиазма, и я отдала бы все на свете, чтобы быть совершенной для того, чтобы у тебя могло быть ко мне такое же исключительное чувство, какое я питаю к тебе. Ты можешь быть счастлив без меня, зная, что я нахожусь с нашими детьми, а я, даже находясь с ними, не могу быть счастливой».⁶ Молодая женщина ошибалась: Иван Дмитриевич тоже отнюдь не был счастлив. Его записки свидетельствуют об этом. Но все же на все мольбы жены он отвечал отказом. Это обстоятельство также смущало исследователей, которые пытались объяснить его всевозможными причинами. Так, автор комментариев к публикации дневника А. В. Якушкиной в «Новом мире» правнук декабриста Н. В. Якушкин высказал предположение, что решающую роль здесь сыграло нежелание Ивана Дмитриевича поместить сыновей во враждебную ему среду, которую, по его мнению, составляли их дядя — А. В. Шереметев и М. Н. Муравьев (будущий «вешатель»). Нам это предположение не представляется убедительным. Муравьев ни при каких обстоятельствах не стал бы заниматься воспитанием чужих детей: он и своих-то не воспитывал, предоставив это энергичной жене Пелагее Васильевне (оттого-то его дети и выросли, к счастью, не его единомышленниками). Что же касается А. В. Шереметева, то он-то как раз всю жизнь заботился о мальчиках, сыновьях любимой сестры. Еще менее убедительной кажется версия Э. А. Павлюченко, которая полагает, что дело в том, будто «чувство Якушкина к жене было совсем неэквивалентно тому, что испытывала Анастасия Васильевна <...> а может быть, и прежняя роковая любовь к Щербатовой лежала между нею и мужем?».⁷ Известно, что Иван Дмитриевич до женитьбы был сильно влюблен в Натали Щербатову (многие декабристы даже считали, что в 1817 г. он вызвался на царский убийство, так как не хотел жить из-за несчастной любви), но то было давно, в другой жизни, до катастрофы. К тому же его «предмет» обзавелся семьей, да и сам он женился, притом, надо думать, зная исключительное благородство Якушкина, женился по сердечной

склонности, а не «из видов», стал отцом, был счастлив. Нечего и говорить о том, что он, как и любой из сосланных декабристов, был бы безмерно рад соединиться с женой.

Искать тут тайн, по нашему глубокому убеждению, не приходится, и сам Иван Дмитриевич, и близко знавшие всю эту историю декабристы (Басаргин, Оболенский) дают ей простое и самое правдоподобное объяснение: Якушкин пожертвовал своим счастьем и счастьем жены ради детей. Вот и все. «Он уверен был, — писал Е. П. Оболенский, — что воспитание и любовь матери — первые и лучшие проводники всех лучших чувств, — чувство высокое, самоотвержение полное!».⁸ Было и еще одно обстоятельство психологического порядка, которое, вероятно, повлияло на это его решение. Иван Дмитриевич вырос без отца. Его воспитанием занималась мать, Прасковья Фелагриевна, урожденная Станкевич, женщина, по-видимому, не совсем обыкновенная. Так, уже будучи смертельно больной и зная об этом, она писала арестованному сыну, чтобы он не беспокоился о ней и что у нее все хорошо. В сознании Якушкина воспитательницей детей была мать и только она. Поэтому он и не представлял себе, что можно разлучить детей с матерью. Когда же тоска по молодой жене стала нестерпимой и он захотел соединиться с ней, несмотря ни на что, было уже поздно. Анастасия Васильевна уже не могла получить разрешения на поездку. Надо отметить, что отказ мужа принять ее без детей сильно уязвил молодую женщину и повлиял на всю ее жизнь. Не получив от правительства разрешения ехать с детьми, а от мужа — разрешения ехать без детей, Анастасия Васильевна оказалась в положении, едва ли не более тяжелом, чем другие жены декабристов. Это понимал и муж. «Мне приходилось, — писал он впоследствии, — вторично принести ее в жертву общим нашим обязанностям к малолетним детям; я при этом совершенно растерялся».⁹ Можно себе представить, как «растерялась» молоденькая женщина, почти девочка, выданная замуж в 15 лет, а в 18 оставшаяся «соломенной вдовой». Дело кончилось тем, что она даже перестала писать мужу, предоставив это матери. И. И. Пущин писал Н. Д. Фонвизиной 13 июня 1842 г.: «Понимаю, с каким чувством Вы провели несколько дней в Ялуторовске. Иван Дмитриевич тоже

Анастасия Васильевна Якушкина.
Миниатюра неизвестного художника. 1820-е гг.

мне говорит о Вашем свидании. Наши монашенки привезли ему письмо от тещи, жена даже не хотела писать. Тоска все это, но мудроно винить ее. Обстоятельства как-то неудачно тут расположились, в ином виноват сам Якушкин. Теперь они совершенно чужие друг другу».¹⁰

В 1832 г. правительство предложило взять сыновей Якушкина в военно-учебное заведение и воспитать их на казенный счет. Отец решительно воспротивился этому и отверг «монаршую милость», хотя, вероятно, предполагалось, что в случае согласия жена сможет соединиться с ним.

Так Евгений остался на попечении матери.

Иван Дмитриевич не ошибался, полагая, что юная мать «могла дать истинное направление воспитанию сыновей». Ум, доброту, обаяние, несравненную красоту — все дала природа Анастасии Васильевне. Она оказалась и превосходной воспитательницей, вырастив-

шей сыновей трудолюбивыми и свободолюбивыми людьми, внушившей им высокое уважение к сослужившему отцу и к делу, за которое он пострадал. Сыновья ее обожали. «Я не встречал женщины лучше ее, — писал Евгений. — Она была совершенная красавица, замечательно умна и превосходно образованна. Ее разговор просто блистал, несмотря на чрезвычайную простоту ее речи. Но все это было ничего по сравнению с душевной ее красотой. Я не встречал женщины, которая была бы добрее ее. Она готова была отдать все, что у нее было, чтобы помочь нуждающемуся... Все добро, которое она делала, делала она не потому, что этого требует религия, или по убеждению, что хорошо делать добро, но просто без всяких рассуждений, потому что не могла видеть человека в нужде и не помочь ему... Она одинаково обращалась со всеми, был ли это богат, знатный человек или нищий, ко всем она относилась одинаково. С независимым характером, какие встречаются редко, она при всей своей снисходительности никому не позволяла наступать себе на ногу, да редко кто на это и отваживался, потому что ее тонкая, но острая насмешка сейчас же заставляла человека отступить в должные границы. В то время всякого произвола ее глубоко возмущало всякое насилие, она высказывалась горячо и прямо, с кем бы ей ни приходилось говорить».¹¹ Неизвестно, сказались ли тут «природа» или таковы были плоды воспитания, но только Евгений полностью унаследовал эти качества, вплоть до насмешливости. Его доброта, высокая принципиальность, ум, независимость впоследствии будут отмечены всеми, кто встречался с этим достойным сыном своих родителей.

Воспитанию мальчиков, в особенности в раннем детстве, уделяла много внимания и бабушка — Надежда Николаевна Шереметева, женщина с умом и характером, числившая среди своих друзей Гоголя, Жуковского, Чаадаева, Языкова. Это была оригиналка, несдержанная на язык, вспыльчивая, но готовая в любую минуту прийти на помощь ближнему и по существу — добрейшая душа. «Маленького роста, с совершенно белыми волосами, картавая старушка, — так описывает ее Евгений, — она всегда была одета в черный капот, только причащалась и в светлое воскресенье была в белом капоте. Волосы у нее были остри-

жены в кружок... Набожная до чрезвычайности, она... читала только книги религиозного содержания, и в то же время у нее было какое-то поклонение к моему отцу, хотя она знала, что он человек неверующий. До самой смерти она писала ему непременно раз в неделю. Вспыльчива она была до невозможности, но я никогда не слышал и никогда не видел, чтобы она на кого-нибудь из прислуги подняла руку».¹²

Среди самых близких людей, имевших на него влияние, Евгений Иванович называет бывших крепостных своего деда, отпущенных на волю, но пожелавших остаться в семье, — Якова Игнатьевича Соловьева, управляющего имением Шереметевых Покровским и его жену Настасью Матвеевну, женщину, очевидно, незаурядного ума и нравственных качеств. Чете Соловьевых поверяли самые сокровенные тайны, зная, что они будут свято сохранены. Евгений Иванович вспоминал: «Когда мой отец был арестован в Москве, бабушка послала верного человека в смоленское наше имение привезти оттуда бумаги отца. Когда там сделали обыск, бумаги были уже в деревне, у бабушки, которая, зная их опасную важность, хранила их под полом своего кабинета, чтобы передать их отцу, когда он вернется из ссылки. Незадолго до смерти, боясь, что бумаги эти попадут кому-нибудь в руки, она сожгла их. Никто этой тайны не знал, кроме Якова Игнатьевича. Мне он рассказал об этом только после смерти бабушки».¹³ Сын Соловьевых Алексей был товарищем детских игр Евгения и Вячеслава, затем поступил вместе с ними в Московский университет. Некоторое время Евгений даже жил с ним на одной квартире, но затем пути их разошлись: внук крепостного начал быстро делать карьеру и ему стало не по пути с бывшим баринном.

Раннее детство мальчиков Якушкиных прошло в Москве и в принадлежавших семье имениях Покровском и Жукове. В последнем, кстати, хранилась замечательная библиотека их отца, в которой были произведения философов-энциклопедистов и сама знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Даламбера.

Большое участие в судьбе Вячеслава и Евгения принимал их дядя Алексей Васильевич Шереметев, относившийся к ним с нежностью отца и оказывавший семье сосланного декабриста значительную материаль-

ную помощь. Этот дядя и был владельцем подмосковного имения Покровского, в котором так вольно жились мальчишкам. «Огромный деревянный дом комнат в 20 был окружен с одной стороны большим столетним садом, с другой — рощей десяти в двенадцать, спускавшейся к реке». «Мой дядя, дорогую память которого я сохраняю до сих пор, — писал Евгений Иванович много лет спустя жене, — был человек очень добрый, честный, но несколько запуганный. Он кончил курс в школе колонновожатых, поступил оттуда офицером в гвардейскую конную артиллерию, был принят в тайное общество товарищем своим по школе Колошиним, но в делах общества принимал очень мало участия... Во время следствия и суда имя моего дяди не было никем произнесено. Участие его, как и многих других, в тайном обществе осталось тайной для правительства, но висело над ним постоянной угрозой... Когда я был уже в университете и после, по выходе моем оттуда, дядя с видимым удовольствием слушал вольнолюбивые речи, высказываемые с молодым увлечением, он никогда не возражал на них, но и никогда не высказывал прямо, что он с ними согласен, только после каждого такого разговора он становился еще нежнее со мною».¹⁴

Среди людей, оказавших определенное влияние на воспитание мальчиков Якушкиных, был Петр Яковлевич Чаадаев.

Весьма заметную роль в воспитании сыновей сыграл и их далекий отец, Иван Дмитриевич был, очевидно, в высшей степени талантливый педагогом. Об этом свидетельствует прежде всего его деятельность в области народного просвещения в Сибири, получившая очень высокую оценку как современников, так и позднейших исследователей. Ненавязчиво, но твердо он внушал своим сыновьям те взгляды на обязанности человека и гражданина, которым следовал сам. Евгений переписывался с отцом с отроческих лет (старший брат его, Вячеслав, был гораздо менее активен) и, естественно, находился под сильным влиянием личности декабриста. Письма Ивана Дмитриевича к сыну опубликованы, и по ним можно судить о том, каким образом он — прирожденный педагог — убеждал Евгения в необходимости бескорыстного общественного служения.

Для того чтобы дать мальчикам хорошее домашнее образование, Анастасия Васильевна поселилась с ними в подворье Троице-Сергиевой лавры, где находилась Московская духовная академия, ректор которой в эти годы — архиепископ Филарет (Гумилевский) — был дружен с семьей Шереметевых, часто бывал в Покровском, любил мальчиков Якушкиных. Детям давали уроки преподаватели и лучшие студенты академии. Это дало им прежде всего превосходное знание родного языка. «Там есть отлично хорошие преподаватели по всем отраслям наук, — писал Ивану Дмитриевичу декабрист М. А. Фонвизин, — и покамест твоим детям дают уроки студенты академии, также образованные и хорошо учившиеся. Они берут за уроки несравненно дешевле столичных учителей, подобно им не сокращают времени уроков и очень старательны». «Я уверен, — пишет он в другом письме, — что русский язык твои дети будут лучше знать, нежели наши дети»,¹⁵ т. е. дети четы Фонвизиных, оставленные в России на попечение дяди и воспитанные французами-гувернерами.

На формирование убеждений и научных интересов молодого Якушкина значительное влияние оказала его учеба в прославленном Московском университете. Ему довелось слушать лекции замечательных профессоров. Гегельянец П. Г. Редкин преподавал энциклопедию права. Его лекции «вводили в мир мысли и будили нравственное чувство, — две заслуги, которые редко соединяются вместе».¹⁶ Древнюю историю читал Д. Л. Крюков, историю средних веков — прославленный Т. Н. Грановский, лекции которого собирали «всю Москву». Студенты-юристы, в том числе Евгений, испытывали особенно сильное влияние идей К. Д. Кавелина, преподававшего историю русского законодательства. «Трудно представить себе то обаяние, которое производил тогда Кавелин своим изящным изложением, своим необыкновенно скромным, но чрезвычайно приятным видом»,¹⁷ — вспоминал один из его студентов. Для лучших своих слушателей молодой и прогрессивно тогда настроенный ученый устраивал еще и домашние чтения. На них неизменно присутствовал Евгений Якушкин. «На домашних воскресных беседах его со студентами, — вспоминал В. И. Семевский, — преобладающее место занимал вопрос о крепост-

ном праве, которое он громил резко и беспощадно».¹⁸

Аполлон Григорьев называл Московский университет 40-х гг. «университетом таинственного гегелизма». Но его с полным правом можно было назвать рассадником свободолобивых идей. В самое тяжкое для нравственной и интеллектуальной жизни время он выстоял и продолжал оставаться оплотом просвещения. Правда, Евгений успел закончить курс до наступления мрачного семилетия (1848—1855). Университетские годы подарили Евгению и замечательного друга — Александра Николаевича Афанасьева, впоследствии известного фольклориста и историка литературы. Их демократические, атеистические убеждения и противоправительственные настроения сформировались именно в эти годы. Е. И. Якушкин, в будущем далеко превзошедший своих учителей по радикальности убеждений, в студенческие годы много получил от них. В университете сформировались и научные интересы молодого человека. Ученик Кавелина и Калачова, он стал одним из крупнейших в России исследователей обычного права русского народа и других народов, населявших Россию.

В 1847 г. Евгений Якушкин окончил учение и уехал за границу для совершенствования в науках. Там встретил он грозовой 48-й год. У нас очень мало сведений о том, как жил он за границей, с кем встречался. Очень возможно, что он виделся с Герценом, с которым был знаком еще по Москве.¹⁹ Установить это не представляется возможным. В Париже, кроме учебы, его ждало еще одно важное дело — женитьба. Его невеста — Елена Густавовна Кнорринг принадлежала к обрусевшей шведской семье, жившей в Москве. Противодействие ее родни помешало им обвенчаться в России. Иван Дмитриевич (а он один остался к тому времени из старших Якушкиных) весьма одобрительно относился к этому браку. В марте 1848 г. он писал сыну в Париж: «Ты можешь легко себе представить, мой милый друг Евгений, с какой радостью я получил известие о твоей женитьбе. Крепко жму тебе руку и поздравляю с окончанием этого благого дела, столь близкого твоему сердцу».²⁰

Сохранилось неопубликованное письмо П. Я. Чаадаева к С. Д. Полторацкому, в котором он просит по-

следнего найти за границей молодого Якушкина, сына, как он пишет, людей, которых он сильно любил. По словам Чаадаева, Евгений Иванович изучает право в сопровождении «малютки, на которой он женился между двумя баррикадами».²¹ Действительно, свадьба эта состоялась в Париже в феврале 1848 г., в самом начале революционных событий, когда рабочий Париж бурлил, готовясь к решительной схватке с реакцией. Принимал ли молодой Якушкин непосредственное участие в парижских событиях, мы не знаем. Возможно, что слова Чаадаева были лишь эффектной фразой; возможно, что в ней кроется и более глубокий смысл... Об этом можно только гадать. Сохранились и письма И. Д. Якушкина, посланные Евгению из Сибири (через московских родственников) в Париж и Берлин. В них Иван Дмитриевич выражает беспокойство о судьбе сына, попавшего в самую гущу революционных событий. Написанные с оглядкой на цензуру (все письма ссыльных декабристов читались в III отделении), они, разумеется, крайне сдержанны и осторожны. Из них мы можем узнать только о передвижениях Якушкина по Европе. Так, в начале 1848 г. (до 20-х чисел марта) он живет в Париже, затем уезжает с женой в Берлин. В августе молодые находятся еще там. Очевидно, в конце этого или в начале следующего года они возвращаются в Россию.

У нас нет сведений об отношении Е. И. Якушкина к революционным событиям 1848 г. В это время он еще очень молод, ему всего 22 года, и его политические убеждения вряд ли уже окончательно сложились. Однако можно с уверенностью предположить, что пребывание за рубежом в 1848 г. имело большое значение для формирования его мировоззрения. Возможно, что он подобно Герцену после поражения революции 48-го года пришел к мысли об особом пути России и уверовал в общину как зародыш социализма. Во всяком случае вскоре он заявит себя пылким сторонником «русского социализма» Герцена.

Возвратившись на родину, молодой Якушкин прежде всего задумывает и осуществляет целый ряд преобразований в своем родовом имении, явившихся подготовительными мерами к освобождению его крепостных. В сущности, доходов с имения он уже почти не имеет и живет на жалованье. Основная его служба — преподавание законовведения в Константиновском межевом корпусе — не давала возможности содержать семью, и молодой человек берется еще за несколько дел: он преподает гражданское и уголовное право в Сиротском доме, становится директором чертежного архива Межевого ведомства, занимается литературной работой.

Крепнет его дружба с отцом. Не будучи еще знаком с ним лично, сын делается его единомышленником. «Ты смотришь на многие предметы с той же точки, как и я, — пишет ему отец в сентябре 1848 г., — и в этом я вижу ручательство, что, ты и я, мы всегда можем понимать друг друга».²² Советы сосланного отца становятся необходимыми молодому Якушкину. Реформы, проведенные им в имении, получают полное одобрение декабриста, в особенности просветительская деятельность, в свое время не удавшаяся старшему Якушкину из-за забитости и темноты крепостных крестьян. В феврале 1850 г. он пишет сыну: «Понимаю, как для тебя было приятно сообщить мне добрую весть о возможности завести училище в Жукове для крестьянских мальчиков по желанию самих жуковских крестьян. В этом отношении между нами произошел огромный успех: я помню, что сначала для меня было трудно их уверить, что, бравши их детей для обучения грамоте, я не имел при этом никакой сокровенной своекорыстной цели».²³

В 1853 г. в жизни Евгения Ивановича Якушкина произошло огромное событие: он получил по Межевому ведомству командировку в Сибирь и там впервые увиделся со своим отцом. Евгению в это время было 27 лет, Ивану Дмитриевичу — 60. Какими они увидели друг друга? Можно себе представить, как дрогнуло сердце у старого декабриста при виде сына — ведь это был вылитый портрет его жены. Те же правильные черты лица, те же большие синие глаза... В последний раз отец видел его совсем крошечным; это было во время их свидания в Ярославле. «Евгению было тогда второй год и он только что начинал ходить, — вспоминал Иван Дмитриевич, — в продолжение нескольких часов все старания Настеньки не могли его заставить приблизиться ко мне, и только перед самой нашей разлукой он протянул ко мне ручки и сел на колени».²⁴ Теперь перед ним был красивый

молодой человек, лишь отдаленно напоминавший того малыша. . .

Внешность Ивана Дмитриевича хорошо известна по портретам. Но представляют интерес и словесные описания ее, сделанные людьми, знавшими его в Сибири. Вот как описывает его художник М. С. Знаменский, сын его соратника по просвещению края отца Стефана: «Гость был в легонькой шубе с коротеньким капюшоном, в остроконечной мерлушечьей шапке на маленькой голове, нос у него был острый с горбинкой, глаза темные и быстрые, улыбающийся красный рот».²⁵ Тот же Знаменский дал описание квартиры Якушкина, в которой он жил все свои ялуторовские годы: «Комната его скорее всего походила на каюту. Стены были обтянуты черным коленкором. На черном фоне резко выступал в переднем углу артистической работы бюст красивой женщины — его жены. Между окнами, над письменным столом висели два детских портрета. Это были его дети. Выше — книжная полка, барометр, изваяние из меди — работа старых великих мастеров Италии. Вот и все украшения его скромного жилища».²⁶ Это описание дополняют воспоминания А. П. Созонович. «Якушкин нанимал у Родионовны верхний этаж ее маленького деревянного домика в две комнаты. . . В первой комнате между двумя окнами стоял письменный стол на двух шкафиках, вольтеровское кресло с круглой ножной подушкой, два складных стула, этажерка, маленький диванчик. . . Вся мебель была выкрашена черной краской под лак и обтянута, как и стены, темно-серым коленкором. . . Родионовна, как и большая часть сибирячек, обладала проворством, чистоплотностью и поваренным искусством, поэтому он имел дома здоровый и вкусный обед, и квартира его, светлая и теплая, всегда щеголяла необыкновенной опрятностью».²⁷ Как характерную для Якушкина черту надо отметить следующее: после отъезда из Ялуторовска Иван Дмитриевич продолжал высылать своей хозяйке плату за квартиру (45 р. в год, что при тогдашней сибирской дешевизне было заметной суммой в бюджете простой женщины), а когда он умер, эти деньги до самой смерти Ларионовой высылал Евгений.

Во дворе дома Иван Дмитриевич установил столб для метеорологических наблюдений, чрезвычайно сму-

Евгений Иванович Якушкин.
Рис. К. Мазера, 1841 г. Публикуется впервые.

щавший местных жителей, которые вообще склонны были поначалу считать его колдуном как за столб, так и за его ботанические экскурсии по окрестностям и даже. . . за катание на коньках, которое было тогда неизвестно в Сибири. «Но вместе с тем, — как отмечает та же Созонович, — перед ним благоговели за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь к ближнему, благотельно отражавшуюся на всех, кто бы ни встречался на его пути».²⁸ Декабрист Н. С. Басаргин отмечал: «Иван Дмитриевич Якушкин по своему уму, образованию и характеру принадлежал к людям, выходящим из ряда обыкновенных. Отличительная черта его характера была твердая, непреклонная воля во всем, что он считал своею обязанностью и что входило в его убеждения. < . . . > Имея очень ограниченные средства, он уделял последние на помощь ближнему».²⁹

Вот таким человеком, к тому же постоянно окруженным детьми, увидел Евгений своего отца. Эта встреча и знакомство с декабристами — Пуцциным, Муравьевым-Апостолом, Батеньковым, Оболенским и другими старыми героями — во многом определили направление научной и общественной деятельности Евгения Ивановича. Он становится одним из первых в России собирателей и публикаторов декабристских материалов, а также фотографом и литографом, изготовителем портретов декабристов и распространителем их (о чем еще будет рассказано). Известно также, что большая часть мемуаров декабристов появилась на свет только благодаря его настояниям.

На декабристов Евгений Иванович произвел не просто хорошее, а, можно сказать, сильное впечатление. Он был принят как равный в «ялуторовскую семью», стал казначеем «малой артели» и руководил ею до смерти последнего из декабристов. Надо полагать, что в эту поездку он решил совместно с отцом и вопрос об освобождении крестьян в их Жукове.

Примерно в том же возрасте, что и Евгений, Иван Дмитриевич начал задумываться о положении своих крепостных. Сначала он вдвое уменьшил господскую запашку, сократив этим и барщину. Затем он решил отпустить крестьян на волю. Он предполагал передать им безвозмездно дома, инвентарь, скот и землю, находившуюся под их усадьбами, огородами и выгоном, всю же остальную землю он хотел закрепить за собой и сдавать ее в аренду крестьянам по их потребностям. На этот проект крестьяне не согласились, предпочитая оставаться в зависимости от доброго барина, но не терять землю. Впоследствии Якушкин пришел к выводу, что освобождать крестьян без земли нельзя. Но новый проект ему уже не удалось осуществить. Эта задача выпала на долю его сына. После ареста декабриста семья продолжала выполнять его распоряжения, направленные на облегчение участи крестьян. Жители Жукова стали зажиточнее, но помещичье хозяйство пришло в упадок. Причин этому было множество: большие затраты по обучению мальчиков сначала дома, затем в Московском университете, заграничная поездка Евгения, очень дорого стоившая, болезнь и смерть Анастасии Васильевны (она умерла молодой в 1846 г.). Наконец, регулярно посылались деньги в

Сибирь, а это составляло примерно половину годового дохода, получаемого от Жукова. Надо полагать, что и женская рука не была достаточно умелой для управления имением, да и доброта владелицы не способствовала росту доходов. Как бы то ни было, но положение имения было тяжелым, и его пришлось в 1847 г. заложить в Московской сохранный казне. Матери уже не было в живых, и деньги под залог получили Вячеслав и Евгений. Эти деньги (11 000 р.) почти полностью ушли на уплату долгов покойной Анастасии Васильевны и заграничную поездку Евгения. В последующие годы половина дохода с имения поступала в уплату долга в Опекунский совет. А если, как мы видели, другая половина отсылалась в Сибирь, то ясно, что молодые Якушкины жили уже не с доходов, а только своим жалованьем, получаемым по службе. Холодному Вячеславу было легче; Евгению же, у которого появились дети (их было у него пятеро, но первая девочка умерла в 1852 г.), было туговато. Главной его заботой было состояние крестьян, которые все же продолжали оставаться крепостными, каким бы благоприятным ни было их положение.

По выкладкам специально изучавшего этот вопрос Д. И. Будаева, вся земля была в распоряжении крестьян еще задолго до Манифеста об их освобождении. Но установившееся в литературе мнение о том, что Евгений Иванович и юридически освободил своих крестьян до реформы, этот исследователь оспаривает.³⁰ Как бы то ни было, жуковские крестьяне пользовались такими привилегиями, о которых и помыслить не могли крепостные. Независимо от юридического оформления они перестали быть рабами. Посетивший Жуково уже в советское время внук декабриста Евгений Евгеньевич писал: «За сто протекших лет у бывших якушкинских крестьян не сохранилось решительно никаких воспоминаний об И. Д. Якушкине. Сына же его, Евгения Ивановича, который в 1855 году отпустил крестьян на волю и отдал им всю землю вместе с помещичьей усадьбой, крестьяне помнят и память его чтут».³¹

«Лето того года, когда Евгений Иванович передал Жуково освобожденным им крестьянам, Елена Густавовна жила с детьми в Жуково, — вспоминает его внучка Ольга Вячеславовна Якушкина. — Когда они

уезжали в Москву, Евгений Иванович разрешил взять с собой лишь личные вещи и детские игрушки. Вся обстановка помещичьего дома перешла в собственность жуковским крестьянам. В доме было много ценной немецкой посуды». ³² Между тем сам Якушкин едва сводил концы с концами. Но так велико было его желание сделать все для «вассалов», как он шутливо называл своих крестьян, что он не мог себе позволить взять что бы то ни было из имения, в котором более не собирался жить. Д. И. Будаев подсчитал, сколько Е. И. Якушкин мог бы получить с богатеньких жуковских мужичков, если бы он действовал согласно «Положению». Это была бы весьма внушительная сумма, но это был бы уже не Якушкин. В крестьянском вопросе Евгений Иванович был еще радикальнее, чем его отец.

Мировоззрение молодого Якушкина отчетливо выясняется из анализа его переписки и литературных работ этого периода. Он — убежденный демократ, сторонник освобождения крестьян с землей, «герценовец», возлагающий надежды на сельскую общину как зародыш будущего справедливого социального устройства. В годы позорной Крымской войны он, как и большинство порядочных людей в то время, надеется, что поражение царизма заставит правительство пойти на реформы и смягчение полицейского режима. 28 сентября 1854 г. он пишет И. И. Пущину в Сибирь (вероятно, с надежной оказией): «Ежели возьмут Севастополь — урок будет хорош, но жалко, что вся тяжесть его падет на народ — сколько будет пролито крови и уничтожено капиталов! Да и едва ли урок будет на пользу. <...> Стоило 30 лет мучить солдат, обращать все внимание на военную часть, держать более миллиона войск, собрать в продолжение года пятьсот тысяч рекрут для того, чтобы совершенно опозориться, когда наступила война». ³³

Как и Иван Дмитриевич, Евгений Иванович — убежденный атеист. Встретившийся с ним (правда, в более поздние годы) известный религиозный философ Е. Н. Трубецкой, тогда молодой преподаватель Демидовского лицея в Ярославле, вспоминал: «Он отрицал чудеса, исторически и вообще научно опровергал Библию и т. п. <...> Вместе с тем я был внутренне глубоко уверен, что этот атеист будет одним из первых в

Царствии Божием. Оттого меня и влекло к нему. Я часто спрашивал себя: во имя чего Евгений Иванович обнаружил в жизни столько деятельной доброты? Ради чего, например, он, очень небогатый человек, вдруг обрезал себя во всех своих нуждах и выкроил из своей земли большой земельный надел для освобожденных им крестьян? Одних демократических убеждений для этого по меньшей мере недостаточно. Так поступает не „демократ вообще“, а человек, у которого есть святыня в душе... Он был не холодец, не тепел, а горяч сердцем. В этом было главное его достоинство». ³⁴

Большой интерес представляют письма Евгения Ивановича к жене, посланные ей во время второй поездки в Сибирь (1855—1856). Из них кроме всего прочего можно видеть, каким другом и единомышленницей его была Елена Густавовна. «Пушкина (Бобрицева) и Свистунова мы с отцом не называем иначе, как тобольскими раскольниками, — пишет он. — Они так же, как и Оболенский, выдают себя за православных, но собственно говоря православного в них ничего нет, потому что, какие ни стараются они делать натяжки, чтобы примирить свои убеждения с православием, этого сделать им все-таки не удается». ³⁵

В одном из писем Евгений Иванович рассказывает жене о том, как, прийдя в гости к П. В. Анненкову, который в это время жил в Нижнем Новгороде в губернаторском доме, он услышал лязг цепей. Оказалось, что в саду, в котором они пили чай, работают арестанты. «Я очень хорошо знаю, — пишет Якушкин, — что арестанты ходят в цепях, что их употребляют в работы, видел даже не раз Достоевского с лопатой или метлой в руках, с ножными железами, с головой наполовину обритой, с конвойным, опустившим на землю ружье и равнодушно смотрящим по сторонам, кажется, не все ли равно, работает ли арестант на большой дороге или в саду, в котором я сижу и пью чай, однако ж — не все равно. Мне кажется, я не мог бы спокойно сидеть в саду, где почти беспрестанно слышен шум цепей. Я взял фуражку и поехал...». ³⁶

Тут будет уместно вспомнить, какую роль в судьбе Достоевского сыграл Евгений Иванович. Необычайно скромный, он никогда об этом не писал, но ведь это он едва ли не первый помог писателю встать на ноги

после каторги. Сохранились и опубликованы письма Достоевского к молодому Якушкину, датированные 1855—1858 гг. Из них ясно видно, что Евгений Иванович оказывал ему не только материальную помощь (что при крайне ограниченных средствах, которыми он сам располагал, было не так-то просто сделать), но и помог писателю вновь войти в мир литературы. Письма Достоевского полны горячей благодарности. «Я неожиданно, к моему счастью, нашел в Вас как будто родного, — пишет Федор Михайлович в апреле 1855 г. из Семипалатинска. — Не забывайте меня, а я Вас никогда не забуду». «Вы берете на себя труд хлопотать о напечатании моих сочинений, — пишет он в июне 1857 г. — Вы меня выводите на дорогу и помогаете мне в самом важном для меня деле». «Вы так благородно и просто изъявляли мне постоянно Ваше участие, что забыть о Вас я никогда не могу», «Благороднейший Евгений Иванович», «Вы так стали мне близки вашими поступками со мной»,³⁷ — такими изъявлениями благодарности и восхищения полны письма Достоевского. Он был одним из очень многих, которым помог Евгений Иванович.³⁸ Но биографу Якушкина только лишь случайно удается найти следы благородных поступков своего героя.

Много лет спустя, уже после смерти Достоевского, когда его сын готовил к публикации письма писателя к отцу, он попросил Евгения Ивановича рассказать об этом знакомстве. «В то время, когда Достоевский был в крепостных арестантских ротах в Омске, — писал Евгений Иванович, — я на короткое время попал в этот город. Достоевского я никогда до этого времени не видел. Зная, что жизнь Достоевскому в арестантских ротах очень тяжела (по общему отзыву там было хуже, чем в каторжной работе) и что сношения со знакомыми и родственниками крайне затруднены, я просил знакомого моего, у которого я остановился, устроить мне свидание с Достоевским. Его на другой же день привел конвойный очистить снег на дворе казенного дома, в котором я жил. Снега, конечно, он не чистил, а все утро провел со мной. Помню, что на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского в арестантском платье, в оковах, с исхудалым лицом, носившим следы сильной болезни. Есть известные положения, в кото-

рых люди сходятся тотчас же. Через несколько минут мы говорили, как старые знакомые. Говорили о том, что делается в России, о текущей русской литературе. Он расспрашивал о некоторых вновь появившихся писателях, говорил о своем тяжелом положении в арестантских ротах. Тут же написал он письмо к брату, которое я и доставил по возвращении моем в Петербург. . . В письмах своих Достоевский говорит о какой-то услуге. Что я предлагал ему денег, я помню, но у меня их было так мало у самого, что я мог предложить самую пустую сумму, да я и не помню, взял ли он у меня денег или нет. Во всяком случае, считать это услугой невозможно. Доставка письма брату — тоже не бог знает какая услуга. При прощании со мной он говорил, что он ожил. Может быть, это и была главная моя услуга. Мое сердечное, теплое к нему участие, чувство уважения к нему, которое высказывалось в моих словах, мои молодые надежды на лучшее будущее, вероятно, его успокоили на время и оказали, может быть, действительную услугу. Мы расстались более чем знакомыми, почти друзьями».³⁹

В конце 40-х—начале 50-х гг. складывается дружеский круг Евгения Ивановича. Сам он в эти годы входит в известный кружок Кетчера—Пикулина, отмеченный культом Герцена. Там он бывает со своим ближайшим другом и однокашником А. Н. Афанасьевым. Среди близких друзей Евгения и другие молодые москвичи—«герценовцы» — Виктор Иванович Касаткин (впоследствии политический эмигрант и сотрудник Герцена), Михаил Петрович Полуденский (брат приятеля Герцена А. П. Полуденского), Николай Михайлович Щепкин, сын великого русского актера, прогрессивный издатель и владелец книжного магазина, Петр Александрович Ефремов, впоследствии известный литературовед, редактор целого ряда изданий русских классиков, корреспондент вольной русской печати. Любопытно отметить, что все эти молодые люди были страстными библиофилами, собравшими на свои небольшие средства (состоятельными были только Полуденские) превосходные библиотеки. К этому обстоятельству мы еще вернемся.

Евгений и Елена Якушкины жили в то время в доме Абакумова на 3-й Мещанской (впоследствии дом № 51). Их квартира была местом притяжения как

Евгений Иванович Якушкин.
Фотография. Середина 1850-х гг. Публикуется впервые.

членов пикулинского кружка, так и сочувствовавшей им прогрессивно настроенной молодежи. Кроме москвичей, там частенько гостили петербуржцы, в частности близкий друг Евгения Виктор Павлович Гаевский, привлекавшийся в начале 60-х гг. к суду по «процессу 32-х», личность тоже весьма примечательная. Он, так же как и Евгений Иванович, был корреспондентом герценовских изданий. Посетители квартиры Якушкина имели шутливое прозвище — «филипповцы» (дом был расположен в приходе церкви Филиппа митрополита). Полицейские шпионы, следившие за возвратившимся из ссылки декабристом Якушкиным, усмотрели в посетителях Евгения участников нового политического заговора и довели это до сведения правительства.⁴⁰

В квартире была устроена очень активно действовавшая литография, изготавливавшая преимущественно

портреты декабристов, которые по небольшой цене продавались желающим и бесплатно раздавались вернувшимся из ссылки декабристам. В работе литографии принимала участие и Елена Густавовна. Надо сказать, что она очень волновалась, ожидая приезда свекра из Сибири, боялась ему не понравиться, не угодить, но ее опасения были напрасны. Иван Дмитриевич полюбил ее заочно, состоял с ней в переписке, уважал ее, даже несколько удивлялся широте ее интересов. «Ты говоришь, — писал он невестке в 1849 г., — что в настоящее время читаешь „Французскую революцию“ Тьера, — я уверен, что этот труд в общем доставил тебе удовольствие, но немного наскучил некоторыми подробностями военных операций».⁴¹ В те времена, когда старый Якушкин был молодым, дамы не читали подобных книг. За эти годы в России подросло новое поколение женщин, среди которых было немало передовых.

Ивану Дмитриевичу, так же как и другим старикам-декабристам, было запрещено проживать в Москве, но на некоторое время он остановился у сына. Постоянно бывали у него и другие декабристы, которым Евгений и его друзья помогли завести новые обширные знакомства и вообще войти в круг неизвестного им общества. В свою очередь старые герои произвели огромное впечатление на людей круга Евгения, поразив их своей бодростью, энергией, неувыдающей молодостью, верностью прежним идеалам. «Видал возвратившихся из ссылки декабристов, — записывает в дневнике А. Н. Афанасьев, — и удивлен, что люди, так много и долго пострадавшие, могли так сохранить свои силы и свежесть чувства и мысли».⁴² Между тем здоровье декабристов было уже сильно подорвано пережитыми лишениями, а Иван Дмитриевич был опасно болен — цинга, ревматизм, болезнь сердца — все это требовало серьезного лечения. Однако все просьбы были тщетны — больного старика выдворили из Москвы. Евгений писал по этому поводу И. И. Пущину: «III отделение сделало все, чтобы раздражить меня против правительства».⁴³ Приют Ивану Дмитриевичу дал его бывший товарищ по Семеновскому полку И. И. Толстой. В его имение Новинки Евгений и привез больного отца. Ф. Н. Глинка откликнулся на это событие стихами. Вспомним, — писал он, — Новинки,

Где у семьи благословенной,
Для дружбы и родства бесценной
Умом и доблестью сиял
И к новой жизни расцветал
Якушкин наш в объятьях сына,
Когда прошла тоски година
И луч надежды обещал
Достойным им — иную долю...⁴⁴

Но несмотря на нежные попечения семьи Толстых, Ивану Дмитриевичу становилось все хуже. Имение было расположено в сырой местности, да и квалифицированной медицинской помощи не было, и вот в июне 1857 г. Евгений, несмотря на запрещение, привозит отца в Москву. Но было уже поздно. 11 августа 1857 г. старый декабрист скончался. На его похоронах были некоторые из вернувшихся декабристов и члены их семей и, конечно, весь дружеский круг Евгения. Шпион III отделения, снаряженный наблюдать за похоронами, доносил по начальству: «Его гроб провожали Батенков, Матвей Муравьев и многие свежие его московские друзья: видно, число завербованных было уже довольно значительно, потому что для них было заказано 50 фотографий покойного. Кажется, полиция понятия не имеет об этой новой закваске. Увидим через пять лет, что из нее выйдет».⁴⁵ Поминки были устроены у Пикулина, на них, естественно, присутствовал весь его кружок. Перепуганным блюстителям порядка уже мерещился новый заговор, притом заговор, инспирированный декабристами. Молодые люди, друзья Евгения, действительно приступили к конспиративной деятельности, но она была связана прежде всего с их участием в вольной русской печати.

В 1858 г. вся эта молодежь группируется вокруг нового московского журнала «Библиографические записки», созданного по инициативе Афанасьева и Полуденского. Активное участие в редакционных делах принимали Евгений Якушкин и Петр Ефремов. Официально журнал числился за Н. М. Щепкиным, так как Афанасьев и Полуденский как служащие в архиве Министерства иностранных дел не имели права заниматься издательской деятельностью. В 1861 г. редактором журнала стал В. И. Касаткин (тоже негласно). На страницах «Библиографических записок» было опубликовано большое количество статей и материалов

по истории русской литературы и общественной мысли, в том числе множество ранее находившихся под запретом. Особенно выделяются пушкинские материалы. За три года существования журнала в нем было помещено несколько десятков статей и публикаций, относящихся к Пушкину. На его страницах увидели свет и два первых в России библиографических указателя, посвященных великому поэту, — «Что писано о Пушкине» и «Переводы сочинений Пушкина» Г. Н. Геннади.

Журнал уделял большое внимание литературе и общественной жизни XVIII в., в особенности деятельности Новикова, Радищева и Фонвизина. Насколько это было возможно в условиях того времени, сотрудники журнала пытались публиковать материалы о политической истории XIX в. «Даже самый общий обзор, — пишет Н. Я. Эйдельман, — открывает большое сходство тем и материалов (декабристы, Пушкин, Радищев) у подцензурных „Библиографических записок“, а также бесцензурных „Полярной звезды“ и „Исторических сборников Вольной русской типографии“». Это сходство интересно и потому, что теми же авторами и издателями „Библиографических записок“ многие очень ценные документы пересылались в Лондон, когда становилось ясно, что их не напечатать в Москве и Петербурге».⁴⁶ Переписка членов редакции журнала изобилует сведениями о запрещениях целых пластов материалов, предназначенных для «Библиографических записок». Н. Я. Эйдельман в своей книге о тайных корреспондентах «Полярной звезды» приводит отрывки из писем В. И. Касаткина к В. П. Гаевскому и Е. И. Якушкину о цензурных гонениях на «Библиографические записки». Сведения эти относятся ко времени редакторства Касаткина, т. е. к 1861 г. Но в архивах сохранились и более ранние документы, проливающие свет на эту сторону существования журнала. Особенно выразительно письмо А. Н. Афанасьева (в пору его редакторства) к петербургскому ученому П. П. Пекарскому, также испытывавшему давление цензуры при публикации трудов, посвященных науке и литературе петровского времени. «Вы жалуетесь на цензурные шалости, — пишет Афанасьев в сентябре 1858 г., — у нас эта богомольная дура делает выходки почище. Круже взял отпуск на месяц, и теперь дали нашим журналам

нового цензора, некоего Капписта, который, если бы можно, кажется, запретил бы „Ябеду“ своего однофамильца: такое дрянцо, что не уступит Безсомыкину, Фрейгангу и прочей братии, подвизающейся на славном поприще литературной полиции. Этот квартальный московской журналистики похерил у нас почти целый номер, и вот причины невыхода „Записок“ к сроку. А какая была набрана статья! Вы просто облизали бы себе пальчики и раза два, три причмокнули: так сладко! Это пренинтересное послание Невзорова, касающееся его собственной биографии, Дружеского общества и масонства в Москве. Материал, еще никому неведомый». ⁴⁷

Если в относительно благоприятное время столь свирепо преследовались новиковские материалы, то можно себе представить, каково было положение журнала вообще и сколько искусства, такта, смелости наконец нужно было иметь его руководителям и корреспондентам, чтобы провести сквозь цензурные рогатки материалы по политической истории России. Для посылок «прямо в Лондон, к Искандеру» текстов набиралось достаточно. Но все же первостепенной задачей было пытаться опубликовать их в России: такие публикации имели громадное общественное значение. Только в самом крайнем случае, когда уже надежды не оставалось, материалы с большим, конечно, риском переправлялись для публикации в Вольной типографии Герцена.

Евгений Иванович Якушкин был одним из самых активных поставщиков таких материалов. Он же опубликовал на страницах «Библиографических записок» несколько в высшей степени ответственных и интересных статей и документов. Они посвящены Пушкину, Чаадаеву, декабристам (о них будет подробно рассказано в соответствующих главах), переписке его бабушки Н. Н. Шереметевой с Гоголем, Языковым, Жуковским. Там же опубликована его статья о новиковском журнале «Повествователь древностей российских», явившаяся одним из звеньев в цепи новиковских материалов, напечатанных в «Библиографических записках». На страницах журнала был также воспроизведен знаменитый портрет Новикова работы Боровиковского. Портрет в свое время был подарен дочерью Новикова Н. П. Руничу, а затем приобретен Е. И. Якуш-

киным, который заказал с него гравюру в Лейпциге. Она и была помещена в «Библиографических записках». Впоследствии право на воспроизведение этого портрета было передано Якушкиным П. А. Ефремову, переиздававшему с ним в 1867 г. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова.

В эти годы Евгений Иванович Якушкин становится активным корреспондентом вольной русской печати. Разысканиями Н. Я. Эйдельмана установлена его роль в появлении на страницах герценовских изданий целого ряда ответственных материалов, посвященных прежде всего декабристам. Несколько очень важных документов, переданных Якушкиным, вошло в герценовскую пушкиниану.

Насколько можно судить по письмам его друзей, молодой Якушкин «баловался» также и сочинительством. Так, из письма к нему П. А. Ефремова мы узнаем, что тот читал какие-то произведения Евгения Ивановича. Он благодарит друга «за произведение Вашей музы». «Я еще прежде, — пишет он, — имел „драматические сцены“, оканчивающиеся этим стихотворением, которое всем без исключения весьма нравилось, но я не знал, что это произведение Вашего пера». ⁴⁸ К сожалению, разыскать эти сочинения не удалось, но всего вероятнее, что Евгений, так же как и его приятель Ефремов, выступал в жанре литературной пародии.

В конце московского периода жизни Якушкина он представляется нам еще молодым, но уже вполне зрелым человеком, со сложившимися убеждениями, научными интересами, идеалами. Стойкий последователь Герцена, его «русского социализма», ставящий интересы народа превыше всего, верный в дружбе, непреклонный во всем, что он считал своим долгом, и вместе с тем веселый, остроумно-насмешливый, даже порою ядовито-остроумный, он был обаятельной личностью в полном смысле этого слова.

Вдова декабриста А. В. Ентальцева, хорошо его знавшая, писала И. И. Пущину (1858 г.): «Евгения я люблю, хоть он мало про кого говорит хорошо. Ну, да это уж можем и сами ценить и понимать людей; это не мешает видеть Евгения веселым и добрым человеком». ⁴⁹

В 1859 г. Е. И. Якушкин навсегда покидает Москву и поселяется в Ярославле. Что побудило его, коренного москвича, связанного с этим городом множеством дружеских уз и научных интересов, уехать в провинцию? Прежде всего, конечно, нужда. Якушкин был так беден, что не мог по просьбе Ефремова пойти к фотографу «по неимению одежды, сколько-нибудь приличной».¹ Служба оплачивалась скудно, копились долги. В сущности, столбовой дворянин по происхождению, Якушкин по социальному своему статусу был разночинцем, всецело зависевшим от службы и литературного заработка. Последний, впрочем, был весьма незначителен. Получить в Москве хорошо оплачиваемую должность он не мог хотя бы потому, что был на дурном счету у властей. Мы уже говорили, как московская полиция относилась к «филипповцам», посетителям дома Якушкина. Сам же Евгений Иванович считался человеком крайне неблагонадежным. В рукописном отделе Пушкинского дома хранятся секретные бумаги сенатора А. А. Закревского (в то время московского генерал-губернатора), в том числе «Список подозрительных лиц в Москве», среди которых числится «Якушкин Евгений Иванович, сын ссыльного Якушкина, прикосновенного к 14 декабря 1825 года».² При такой репутации Якушкину в Москве было не на что рассчитывать. Но получить высокооплачиваемую должность в провинции оказалось тоже не так-то просто. Для этого нужна была «рука» — покровительство человека, обладающего государственной властью. Такой человек нашелся. Это был дядюшка Евгения Ивановича (муж его тетки Пелагеи) — всесильный М. Н. Муравьев. Взаимоотношения неблагонадежного в политическом смысле молодого человека, сына «государственного преступника» с одним из самых свирепых душителей свободы — настолько любопытный эпизод, что о нем стоит сказать особо.

Известно, что Муравьев в молодые годы был декабристом (и даже одним из видных деятелей движения) и привлекался к суду. Однако ему удалось оправдаться, и он медленно, но верно делал карьеру. В интере-

сующие нас годы он был министром государственных имуществ. Известный публицист и общественный деятель Н. В. Шелгунов, которому довелось служить под началом Муравьева, говорил, что он «не был ни администратором, ни реформатором, он был разрушитель и умел ломать превосходно».³

Назначенный в 1857 г. министром государственных имуществ, он не ограничился переворотом в недрах министерства, но еще предпринял ревизионную поездку по губернским городам, избивая правого и виноватого. Многие председатели губернских палат были им смещены. «Рассказывали, — вспоминает Н. В. Шелгунов, — что два чиновника от нашей ревизии умерли от страха. Это могло случиться... Каждый чувствовал, что у этого человека не дрогнет рука подписать что хотите».⁴ На место изгнанных чиновников Муравьев назначал кого ему было угодно, не считаясь ни с желаниями, ни даже с возможностями людей. Вот так он взял и назначил своего племянника управляющим палатой государственных имуществ в Ярославль. Сам бесчестный, он как министр хотел иметь честных чиновников на местах. А в этом случае честность была гарантирована. Но перед тем как облагодетельствовать своего родственника, Муравьев, по-видимому, хорошенько ему пригрозил, зная, конечно, о том, что Якушкин на плохом счету у властей. В письме к Ефремову Евгений Иванович рассказывает, что «принципал», прежде чем предложить ему должность, посулил «сослать его на необитаемый остров».⁵ Дядя с племянником вообще сильно недолюбливали друг друга. Молодой Якушкин знал цену своему родственнику и относился к нему с неприязнью и недоверием, хотя и вынужден был принять от него услугу. Описывая Ефремову порядки в ярославской палате и свои планы по улучшению жизни крестьян, он предупреждает друга (служившего у Муравьева): «Ради бога, чтобы о письме этом не узнал принципал; все это фантазия, скажет он, да, пожалуй, так еще махнет пером, что я очуюсь в Бессарабии».⁶ Но уклад русской жизни был таким, что даже жестокий Муравьев не мог «не порадовать родному человечку». Просили родственники, просила жена — и вот племянник, которого он охотнее всего сослал бы «во глубину сибирских руд» вслед за его отцом, получает должность, о которой не мог

бы даже мечтать молодой и нечиновный человек? Председатель палаты государственных имуществ был чрезвычайно важным лицом в губернии. Тот же Шелгунов, превосходно знавший быт русской провинции, говаривал, что «управляющие палатами старались держать себя с величием министров и, кажется, даже боялись шевелить головами, чтобы не потрясти губернских городов. Особенно сановничали управляющие казенными палатами и палатами государственных имуществ... Все они держали себя сановниками, потому что ощущали в себе большую силу, которой в других людях не было, все они жили барами, разъезжали в собственных экипажах, а жены их воображали себя статс-дамами».⁸

Вот в такую-то должность и предстояло вступить 33-летнему Якушкину, не имевшему не только экипажа, но даже сколько-нибудь приличной одежды, жена-тому на милой и скромной интеллигентной женщине, которая была его товарищем и единомышленницей и которой так же пристало быть провинциальной львицей, как демократу Якушкину — сановником. Но таковы уж были парадоксы тогдашней русской жизни. Служил же Салтыков-Щедрин в должности вице-губернатора! «Назначение мое, — пишет Якушкин Ефремову, — будет не последним чудом. В Макарьевской Четьи-Миней есть сказание об св. Антонии, что он летал на черте в Иерусалим, со мной совершенно что-то подобное, только меня черт перенес не в Палестину, а в Ярославль».⁹

Приходилось начинать новую, непривычную, страшноватую жизнь. Вот первое письмо Якушкина из Ярославля:

«От Вас первых, любезный Петр Александрович, получил я письмо в Ярославле, оно пришло в минуту жизни трудную и потому очень кстати. В первые минуты приезда я испытывал чувство человека, схороненного заживо. Не дай бог, как скверно. Мертвечинной кругом так и разит. Теперь пообнюхался, бежать некуда, стою, как в заколдованном круге, одно средство — держать себя ото всех дальше... Веду я себя, впрочем, очень прилично, тихо и смиренно — закон исполняю... Палату я нашел совсем не в таком скверном положении, как думал, судя по слухам. Есть, впрочем, и здесь такие лица, перед которыми пресло-

вутый Ванька Каин кажется мальчишкой и в которых мерзость доходит до поэзии. От этих поэтических личностей я надеюсь со временем избавиться — надо сначала хорошенько осмотреться. Работы, по крайней мере теперь, у меня столько, что я уже значительно похудел, — часов 10 или 11 в сутки сижу над бумагами каждый день — и удивительное дело, сижу с наслаждением, я, бывший бумагоненавистник искони. По крайней мере здесь сталкиваешься с жизнью — неосторожный размах пера задевает живое крестьянское тело. Остановить этот размах — наслажденье».¹⁰

Это письмо датировано 29 июня 1859 г. С этих пор официальная деятельность Якушкина идет в двух направлениях, возможных в рамках занимаемой им должности: искоренение взяточничества, этого бича Российской империи, и улучшение экономического быта крестьян. Борьба со взяточниками означала объявление войны не только своим подчиненным, но и целому кругу влиятельных губернских особ. Естественно, что те не оставались в долгу. Вскоре Якушкин узнает, что откупщики послали на него донос «финансовому принципалу».¹¹ Любопытно отметить, что в вопросе о взяточничестве молодой Якушкин также был единомышленником отца. Н. В. Басаргин вспоминал, что Иван Дмитриевич был вообще-то терпимый человек, «одного только он не прощал и в этом отношении был неумолим. Это — лихоимство. Ничто в глазах его не могло извинить взяточника».¹²

Е. И. Якушкин, через руки которого прошло все выкупное дело в губернии, постарался провести его с наибольшей выгодой для крестьян. Ярославские крестьяне шли к нему как к своему защитнику и покровителю. Его популярность и авторитет были таковы, что мужики, обычно относившиеся со справедливым недоверием к чиновникам, приходили к нему за советом в самых сложных случаях. Сын его, Вячеслав Евгеньевич, в биографии отца, написанной для знаменитого словаря Венгера, но оставшейся неопубликованной, специально подчеркивает это обстоятельство. «Крестьяне шли к нему постоянно со всех сторон за указаниями и советами по своим нуждам».¹³ Об одном таком случае рассказал сам Евгений Иванович, и это свидетельство человека, не склонного рассказывать о себе, особенно драгоценно.

«Можно положительно сказать, что идеал ярославских крестьян составляет не личная собственность, а так называемый здесь черный передел, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна делиться между всеми по числу душ, — писал Якушкин. — Слух о близости такого черного передела распространился несколько лет тому назад с такой силой, что крестьяне, жадные здесь, как и везде, до земли, остановились покупкою дешево продававшихся тогда занадельных участков, и мне стоило большого труда убедить крестьян, приходивших ко мне за советом, что они могут без всяких опасений покупать землю и что черного передела не будет».¹⁴ Близость важного чиновника с мужиками казалась подозрительной блюстителям порядка. В одном из доносов на него было даже сказано, что он старается «возмутить крестьян».¹⁵ Это, конечно, вряд ли могло иметь место — служебное положение Якушкина обязывало его к осторожности, но это очень показательное для репутации «возмутителя спокойствия». Героические усилия Якушкина, пытавшегося облегчить положение крестьян, часто оборачивались для него горечью разочарования. Хотя он сделал очень много, но в конце концов он был только одиночкой, стоявшим лицом к лицу с огромной и беспощадной бюрократической машиной, противопоставить которой он мог только свою энергию и личное благородство. Вот поэтому в его письмах к друзьям прорываются нотки отчаяния. «Жить стало так тяжело, — пишет он Ефремову в феврале 1862 г., — что в каторге было бы, право, легче. С тех пор, как я с Вами виделся, у меня исчезли последние надежды на то, чтобы крестьянское дело могло окончиться хорошо для крестьян. Мировые учреждения принимают характер полицейский в самом скверном его смысле. Дворянство толкует по-прежнему про земский собор, не желая, впрочем, ничего, кроме своих собственных выгод... Народ выказывает в некоторых случаях упорство — и только. Между тем народ этот терпит во многих отношениях больше прежнего. И откуда и какого ждать выхода? Конечно, не от дворянства... Дворянские либералы мне совершенно опротивели с тех пор, как я познакомился с ними короче... Злость берет на этих господ, потому что за либеральными фразами скрывается такая мерзость, что остается только на них

плюнуть. В их руках еще, может быть, будет власть, Вы увидите тогда, что они будут делать... Странная, как видите, история освобождения крестьян. В ней есть все, кроме освобождения».¹⁶

Такую же пессимистическую оценку «великой реформы» давали и близкие друзья Евгения Ивановича. «Крестьянское дело и у нас, как и везде, расшевелило и взбудоражило тинное болото помещичества, — писал ему А. Н. Афанасьев, — и присматриваясь кругом, прислушиваясь к мнениям, я вижу, что вопрос только подступил к решению, а вовсе еще не решен манифестом и положением. Пакостей будет бездна, и уже начало их для всех очевидно. Москва переполнилась жалобами дворовых на помещиков, очень естественный плод нелепой статьи, отдавшей еще на два года дворовых в зависимость от бар, которые озлоблены и готовы на всякую штуку: только было бы на ком сорвать!».¹⁷ Он сообщает другу и о волнениях крестьян в различных губерниях России. «Крестьянское дело идет везде не совсем утешительным порядком, — читаем мы в другом письме. — В имениях г-на Станкевича крестьяне, несмотря на розги, отказались отправлять барщину, и к ним применена экзекуция, т. е. крестьяне преданы разграблению: форма наказания, сильно отзывающаяся татарщиной».¹⁸

Якушкин был хорошо осведомлен о ходе «освобождения» в других губерниях, и это тоже не прибавляло оптимизма. Еще раньше, в мае 1861 г., он получил письмо от М. Е. Салтыкова-Щедрина из Твери, в котором было сказано: «Крестьянское дело в Тверской губернии идет довольно плохо. Губернское присутствие, очевидно, впадает в сферу полиции, и в нем только и речи, что об экзекуциях. Покуда я ездил в Ярославль, уже сделано два распоряжения о вызове войск для экзекуций. Крестьяне не хотят и слышать о барщине и смешанной повинности, а помещики, вместо того чтобы уступить духу времени, только и вопиют о том, чтобы барщина выполнялась с помощью штыков».¹⁹

Остановимся и подумаем — кто это пишет? Кому? Это пишет тверской вице-губернатор председателю ярославской палаты государственных имуществ, а последний делится своими впечатлениями с доверенным чиновником страшного Муравьева. Все трое — люди,

высоко стоящие на служебной лестнице, и все они — враги существующего порядка. Каждый из них старался использовать свое служебное положение для добрых дел, на пользу народа, благо которого они ставили превыше всего. Ведь даже такой прозорливый, умнейший, скептически настроенный человек, как Салтыков-Щедрин, пошел служить для того, чтобы «не давать в обиду мужика». Б. П. Козьмин считает, что смысл этой теории молодого Щедрина «сводился к признанию возможности, отбывая чиновничью службу, работать не на поддержку существующего политического порядка, а против него, разлагая его изнутри». ²⁰ Это как нельзя более подходит и для характеристики служебной деятельности Якушкина. Щедрин в эти годы писал, что «настоящее дело не в кружке, а вне его и именно в той темной области, в которой живут и действуют Сквозники-Дмухановские».

Не следует забывать и о том, что последователи Герцена в конце 50-х — начале 60-х гг. еще верили в возможность принести пользу народу своей служебной деятельностью. Так, в эти годы Н. П. Огарев указывал, что одно из эффективных средств — это «личное влияние членов общества (речь идет о тайном обществе. — Л. Р.) на общественное мнение всеми способами, изустными и печатными, деятельное служебное замещение мест своими членами и влияние на правительственные распоряжения». ²¹

И Якушкину, и Щедрину вскоре стало ясно, что эффективность их действий чрезвычайно ограничена. Второй, прослужив примерно 10 лет (срок все же не столь уж малый), вышел в отставку; первый продолжал служить. Правда, у него, собственно, и не было выбора. Он был беден, обременен семьей и всецело зависел от службы. Но не таков был Якушкин, чтобы продолжать служить только из-за денег. Выйти в отставку — значило каинтулировать. И он продолжал службу, не уступая ни одной из завоеванных позиций, не давая себя запугать и превратить в послушное орудие власти. Был, однако, момент, когда Евгений Иванович в полном отчаянии от чувства собственного бессилия хотел бросить все, уйти в отставку и вернуться в Москву. Об этом мы узнаем из письма к нему А. Н. Афанасьева от 20 мая 1864 г. «Хорошо было бы, если бы ты перебрался в Москву, — пишет он другу, —

а пока не советую тебе думать об отставке. Я понимаю, что некоторые уступки крайне тяжелы, но если ради одной ничем не отвратимой уступки высшей власти можно совершить десятки гуманных дел, которые без тебя никак бы не сделались, то я бы пошел на уступку: таково наше время, что надо быть чисту аки голубю и хитру аки змию». ²²

Много лет спустя Евгений Иванович в письме к Ефремову вспоминал эти годы как очень тяжелые, когда его служебное положение висело на волоске, а на руках была семья, и призывал учиться мужеству у Пушкина. ²³

Выстоять и сохранить веру в свои силы помогла Евгению Ивановичу и его жена Елена Густавовна. Она была настоящим другом, поддерживавшим его в тяжелые минуты. В условиях провинциальной жизни, да еще при замкнутости Якушкина и нежелании общаться с местными чиновниками, это имело огромное значение. Сыновья Евгения Ивановича также выросли его единомышленниками. Атмосфера якушкинской семьи была стойким противовесом темному царству провинциальной жизни, наполненной, по выражению Писарева, всеми «миловидными продуктами и остатками крепостного права».

Итак, Якушкин продолжал служить и остался на всю жизнь в Ярославле. Письма Евгения Ивановича к друзьям свидетельствуют о том, что в начале 60-х гг. он надеялся на более кардинальные перемены (эти ожидания также разделялись многими в России). Вспомним хотя бы приведенное выше письмо его к Ефремову, в котором он сетует на то, что народ выказывает только упорство, не больше. Без сомнения, он ждал иного, тем более видя, что народ «терпит во многих отношениях больше прежнего». Да, он мечтал об ином. . . Но убедившись, что до революции далеко, он решил работать и приносить посильную пользу этому народу, который еще не умеет постоять за свои интересы. Конечно, он идеализировал общину и «коммунистические инстинкты» русского мужика, но это уже общая трагедия демократов 60-х и народников 70-х гг.

Б. П. Козьмин, опубликовавший в свое время письмо В. И. Касаткина к Якушкину, в котором тот рекомендовал ему едущего в Ярославль А. А. Слеп-

цова, высказал предположение, что «Е. И. Якушкин отнесся сочувственно к миссии Слепцова и согласился примкнуть к „Земле и воле“». Письмо это действительно очень любопытно. «С Новым годом и новыми надеждами, Евгений Иванович, — пишет Касаткин. — Вручитель моего и прилагаемого письма А. Н. Афанасьева — один из самых горячих участников образованного в Петербурге общества для распространения нужных народу книг и учебных пособий. Общество состоит в тесной связи с журналом „Народная беседа“. Имя вручителя писем — Александр Александрович Слепцов. Он едет в Ярославль и Нижний Новгород со специальной целью найти нужных обществу комиссионеров и агентов. О подробностях, цели и пр. он расскажет Вам лично. Зная, что Вы принимаете горячее участие в деле народного образования, указал ему на Вас как на человека, могущего сообщить ему нужные сведения и указания относительно их дела в Ярославской губернии. После Вашего отъезда разрыв прежнего московского кружка стал еще глубже. Теперь уже не может быть и мысли о каких бы то ни было компромиссах с партией Чичерина и К^о». ²⁴ Далее в письме сообщается об отправке на каторгу М. Л. Михайлова, о предательстве Вс. Костомарова. Тон письма — весьма доверительный и дружеский. Общество для издания книг для народа, о котором здесь идет речь, было организовано группой землевольцев во главе с А. Д. Путьевой, А. А. Слепцовым и Н. А. Серно-Соловьевичем. Конечно, их доверие к Якушкину говорит о том, что его считали в какой-то мере единомышленником, но примкнул ли он в самом деле к «Земле и воле» — об этом, не имея в своем распоряжении никаких документальных данных, кроме этого письма, судить, как нам представляется, преждевременно. Предположение Б. П. Козьмина, высказанное более сорока лет тому назад и с тех пор не подкрепленное никакими доказательствами, в настоящее время в связи с усилением интереса к Е. И. Якушкину уже преподносится как доказанный факт. Так, в работе Е. И. Матхановой мы читаем, что Якушкин был «участником организации „Земля и воля“». ²⁵ Если подобное вольное обращение с фактами еще терпимо в популярных статьях, авторы которых более всего озабочены поисками сенсаций, то в серьезном научном исследовании оно выгля-

дит по меньшей мере неуместным. Вопрос этот достаточно серьезен и требует дополнительных разысканий. Впрочем, мы почти уверены, что поиски эти ничего не дадут. Никаких следов, никаких упоминаний о том, что Евгений Иванович вступил в первую «Землю и волю», нам ни разу не встречалось ни в печатных, ни в рукописных источниках. Но дело, конечно, не только в принадлежности к какой бы то ни было революционной организации, а и во всей совокупности деятельности данного человека. Что делал (или что мог делать) Якушкин в качестве члена «Земли и воли», живя в Ярославле да еще будучи на виду как крупный чиновник? Вряд ли он, трезвый и умный человек, рискнул бы в своем положении проводить, скажем, агитацию среди крестьян или печатать прокламации. Его вклад в освободительную борьбу выразился в ином, лежал на других путях, может быть и не столбовых, недооценивать которые мы сегодня уже не вправе.

Содержание нелегальной деятельности Якушкина определяется двумя словами: преемственность идей. Это то самое дело, за которое сражался Герцен. Силуэты пяти казненных декабристов на обложках герценовской «Полярной звезды», вышедшей в 60-х гг., — вот символ этого дела. «Он оставил неизгладимый след в истории русского общественного движения собранием и обнародованием обширных и важных материалов о декабристах, — сказано было в одном из некрологов Якушкину. — Не будет преувеличения, если мы скажем, что в этом отношении для закрепления в потомстве светлого образа этих борцов за свободу Евгений Иванович сделал больше, чем кто-либо другой». ²⁶ Это вполне справедливо. Но дело было не только в светлых образах декабристов, но и в идеалах, за которые они боролись. Недаром В. Е. Якушкин говорил о том, что освободительные идеи 20-х гг. преемственно выразились в новом революционном движении, на новом, более высоком этапе.

Собрание и публикация декабристских материалов рассматривались не только как дань памяти замечательным деятелям освободительного движения, но и как призыв к действию. Возможно, что Евгений Иванович участвовал в еще какой-нибудь нелегальной деятельности; возможно, что он был корреспондентом не только «Полярной звезды», но и «Колокола». Может

быть, он занимался и другими формами пропаганды. Но когда, как это мы видели из донесения жандарма, местное общество приписывало ему «крайне демократическое и даже революционное» направление, то имелось в виду, конечно, не это. Об участии Якушкина в герценовских изданиях ярославские тузы, разумеется, не имели сведений. Он был в их глазах революционером в силу определенных сторон своей легальной деятельности. Что же это была за деятельность?

Это было, во-первых, как мы уже знаем, активное участие Якушкина в деле освобождения крестьян. «Е. И. Якушкин, — писал В. И. Семевский, — оставил по себе память как один из самых выдающихся деятелей крестьянской реформы. В широких слоях населения это имя пользовалось известностью... стойкого и неуклонного ревнителя крестьянских интересов».²⁷

По мнению ярославского общества, вполне разделяемого местной жандармерией, именно деятельность Якушкина как члена губернского присутствия по крестьянским делам была причиной «беспорядков», происшедших в губернии при внедрении «Положения».

Начальник Ярославского губернского жандармского управления доносил в Петербург 5 июня 1861 г.: «С начала учреждения в Ярославской губернии губернского по крестьянским делам присутствия образовались в оном две партии: одна чисто консервативная, к которой принадлежала большая часть членов от дворянства, а другая — с более либеральным направлением, находясь, как заметно, под влиянием управляющего палатой государственных имуществ статского советника Якушкина, состояла из губернского прокурора и рыбновского помещика Александра Сергеевича Хомутова; во многих случаях мнения их разделял и бывший начальник губернии, свиты его императорского величества генерал-майор князь Оболенский, — вследствие чего последовали те распоряжения, которые были некоторым образом поводом к возникшим во многих местах затруднениям в помещичьих имениях и недоразумениям крестьян в исполнении лежащих на них по Положению повинностей».²⁸ И здесь невольно напрашивается аналогия с положением Салтыкова-Щедрина. Его тоже обвиняли во всех грехах и прежде всего во вредном влиянии на губернатора. «Всего более прискорбно, — пишет о нем жандарм, — что г-н Сал-

тыков приобрел такое сильное влияние на пензенского губернатора, что действительный статский советник Александровский, зная хорошо направление г-на Салтыкова и его супруги, все-таки продолжает вести с ними семейную тесную дружбу».²⁹

Таким образом, и Салтыков, и Якушкин выступали в жандармских сочинениях в качестве этаких змиев-искусителей при невинных поставленных от правительства начальниках губерний; не было бы этих зловерных людей — не было бы и «недоразумений» в крестьянском деле. Заметим, что Салтыков в это время был председателем казенной палаты.

В Ярославской губернии, как и в других местах империи, «Положение» приходилось внедрять с помощью штыков. В этих условиях позиция Якушкина, которая с сегодняшней точки зрения представляется только либеральной, была в глазах губернского начальства «возмутительной», революционной, тем более что по своему служебному положению он был обязан всячески поддерживать распоряжения верховной власти.

Весьма необычной для крупного чиновника и вызывавшей много нареканий со стороны официальных лиц была и деятельность Якушкина по просвещению края. Она выражалась прежде всего в устройстве воскресных школ и общедоступных библиотек. И то, и другое делалось вопреки политике правительства в деле народного образования. Евгений Иванович был одним из учредителей и учителей воскресных школ в Ярославле.

В конце 50-х гг. в России стали возникать воскресные школы для взрослых. Они возникали по инициативе кружков прогрессивной интеллигенции; это было одним из проявлений нарастающего общественного подъема. Первая воскресная школа была организована в Киеве в 1859 г., а два года спустя по всей России открылись уже 274 воскресные школы. Однако судьба их все время висела на волоске. В декабре 1860 г. шеф жандармов Долгоруков в специальной докладной записке царю предлагал «принять безотложные и деятельные меры» против воскресных школ, ибо, по его мнению, нельзя было допустить, «чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо сословия». А. В. Никитенко рассказывает

в своем дневнике, что министру народного просвещения А. В. Головнину в то время с трудом удалось защитить воскресные школы от репрессивных мер.³⁰

Большинство преподавателей воскресных школ состояло из радикально настроенной интеллигенции, рассматривавшей эти школы не только как средство просвещения народа, но и как легальную форму антиправительственной пропаганды. Естественно, что Е. И. Якушкин уделял этому делу много сил и энергии. Население Ярославля насчитывало в начале 60-х гг. немногим более 30 000 человек. Всего в губернии было около 1 млн жителей, из которых 7000 составляли рабочие (включая ремесленников). Демидовский юридический лицей влачил в это время жалкое существование (так, например, в 1863 г. он имел всего 37 учащихся). В городе была одна мужская гимназия, женских училищ различного типа было четыре во всей губернии, в них обучались 300 девочек. Согласно официальной статистике, число учащихся относилось в начале 60-х гг. к общему количеству жителей в губернии как 1:107. В 1862 г. расходы города на содержание полиции составили 17 935 р., а на содержание училищ — 955.³¹

«Рад, что ты доволен своим житьем-бытьем, — пишет Якушкину Афанасьев в ответ на сообщение о воскресных школах. — Еще больше буду радоваться, если надежды твои на устройство воскресной школы и на распространение грамотности между крестьянами увенчаются успехом. Дай бог!».³²

В 1860—1862 гг. при активном участии Е. И. Якушкина в Ярославской губернии было открыто шесть воскресных школ, в которых обучалось 556 человек. Для начала это было немало. Воскресные школы могли бы дать первоначальное образование той категории людей, для которых другие пути обучения были закрыты. Однако во время реакции, наступившей в 1862—1863 гг., все они были запрещены. Тогда Якушкин занялся улучшением уездных и приходских училищ, которых в губернии насчитывалось до 25. «Единственное утешение мое — училища, — пишет он П. А. Ефремову. — Плохи они ужасно, но их можно поправить».³³ Кроме училищ объектом заботы Якушкина были библиотеки. «Где только было можно, — вспоминает хорошо знавший его ярославский поэт и краевед И. А. Тихоми-

ров, — Евгений Иванович немедля старался завести библиотеку. Им они основаны в сиротском доме, в женской и мужской гимназиях, в казенной палате, в статистическом комитете. Собственная его библиотека была открыта для всех желающих, он давал книги решительно всем, без всяких записей и поручительств».³⁴

Для того чтобы представить себе все громадное значение этой стороны просветительской деятельности Якушкина, приведем некоторые данные о состоянии Ярославской публичной библиотеки — единственной в городе и основанной в 1860 г. Вот что написано в отчете о деятельности этого учреждения за 1862 г.: «Выписано книг на 127 рублей, из них на 86 рублей — специальные и некоторые сочинения русских авторов, на остальную же сумму — сочинения Поль де Кока, пользующегося расположением читающей публики».³⁵ А между тем в Ярославле уже формировался новый читатель, жаждавший познаний, читатель, которого отнюдь не могла удовлетворить библиотека, тратящая треть отпущенных ей средств на польдекоковские сочинения. В этих условиях организация небольших, но со знанием дела подобранных библиотек (особенно в учебных заведениях) имела очень большое значение. Но, может быть, еще большее значение имела громадная библиотека самого Якушкина, открытая для всех желающих.

Реакция, наступившая в 1863 г., явилась тормозом для просветительской деятельности Якушкина. Но что было еще горше — завершился распад кружка бывших его друзей и единомышленников. Как мы видели из приведенного выше письма В. И. Касаткина, серьезное размежевание демократов и либералов, объединенных когда-то общей ненавистью к крепостному праву, началось еще раньше, но 1863 г., год польского восстания, явился окончательным рубежом, испытанием на прочность, которое выдержали немногие. В лагере реакции оказался бывший друг Герцена А. Х. Кетчер, в 50-е гг. — постоянный посетитель якушкинской квартиры. Старый приятель профессор Бабст, в 1860 г. высоко оценивший экономические труды Маркса, теперь, по выражению Якушкина, «дикий стал человек; такой дикий, что его можно показывать за деньги».³⁶ Другие, кому совесть не позволила стать ренегатом, засели

тихо дома и сошли с общественной арены. Доктор Пикулин, благороднейший человек, когда-то один из первых посетивший Герцена в изгнании, теперь разводил землянику и развлекался тем, что устраивал для своих любимых собак рождественские елки, украшенные гирляндами из сосисок... Правда, ближайший задушевный друг Александр Афанасьев остался верен прежним идеалам. Представ перед судом по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (1862), он держался с исключительным достоинством, был уволен со службы, мужественно переносил нужду и ни в чем не изменил ни себе, ни дружбе. Не пошел по стезе ренегатства и Петр Ефремов. Но все уже становился круг друзей. Виктор Касаткин стал политическим эмигрантом. Молодым умер от чахотки соратник по «Библиографическим запискам» Михаил Полуденский. Ненадолго пережил его и Афанасьев. Та же болезнь свела его в могилу в 1871 г. Не пощадила чахотка и Елену Густавовну. В 1873 г. умирает и она, оставив четверых детей, младшему из которых было немногим больше десяти лет.

Через семь лет Евгений Иванович снова женится. Его вторая жена — Мария Александровна Бизева — хорошо относилась к его детям, была живой и неглупой женщиной. Но это был совсем не такой человек, как Елена Густавовна. По воспоминаниям знавших ее людей, она любила карты и общество, светскую жизнь, говорила, что если бы у нее был сын, то она отдала бы его в Пажеский корпус (на это Евгений Иванович будто бы отвечал, что он-то воспитал бы сына так, что его сослали бы в Сибирь). Заметного влияния на уклад якушкинского дома и образ жизни его хозяйна новая жена не оказала.

Якушкин все интенсивнее занимается научной работой. В начале 70-х гг. он публикует ряд статей и документов по истории Ярославля. В 1875 г. выходит в свет первый выпуск многотомного указателя «Обычное право». Евгений Иванович становится крупным знатоком истории, экономики, природы ярославского края, правов, обычаев и языка его населения. Его краеведческие труды весьма разнообразны по тематике; в совокупности они дают яркую картину экономической и политической истории края и его современного со-

Петр Александрович Ефремов.
Фотография. Начало 1870-х гг.

стояния. Как только в губернии были образованы статистический комитет и Ученая архивная комиссия, Якушкин фактически становится во главе этих учреждений.

С деятельностью Ярославской губернской ученой архивной комиссии связаны работы Якушкина по разысканию и публикации ряда ценнейших документов, относящихся к истории Ярославля. На страницах «Губернских ведомостей» в течение всего 1874 г. Якушкин публиковал исторические документы, относящиеся к истории Ярославля в XVII, XVIII вв. Всего таких публикаций 24. Это «рядные записи», всевозможные челобитные, «мировые записи» и другие документы, освещающие экономическую и политическую стороны жизни края. Особенный интерес представляет публикация «Вологодскому наместническому правлению предложение относительно Тихона Черкасова, Григо-

рия Кустова и Анфилофия Порохина, за что они сосланы в Пустозерск» (1783). Оказывается, эти лица были приговорены к ссылке «за слабое на карауле смотрение за монахом Арсением, отсутствие доносов о непристойных словах последнего про ее величество». ³⁷

Целый ряд работ Якушкина был посвящен современному состоянию губернии. Это «Водостные суды Ярославской губернии» (Юридический вестник, 1872, Кн. 3), «Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические понятия и обычаи» (Этнографическое обозрение, 1891, Кн. 9), «Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда» (Ярославль, 1902, в соавторстве с С. П. Никоновым) и мн. др. Особняком стоит большая работа Е. И. Якушкина «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии» (1896), явившаяся плодом длительного и вдумчивого труда и поныне ценимая специалистами. Якушкин «и слыл, и был знатоком края, к нему обращались все, кто являлся в Ярославскую губернию с намерением ее изучения». ³⁸ Он подготовил себе и смену. Среди его учеников — краевед и археолог В. А. Городцов, поэт и впоследствии видный советский краевед И. А. Тихомиров. Оба, к слову говоря, оставили прочувствованные воспоминания об Евгении Ивановиче.

Положение Якушкина в Ярославле, относительно стабилизировавшееся в 70-е гг., становится снова очень тяжелым в связи с наступлением реакции 80-х гг. «Многие из нас помнят, — писал сын Евгения Ивановича Вячеслав, — какое понижение общественного уровня, какой регресс сказались у нас в восьмидесятых годах прошлого столетия. Реакция, ознаменовавшая собой царствование Александра III, отразилась самым развращающим образом на настроении известной общественной среды, на нашем общественном бытии». ³⁹ И. А. Тихомиров, вспоминая это время, писал: «Я помню, как до меня, тогда еще ребенка, доходили о нем (Якушкине) рассказы как об еретике, о богоотступнике, об изменнике и бунтовщике, что с ним даже и здороваться опасно, потому что за ним следит полиция, в тюрьме сгноят и т. д. и т. п. Да, страшное было время своею непроглядною адскою тьмою, и если

мы не задохлись в этой смрадной тьме, то именно благодаря таким людям, как Евгений Иванович». ⁴⁰

В 1884 г. Якушкин выходит в отставку и полностью отдается научной и общественной деятельности (насколько последняя была возможной в условиях 80-х гг.). Он становится председателем основанного по его инициативе «Общества для вспомоществования учащимся недостаточного состояния», которое помогло получить образование не одному десятку «кухаркиных детей» (их положение было особенно тяжелым именно в эти годы).

Живя безвыездно в Ярославле, Евгений Иванович тем не менее не оставлял своих занятий по собиранию, исследованию и публикации пушкинских и декабристских материалов. Многочисленные статьи и заметки, опубликованные им в «Русской старине», «Русском архиве», в сборнике «Девятнадцатый век», наконец, на страницах местных и столичных газет, еще не полностью собраны и изучены. Между тем среди них есть материалы, представляющие первостепенный интерес. Так, в ярославской газете «Северный край» были изданы воспоминания Е. И. Якушкина об И. И. Пудине и Г. С. Батенькове (публикуются в Приложении к настоящей книге). Последней его работой было предисловие к подготовленным им к печати «Запискам» его отца.

Научной работой Евгений Иванович занимался постоянно, методично, неутомимо. Видный ученый археолог В. А. Городцов так вспоминал об этом: «В это время Евгений Иванович был уже в преклонном возрасте, но нисколько не утратившим живой энергии и силы своего выдающегося разума. Знакомство с ним было для меня большим счастьем: он многому меня научил... Будучи уже в отставке и, следовательно, свободным от служебных занятий, Евгений Иванович неустанно трудился над решением научных проблем. Каждый раз, когда я заходил к нему, он всегда оказывался за работой. Обычно он сидел за письменным столом, имея перед собой одну или несколько книг и сложенные особым образом чистые листки бумаги, на которые он записывал вычитываемые интересные места или свои наблюдения и выводы. Эти листки меня очень интересовали, и мне захотелось узнать о способе ведения на них научных записей. Евгений Иванович охот-

но объяснил мне о манере ведения записей на листках и классификации их по разным категориям и отделам. Вместе с тем он показал такое громадное количество их, что я был глубоко изумлен. Листки, покрытые надписями, вкладывались в специальные папки. Наполненные листками папки имели вид переплетенных книг. Все они были одной формы. Число их, вероятно, доходило до 50. <...> Зная, что мне приходится много ездить по селам и деревням, Евгений Иванович расспрашивал меня, а иногда поручал разузнать о каком-либо обычае или предмете. <...> Он всегда очень строго относился к подобному рода сведениям и записывал их только тогда, когда убеждался в их верности». ⁴¹

Очень многих молодых людей Е. И. Якушкин приобщил к научной деятельности. В одном из некрологов специально подчеркивалось это обстоятельство: «Не занимая кафедры, он был учителем не одного поколения русских молодых ученых, и среди тех, кто с благодарностью видит в нем своего учителя, можно бы назвать не одно имя, пользующееся заслуженной известностью в науке». ⁴² Среди них — и сын Евгения Ивановича, Вячеслав Евгеньевич Якушкин, крупнейший исследователь движения декабристов, видный пушкинист. Он сам в автобиографии отметил, что всю жизнь находился под сильнейшим влиянием отца, «сказавшимся на развитии в нем интереса к историко-литературным занятиям и к крестьянскому вопросу». ⁴³

Автор одного из некрологов заметил, что Евгений Иванович как бы воспитывал в обществе интерес к крестьянскому вопросу, «побуждая его изучать. В нем жила глубокая вера в силы народа, в лучшие задатки, которые он усматривал в народной массе. Он глубоко верил в русскую общественность». ⁴⁴ Эта вера помогла ему выстоять и сохранить в чистоте идеалы молодости, до глубокой старости остаться таким же демократом и защитником народных интересов, каким обязывало его быть имя Якушкина. Его молодой друг и восторженный почитатель И. А. Тихомиров вспоминал: «Когда я в озлоблении начинал с отчаяния клясть и клеймить родной мне народ, Якушкин тихим и ровным, но твердым голосом прерывал меня и с бесконечной любовью отстаивал этот народ, за который он столько выболел и для которого он так много сделал». ⁴⁵ Все это создало ему заслуженную репутацию на-

родного заступника, к которому шли со своими пужаками и бедами все, кто нуждался в помощи и защите. Например, раскольники, которых в губернии насчитывалось (по данным на 1863 г.) более 8000, «знали его и питали к нему неограниченное доверие и величайшее уважение». ⁴⁶ Люди, хорошо его знавшие, подчеркивали такие черты Евгения Ивановича, как «обходительность со всеми, осмотрительность во всех своих отношениях к малому человеку, дружеская поддержка этого человека, полное отсутствие малейшей тени формализма». ⁴⁷

Вместе с тем Евгений Иванович был грозой для местных «тузов» — взяточников, стяжателей, держиморд. «О, Евгений Иванович был зол, — писал его земляк журналист В. Михеев, — но зол на язык лишь, едко и метко зол, как остроумнейший умница, знавший всю подоплеку, всю подноготную и официальной и неофициальной жизни русской провинции, Ярославля в особенности, всю подоплеку местной служилой и неслужилой обывательщины. К нему, насторожась, не без смущения прислушивались многие местные особы». ⁴⁸ «Да, многие его любили, — вспоминает И. А. Тихомиров, — еще большее число людей его уважало и многие побаивались... Человеку не совсем глупому или не безнадежно наглomu было чрезвычайно трудно, если только возможно, лгать перед Якушкиным... Он действительно был удивительный человек, и ему отдавали должное и сами враги его, ненавидевшие его всеми силами своих сильно запачканных и искалеченных душ за его нравственное превосходство». ⁴⁹

Вокруг Евгения Ивановича группировалось все, что было молодого, свежего, прогрессивного в Ярославле. Молодежь привлекало к нему, помимо всего прочего, и то, что он был всегда хорошо осведомлен обо всех событиях политической и культурной жизни России. Это обстоятельство подчеркивают все ярославцы, писавшие о Якушкине. Обширнейшая переписка со многими видными деятелями культуры, искусства, общественной жизни, которую вел до самой смерти Евгений Иванович, делала его самым информированным человеком в губернии. «Живя в четырех стенах своей библиотеки, Евгений Иванович горячо и внимательно следил за всеми явлениями русской жизни, — пишет

автор одного из некрологов. — Он был всегда широко осведомлен по всем ее вопросам. Беседа с ним являлась источником громадного наслаждения и пользы».

Если мы обратимся к многочисленным сохранившимся письмам, полученным Евгением Ивановичем в Ярославле от друзей — Афанасьева, Ефремова, Касакина и от сына Вячеслава, то увидим, какие интересные сведения в них содержатся. Евгений Иванович узнавал из них и о таких политических событиях, которые никогда не освещались в печати. Если же еще добавить, что среди корреспондентов Якушкина были видные ученые — А. Н. Пышин, Л. Н. Майков, П. И. Бартенев, К. Д. Кавелин, Н. В. Калачов, В. И. Семевский, И. А. Шлякин и мн. др., то можно себе представить весь объем информации, поступавшей к Евгению Ивановичу.

Со временем вокруг Якушкина образовался кружок единомышленников. «О доступности Якушкина говорить излишне, — вспоминает один из членов этого кружка, — но, несмотря на эту доступность, попасть собственно в кружок Якушкина было не так легко, хотя собирались у него далеко не одни близкие ему люди и друзья. Тем не менее быть принятым у Якушкина равнялось аттестату на порядочность». ⁵¹ Здесь мы видим как бы два круга — знакомые Евгения Ивановича, принятые у него в доме, и «собственно кружок» Якушкина. К сожалению, никаких конкретных сведений о составе этого кружка не сохранилось.

В нескольких воспоминаниях дается описание квартиры Якушкина. Основное место занимала в ней его библиотека, с годами очень разросшаяся. В квартире было много комнатных цветов. В кабинете Евгения Ивановича висели прекрасные портреты Н. И. Новикова, Гарибальди и Берамже. В маленькой гостиной, по описаниям посетившего Евгения Ивановича в начале XX в. П. Шереметева, «висело множество портретов. Две стены были увешаны портретами декабристов, и в той же комнате висели семейные портреты. Целый ряд акварелей — декабристы молодыми офицерами. Никита и Матвей Муравьевы, Иван Дмитриевич Якушкин в мундире Семеновского полка со знаком военного ордена и кульмским железным крестом, князь Сергей Волконский, князь Трубецкой, Поджио, Батеньков, Крюков и другие». ⁵²

Малая гостиная в доме Е. И. Якушкина в Ярославле. Сидят слева направо: Евгений Иванович Якушкин, Вячеслав Евгеньевич Якушкин и его жена Ольга Николаевна. На стенах — портреты декабристов. Фотография. Публикуется впервые.

Внучка Евгения Ивановича вспоминала: «В начале 900-х годов в квартире, где жил Евгений Иванович со второй его женой Марией Александровной, были следующие комнаты. Квартира была на втором этаже. Передняя, затем шла большая зала, если по ее длине пройти 100 раз, то получалась верста. Зала была почти пустой. Из нее направо дверь в кабинет Евгения Ивановича, где все стены были заставлены полками с книгами, очень большой стол, покрытый ярко-зеленым сукном, на четырех толстых ножках, без тумбочек. На столе стояли по бокам большой чернильцы две фарфоровые статуэтки. Они изображали крестьянина и крестьянку, он в зипуне и в лаптях, она — в сарафане. Лежало много ножей для разрезания книг. Огня кабинета выходили во двор дома. Вторая дверь в узкой стене залы вела в большую гостиную. Это была очень светлая комната, но заставленная комнатными цветами. Из большой гостиной дверь вела в маленькую

Евгений Иванович Якушкин.
Фотография. Начало XX в. Публикуется впервые.

гостиную, где на стене против окна висели портреты декабристов. За маленькой гостиной шла большая столовая. Спальня Евгения Ивановича и комната Марии Александровны были на антресолях». ⁵³ Сохранилась любительская фотография, изображающая эту маленькую гостиную, а в ней — Евгения Ивановича с сыном и невесткой. Евгений Иванович неизменно был одет в черную пиджачную пару и белую крахмальную рубашку с узким черным галстуком. Ни фраков, ни визиток, ни виц-мундира он не признавал.

Годы пощадили Евгения Ивановича. Старость его была прекрасна. Люди, встречавшиеся с ним в последние годы его жизни, были от него в восхищении. Тот же Шереметев писал: «В высшей степени умел он очаровывать и привлекать к себе. Вся его небольшая фигура, гладко выбритое лицо, белоснежные волосы, голубые выразительные глаза оставляли удивительное впечатление чего-то особенного, явления из другого

мира... В лице его ушел еще один из людей прошлого общества, того истинно просвещенного русского общества, пропитанного европейской культурой, представителей которого более почти не осталось». ⁵⁴

Постепенно Евгений Иванович становился, если можно так выразиться, городской достопримечательностью. Ярославцы очень им гордились; он был персонажем целого ряда рассказов, в которых неизменно фигурировал в роли покровителя слабых и посрамителя сильных мира сего. Возможно, что часть рассказов была выдумана — все равно это чрезвычайно характерно. Упоминавшийся уже В. А. Городцов передает, например, такой рассказ: «Когда в Ярославле водворился губернатор Штюмер (впоследствии русский премьер-министр), то он сделал визит Евгению Ивановичу и обещал войти с ходатайством о снятии с него полицейского надзора. Евгений Иванович, поблагодарив губернатора, просил не беспокоиться о нем. „У вас, — будто бы сказал Евгений Иванович, — и кроме меня много важных дел; полицейский же надзор для меня не только не вреден, но даже полезен. Я стар, идя по улице могу упасть, и вот наблюдающий за мной городской поможет мне, старому человеку, подняться на ноги и добраться до дома“». ⁵⁵ Можно себе представить, с каким лицом вышел от Евгения Ивановича этот сановный «благодетель». (Кстати, этот рассказ свидетельствует о том, что полицейский надзор, установленный за Якушкиным, очевидно, еще в Москве, во второй половине 50-х гг., так и не был с него снят до самой смерти).

«Трудно передать тот авторитет, которым он пользовался. — писал об Евгении Ивановиче Е. Н. Трубецкой. — Это был оракул, что-то вроде архиерея от разума. <...> В нем было то исключительное бескорыстие, которое внушало уважение решительно всем, даже людям совершенно противоположного ему лагеря. По своим либеральным и даже в некоторых отношениях радикальным убеждениям он не мог служить, а тем не менее все власти к нему ездили. У него можно было встретить и губернатора, и генерала, и председателя суда, и предводителя дворянства, не говоря уже о земцах. Все эти господа не только у него бывали, но считались с его прямыми суждениями, побаивались его, как ярославской „княгини Марьи Алексеевны“. Он всегда говорил им правду в лицо, и благодаря его

правственному авторитету эта правда во многих случаях действовала. Оно и немудрено; расценка, которую Евгений Иванович давал человеку или поступкам, потом так за ним и оставалась. А сказанное им певчаяй острое словцо потом иногда повторялось годами. <...> Отличался он большою начитанностью. В его скромном бюджете покупка книг на всех языках составляла единственную большую статью расходов. Помню его кабинет с полками, уставленными книгами до верха — до потолка. Указывая на тонкие деревянные стены своего дома, он утверждал, что книги его греют. Они и в самом деле грели — физически. Но теплота душевная, благодаря которой и другим становилось тепло у его домашнего очага, исходила от него самого». ⁵⁶

Когда Евгений Иванович приехал в Ярославль, он чувствовал себя безмерно одиноким. «Не дай бог, как скверно», — писал он тогда Ефремову. Он прожил в этом городе без малого полвека и прожил так, что его смерть оказалась тяжелой утратой, как будто ушел человек, цементирующий, соединявший все прогрессивные силы губернии. Вот отрывок из воспоминаний написанных под свежим впечатлением от этой потери: «Значение смерти Е. И. Якушкина для Ярославля выяснится не сразу и не скоро, ее почувствуют, и, боюсь, что больно почувствуют, лишь со временем, когда о нем многие начнут уже забывать. Теперь же, пока еще с нами его тень, яркое воспоминание, и сам он, его образ как живой перед нами, и все им сделанное, пущенное в ход и налаженное, а также подготовленное и начатое будет двигаться и действовать прежним порядком. Но так длиться будет недолго. Многие освоятся и даже постараются поскорее освоиться с мыслью о том, что его уже нет и что он более уже не наложит печати молчания на их уста в то время, когда эти уста будут говорить не по совести... Здесь есть дом, в котором жил Якушкин, он должен быть городской или даже земский, ни одна бумажка в нем не должна тронуться с ее места, ни наследники, ни домовладелец, конечно, не воспротивятся этому. Водите в него своих детей и учите их там быть людьми... Здесь есть улица, на которой стоит этот дом, она должна быть Якушкинской... Пусть она будет улицей училищ, библиотек, музеев, детских садов». ⁵⁷

Это было написано в 1905 г., через четыре месяца после смерти Евгения Ивановича. Автор этих воспоминаний высказал одну общую для всех писавших о смерти Якушкина мысль: Евгений Иванович умер в то время, когда особенно нужны были такие люди. Уже смертельно больной, Якушкин с радостью узнал о событиях первой русской революции. «Евгений Иванович мог лишь писать и больше спрашивать, чем говорить, водил карандашом по бумаге, — вспоминает один из его друзей. — И видно было, как полно было его внутреннее состояние, как горела его душа интересами страны, народа, общества, как много он мог и хотел сказать». ⁵⁸

Еще более впечатляющее описание последних минут Якушкина оставил Тихомиров: «Он услышал молниеносное, властное и смелое „довольно!“, прокатившееся первым громом по всей истрадавшей и опозоренной Руси из конца в конец. И с сладким трепетом полусомнения, полудоверия прошептали его поблекшие губы: „Мертв ли не в молитвенном восторге и замирании: Намалось... Дожил...“». ⁵⁹

Так ушел из жизни Евгений Иванович Якушкин, старый народник, стойкий борец за демократию. 80-летний старец, он сохранил пылкость и впечатлительность юноши и молодые надежды, все высшие качества человека и гражданина.

На кончину Евгения Ивановича Якушкина откликнулась, без преувеличения, вся русская пресса. Вера Харузина, тогда уже известный этнограф, писала о невосполнимой потере, которую понесла русская наука. «Эта прекрасная жизнь, — говорит она, — могла еще много дать науке и людям. В области обычного права его имя останется бессмертным». ⁶⁰ «Замечательным человеком в полном значении этого слова» называет Е. И. Якушкина автор некролога в «Русских ведомостях». «Он оставил бессмертное имя в русской юридической науке. Довольно сказать: это был автор знаменитого обычного права, это был Нестор обычного права, как его нередко называли. <...> Всюду, куда ни обращалась его ясная мысль, всюду, куда ни направлялась его спокойная энергия, он оставлял память крупного работника, человека редких дарований, неустанного трудолюбия, безукоризненной добросовестности — человека обаятельно-чистой души. <...> Ду-

шевная красота его была такова, что, казалось, заслоняла его научные и общественные заслуги. По безграничной скромности Евгений Иванович едва ли имел себе равных даже среди самоотверженных деятелей освободительной эпохи». ⁶¹ Когда, через семь лет после смерти Е. И. Якушкина, скончался его старший сын Вячеслав Евгеньевич, в некрологе, посвященном ему известный общественный деятель А. С. Пругавин писал: «Светлая память о них (отце и сыне Якушкиных. — *Л. Р.*) должна быть бережно сохранена русским обществом и народом». ⁶²

Прошло уже более 80 лет со дня смерти Евгения Ивановича Якушкина... В Ярославле нет, к сожалению, ни Якушкинской улицы, ни дома-музея, о которых в свое время мечтал И. А. Тихомиров, сам выдающийся краевед, сделавший немало для изучения Ярославского края. Но Евгений Иванович принадлежит не только Ярославлю. Его жизнь и творчество, его общественная деятельность — одна из ярких страниц отечественной истории. Он принадлежит России.

Часть II

ЯКУШКИН — СОБИРАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР

Глава I

ЧААДАЕВ И ДЕКАБРИСТЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Е. И. ЯКУШКИНА

Как уже говорилось, Евгений с детских лет был воспитан в уважении к личности сосланного отца и в сочувствии к делу, за которое он пострадал. Тут была заслуга не только матери и бабушки, но и некоторых друзей семьи, среди которых особенно следует отметить Петра Яковлевича Чаадаева.

Дружба философа со старшим Якушкиным зародилась во время обучения в Московском университете. Затем оба они проделали весь поход 1812—1813 гг. в рядах прославленного Семеновского полка и жили в одной палатке. В 1812 г. Чаадаеву было 18 лет. Якушкину — 19. Перед Кульмским сражением они побратались, обменявшись нательными крестами, и сдержанный Чаадаев стал называть Якушкина братом и говорил ему «ты» (единственному человеку, не состоявшему с ним в родстве). Чаадаев поддерживал с сосланным декабристом переписку, в 1851 г. послал ему в Сибирь свой портрет. К сожалению, из их переписки сохранилось только шесть писем — по три с каждой стороны. Чаадаев был сердечно привязан и к жене друга, восхищался ее умом и красотой, называл ее сильфидой.

Вернувшись из заграничного путешествия в 1826 г., когда Якушкин был уже арестован, Чаадаев постоянно навещал его семью. Он был дружен и с бабушкой Евгения, которая живо интересовалась новыми религиозно-философскими идеями Петра Яковлевича. Точно так же относился к семье Якушкиных и брат философа Михаил Яковлевич. Он даже сопровождал Анастасию Васильевну в одну из ее поездок в Ярославль

для встречи с мужем. Молодая женщина находила постоянное утешение в беседах с братьями Чаадаевыми. «Вечером оба брата Чед(евы) * были у нас, — пишет она мужу 21 октября 1827 г. — Мы много плакали; они тебя любят так, как немногие умеют любить». Петр Яковлевич продолжал посещать Якушкиных и в дальнейшем, а когда Евгений и его старший брат Вячеслав немного подросли, они стали бывать у него на Новой Басманной, где по понедельникам собирался цвет московского мыслящего общества.

В 1836 г. Чаадаев писал Якушкину в Сибирь: «Твои дети на днях приходили повидаться со мной. Я их обнял с чувством и счастья, и грусти». ² Евгений в это время 10 лет. Подрастая, он в какой-то мере заменяет Чаадаеву сосланного друга. С ним сдержанный Чаадаев делится самым заветным, ему он читает хранимые как святыня письма покойного Пушкина (много лет спустя сын Евгения Ивановича Вячеслав расскажет об этом другу семьи П. А. Ефремову). Бывав на знаменитых чаадаевских понедельниках, молодой Якушкин слышал такие речи, какие вряд ли можно было в то время услышать в другом доме. Обветшалый флигелек на Новой Басманной, в котором Чаадаев прожил безвыездно четверть века, был местом встреч людей разных поколений, объединенных «сознанием, что мысль стала мощью», по выражению Герцена. Посещение такого дома, без сомнения, имело большое значение для молодого Якушкина; в частности, там он много слышал об отце и о декабристах вообще.

«Для русской жизни, — писал много лет спустя сын Е. И. Якушкина, — имело особое значение то обстоятельство, что при общей реакции и усиленном ренегатстве несколько человек, уцелевших по разным причинам после катастрофы 14 декабря, оставались среди смущенного общества, среди шатаний и отступничества представителями освободительного движения двадцатых годов, выражали свои убеждения, насколько это было возможно, будили общественную мысль и общественную совесть. Благодаря этим немногим лицам идеи двадцатых годов вернее сохранились и затем

* Фамилию Чаадаева писали в то время по-разному: Чаадаев, Чед(евы), Чеодаев и т. п. (ср. у Пушкина: «Второй Чаадаев, мой Евгений...»).

Петр Яковлевич Чаадаев.
Портрет Козима (?). Середина 1840-х гг.

легче дошли до молодого поколения, преимущественно выразившись в нарождавшемся новом движении. Это были те библейские праведники, которыми спасался город... В числе этих немногих представителей преданий разбитого, но не побежденного освободительного движения видное и независимое место занимал П. Я. Чаадаев». Он «выступал со словом обличения против пошлости, против отступничества, он проповедовал, он обличал, он рассказывал более молодым людям в поучение о времени своей молодости, о политическом движении при Александре I, о тайных обществах, о декабристах, об их деле». ³ Нет сомнения в том, что рассказ Вячеслава Евгеньевича основан на воспоминаниях отца, который и был одним из этих молодых людей, более чем внимательных слушателей «басманного отшельника». Огромный интерес к людям 14 декабря, уже заложенный семейными преданиями, еще

более укрепился у юноши под влиянием бесед с Чаадаевым.

Чаадаев был не только мыслителем, но и блистательным рассказчиком, что засвидетельствовано мемуарами его современниками. Но он никогда не записывал воспоминаний, которыми так часто делился в своих беседах. Молодой Якушкин, прекрасно понимая, какое значение для потомства имели бы такие записки, много раз просил Чаадаева начать писать или диктовать ему мемуары. Наконец несговорчивый философ дал свое согласие. Однако только лишь приступили они к работе, как внезапная смерть настигла вполне казалось, крепкого Чаадаева. Так этот замысел и не был осуществлен. Почти столетия спустя Якушкин с сожалением рассказывал об этом, считая одной из самых своих горьких неудач то, что он не успел записать рассказы Чаадаева.⁴ Но он передал их своим детям и друзьям, и в 50-летнюю годовщину кончины Чаадаева представитель третьего поколения этой замечательной семьи рассказал русской читающей публике о той роли, которую сыграл опальный философ в эстафете передовых идей.

Нет сомнения в том, что Евгений с молодых лет пользовался замечательной библиотекой Чаадаева, не имевшей себе равных по составу книжного фонда. Библиотека эта была сравнительно невелика — около трех тысяч томов, намного меньше, чем библиотеки Соболевского, Полторацкого и даже менее крупных библиофилов того времени. Но состав ее был самый изысканный. Не так давно Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) издала каталог этого собрания. Правда, в нем учтено лишь около половины первоначального состава (да и это удалось собрать лишь благодаря многолетним героическим трудам сотрудников Отдела редкой книги), но представление о библиотеке философа можно все же составить. Авторы описания отмечают как необычную для того времени черту почти полное отсутствие сочинений французских философов-энциклопедистов, с одной стороны, и весьма значительное количество религиозно-философской литературы — с другой. В этом одно из главных отличий собрания Чаадаева от библиотеки того же Ивана Дмитриевича Якушкина, в которой как раз сочинения французских просветителей

занимали ведущее место. Дело в том, что это восстановленное нашими книговедами собрание — вторая библиотека Чаадаева. Первая же, проданная им передграничным путешествием 1821—1826 гг.,* была, по всей видимости, похожа на собрание Якушкина, ведь оба они вывезли свои библиотеки из походов 1812 г. Вторую свою библиотеку Чаадаев также начал собирать за границей, но теперь она отражала новые для него интересы — его увлечение философией истории и поворот к религиозному мирозерцанию. Когда в 1826 г. Чаадаев возвратился в Россию, властям уже было известно, что в молодые годы он был членом декабристской организации. Он не был арестован (суд над декабристами уже был завершен, и новые аресты создали бы невыгодное для правительства впечатление массовости революционного движения), но на границе был подвергнут тщательному обыску. Жандармов поразило, что среди привезенных им книг имеется большое количество богословских сочинений — явление непривычное и для светского человека даже «неприличное». Чаадаеву пришлось давать письменные объяснения по этому поводу.** Между тем среди этих сочинений были произведения основателя христианского социализма Ф. Р. Ламенне, которого Чаадаев знал лично и глубоко читал. Только невежество наших доморожденных аргусов было причиной пропуска этих сочинений среди других книг, принадлежавших Чаадаеву.

Раздел философии, даже в том виде, как он представлен в изданном ГБЛ каталоге, поражает широтой и некоторой пестротой состава. Действительно, французских просветителей здесь почти нет (кроме считанных сочинений Вольтера, Дидро и Кондорсе), зато широко представлены современные философы — Гегель, Шеллинг, Кузен, Балланш; мыслители прошлого — Эпиктет, Исократ, Сенека, Спиноза, Кант, Франклин и множество других. Весьма богат и раздел исто-

* Уезжая из России, Чаадаев имел намерение остаться навсегда в Европе.

** «Большая часть книг Ваших касается религии, — констатировали жандармы. — Какие причины побуждают Вас заниматься более этою частью наук, как другими?». Ответ Чаадаева: «Из давнего времени прежде выезда за границу занимался я христианской литературою» (Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. М., 1913. Т. 1. С. 70).

рических сочинений. Здесь — Геродот, Гизо, Мишле, Мабли, Грановский; историки литературы — Шлегель, Шевырев, Строев. Многие книги этого собрания имеют дарственные надписи — Герцена, Грановского, М. А. Дмитриева, Шевырева, Путяты. А в свое время здесь были и книги с дарственными надписями Пушкина («Борис Годунов»), Шеллинга и других выдающихся русских и европейских деятелей. Все свои книги Чаадаев внимательно читал и, как правило, снабжал маргиналиями. Некоторые из них имеют характер подготовительных записей к философическим письмам, некоторые носят автобиографический характер. Естественно, что их видел и юноша Якушкин. Например, на полях Библии в том месте, где говорится о помощи бедным, Чаадаев замечает: «Значит, бедные будут всегда?». На полях книги мадам де Сталь по какой-то непонятной для нас аналогии он пишет: «Находят, что я притворяюсь. Как не притворяться, когда живешь с бандитами и дураками. Во мне находят тщеславие, это — гримаса горя».⁵ Держа в руках книги из библиотеки Чаадаева и читая эти признания, юный Якушкин учился лучше понимать «басманного отшельника», который был загадкой для многих.

В последние годы жизни Чаадаева вокруг него собирался круг людей, связанных с ним помимо всего прочего и библиофильскими интересами. Среди них в первую очередь следует назвать Сергея Дмитриевича Полторацкого, знаменитого не только в России, но и в Европе библиофила и библиографа, друга Чаадаева и многих выдающихся людей того времени.

Книговедческие интересы молодого Якушкина безусловно сформировались в этой среде, в доме Чаадаева, который пристально следил за развитием своего молодого друга. И недаром, когда тот завершал свое образование за границей, Чаадаев просил С. Д. Полторацкого найти его в Берлине и позаботиться о нем.

Надо полагать, что Чаадаев руководил и чтением молодого Якушкина, тем более что в семье Якушкиных авторитет Чаадаева как знатока литературы был чрезвычайно высок. Известно, что по просьбе есылынского декабриста Чаадаев подбирал книги для отправки в Сибирь. В одном из писем А. В. Якушкина сообщалось мужу: «Пьер [Чаадаев] принес мне список лучших произведений, которые ты меня просишь прислать».

Возможно, что именно Чаадаев приучил Евгения Ивановича к серьезному и систематическому чтению, которому он придавал особое значение. «Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, на всю легковесную литературу, — писал Чаадаев во втором «Философическом письме». — На мой взгляд, нет ничего вреднее для правильного умственного уклада, чем каждая чтения новинок. Повсюду мы встречаем людей, ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только эти произведения последнего дня, в которых за все хватаются, ничего не углубив, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляет после себя пустоту и неопределенность».⁷ Эти слова были опубликованы через много десятилетий после их написания, но известно, что Чаадаев читал вслух свои «Философические письма» и, естественно, среди его слушателей был и молодой Якушкин.

Потерпев неудачу с воспоминаниями Чаадаева, Якушкин начал собирать материалы, касающиеся философа, сразу же после его кончины. Много лет спустя П. А. Ефремов, готовивший новое издание сочинений Пушкина, обратился к Евгению Ивановичу с просьбой о присылке тех материалов, которые хранились в якушкинском архиве. На его письмо по просьбе отца ответил Вячеслав Евгеньевич. Вот что он писал: «У отца есть еще письмо Пушкина к Чаадаеву, копия с подлинника. Чаадаев во время оно читал это письмо отцу; после смерти Чаадаева отец обратился по поводу этого письма к племяннику и наследнику Чаадаева Жихареву. Последний подлинника не дал, но доставил копию, им самим списанную, при этом он взял обещание с отца этого письма не печатать. Поэтому отец не может дать его Вам, так как не знает, жив ли Жихарев, и советует отыскать самого Жихарева, если можно, и достать подлинник».⁸

Нелишним будет рассказать еще об одном эпизоде, связанном с публикацией наследия Чаадаева. В 1861 г. на страницах «Библиографических записок» (№ 1) были опубликованы письма философа: отрывки из переписки с М. И. Жихаревым, письмо к В. А. Жуковскому и другие материалы с комментариями и обращением ко всем лицам, владеющим чаадаевским на-

следнем, сделать их достоянием общественности. В сущности это вторая после «Философического письма» в «Телескопе» публикация чаадаевских материалов, отделенная от первой 25 годами (и какими годами!). Кто же был автором этой публикации? С. В. Варвар псевдонимов И. Ф. Масанова дает расшифровку подписи под публикацией — «Ъ.С.» как принадлежащую В. В. Стасову (правда, под вопросом). Однако это не так. В 1908 г. в «Русской старине» (№ 1, 2) была посмертно опубликована статья В. В. Стасова «П. Я. Чаадаев», написанная, очевидно, в 1904–1905 гг. В ней, обзвывая «чаадаевскую» литературу, автор говорит, что статья в «Библиографических записках» написана одним из ближайших знакомых Чаадаева.⁹ Из этого следует: 1) это не сам Стасов, 2) имя автора статьи ему известно, 3) это имя он не считает возможным назвать. Почему? Страсти вокруг имени и наследия Чаадаева к этому времени уже улеглись. Причина здесь, по-видимому, не политическая, а эстетическая: этот человек еще жив, и Стасов не считает возможным раскрывать псевдоним без согласия автора. Из всех людей, близко знавших Чаадаева, в 1904–1905 гг. оставался в живых только один — Евгений Иванович Якушкин.

Однако обратимся к тексту самой статьи в «Библиографических записках». Автор публикации говорит, что он не был лично знаком с Чаадаевым, но что материалы, опубликованные им, получены от лица, близко и хорошо знавшего покойного философа. В примечаниях к этой публикации мы читаем: «Сообщившие нам вышеприведенные письма Чаадаева уверяли нас, что существует целый том писем, писанных рукой Чаадаева, к г. Жихареву. Смеем надеяться, что тот, в чьем владении он находится теперь, поделится им со временем с публикой».¹⁰ Напомним, что из всех лиц, близких к редакции «Библиографических записок», хорошо знаком с Жихаревым был лишь Е. И. Якушкин.

Дело представляется нам следующим образом: публикация была осуществлена редактором «Библиографических записок» В. И. Касаткиным (он действительно не был в отличие от других членов редакции лично знаком с Чаадаевым), но материалы он мог получить скорее всего от Якушкина («близкого знакомого Чаадаева», как пишет В. В. Стасов). У Якушкина

на же эти письма могли быть в копиях, притом восходящих еще к тому времени, когда был жив Чаадаев. Известно, что он распространял сам и давал списывать желающим свои письма, посвященные общественным вопросам. Для человека, которому официально было запрещено писать и печататься, это был единственный способ самовыражения. Например, опубликованное в «Библиографических записках» письмо Чаадаева к Жуковскому было в свое время широко известно в московском свете. В памяти же престарелого Стасова вполне могли совместиться два лица: публикатор и «поставщик» чаадаевских писем, тем более что обычно это и бывало одно лицо. Думается, что Якушкин не поставил своего имени под этой публикацией потому, что она была сделана с копий, а это он не считал достаточно надежным источником (вспомним его совет Ефремову найти подлинник, несмотря на наличие, казалось бы, точной копии). С этой публикацией связан один эпизод, весьма важный для понимания общественной позиции людей круга «Библиографических записок». Дело в том, что среди материалов, опубликованных в журнале, были не только письма самого Чаадаева, но и воспоминания о нем, а одно анонимное — недоброжелательное по отношению к Чаадаеву. И вот Касаткин узнает, что некоторые близкие к редакции люди сердятся на него за опубликование этого отрывка. Вот что пишет он Виктору Павловичу Гаевскому в апреле 1861 г.: «Слухи, дошедшие до Вас обо мне, несправедливы. Мне сердиться на Вас не за что и не приходится, а предполагал я, наоборот, что Вы на меня осерчали. Предположение мое, основанное на словах П. А. Ефремова (в письме его к Афанасьеву), что Вы и он, раздраженные статейкой о Чаадаеве, не хотите высылать ничего в „Библ[иографические] зап[иски]“, несмотря на то что у Вас даже было что-то уже приготовлено пушкинское, подтверждалось и Вашим молчанием. Я не писал к Вам потому, что и дела много, да и оправдываться косвенным образом не хотел. Мне очень прискорбно, что мнение одной из заметок о Чаадаеве сделано и моим о нем мнением. Я не разделяю его *вполне*, хотя и разделяю *отчасти*. А отчасти разделяю потому, что в руках у меня на это документы, писанные *самим* Чаадаевым, людьми, бывшими с ним в близких отношениях, подкрепленные

к тому же все вместе рассказами о нем Кетчера знавших его до днесь живущих. Я напечатаю и ем „Apologie d'un fou“,* и извлечения из последних еписем философских;** дело выйдет яснее; а потом какое право имеем мы утаивать отзывы о ком бы то ни было современников? Пятнышки на Пушкине не отнимают у него ничего. Прибавить к этому мне остается, что Вы не можете считать меня за отыскивающего нарочно в ком бы то ни было пятна, из желания, хватив грязью, отличиться удалством, что ли. На такие штуки я не способен».¹¹

Это — очень важное письмо, проливающее свет на отношение круга «Библиографических записок» и русских «герценовцев» в целом к наследию вольнолюбивых «отцов». К сожалению, мы не можем документально обосновать реакцию Евгения Ивановича на этот эпизод, но вся его деятельность говорит о том, что он подобно Гаевскому и Ефремову считал, что по отношению к выдающемуся историческому лицу, да еще такому, которое подвергалось несправедливым гонениям, надо соблюдать максимум такта и осторожности, чтобы не играть на руку реакции. То, что представляется нам теперь как некоторая прямолинейность пушкинских и декабристоведческих концепций Якушкина и его друзей, было на самом деле тактическим маневром, вполне сознательно избранным ими.

И Якушкин, и Ефремов, и Афанасьев в своих публикациях и статьях, посвященных Пушкину, декабристам, Чаадаеву, стояли на демонстративно апологетических позициях, даже несколько преувеличивая дворянскую революционность: ведь речь шла о противостоянии силам реакции, с одной стороны, и известному нигилизму части передовой молодежи 60-х гг. — с другой. Это чрезвычайно интересное и почти не исследованное явление того времени. Нам теперь с исторической дистанции может показаться, что прав был Касаткин, полагавший, что такая позиция может повести к утрате объективности. Но вспомним о том, что отношение к декабристам и Пушкину Герцена было

* Апология безумного.

** Этот материал не был пропущен цензурой.

также продиктовано сложными политическими условиями 60-х гг., и это имело большой общественный смысл.

Очень рано, когда Евгений был еще подростком, установились постоянные эпистолярные контакты его отцом Иваном Дмитриевичем. Довольно скоро выяснилось, что сын является единомышленником отца.¹² Их регулярная, хорошо сохранившаяся переписка свидетельствует о том, что молодой демократ не только усвоил идеологию самых радикальных из декабристов, но и пошел дальше по пути революционной мысли.

Особое значение в деле личного да и идейного сближения Евгения Ивановича с декабристами имели две его поездки в Сибирь, во время которых он получил возможность наконец увидеть любимого отца и свести знакомство с другими декабристами. Мы уже говорили о том, что он сразу сблизился со старыми героями. С тех пор и до конца своей долгой жизни Евгений Иванович становится собирателем, хранителем и публикатором декабристского наследия, а во многих случаях — и вдохновителем, побудителем, без активного содействия которого мы бы не располагали сегодня целым рядом драгоценных документов. Роль Евгения Ивановича в становлении декабристоведения трудно переоценить. В сущности он и был первым нашим декабристоведом, он создал тот фонд, на основе которого стали возможными фундаментальные исследования по истории движения декабристов. Выдающаяся роль Е. И. Якушкина, его место в отечественном декабристоведении были хорошо известны еще в до-революционное время. Здесь уже приводились слова из его некролога, в которых отмечались именно эти его заслуги перед русской наукой и общественностью. Но шли годы; молодая советская историческая наука весьма активно начала изучать движение декабристов; появилось множество серьезных трудов; имя Евгения Ивановича Якушкина отодвинулось на второй план и постепенно стало забываться — настолько, что понадобились немалые усилия Н. Я. Эйдельмана, изучавшего состав корреспондентов Герцена и «нашедшего» среди них Е. И. Якушкина, чтобы имя его вновь появилось в исторических трудах. Акад. М. В. Печкина заметила: «Вопрос о выдающейся деятельности Е. И. Якушкина, сына декабриста, поставлен в декабристоведении и изучен Н. Я. Эйдельманом».¹³ Без сомнения, это так.

Однако считать этот вопрос изученным, по нашему глубокому убеждению, преждевременно. Для этого необходимы специальные исследования и прежде всего публикация эпистолярного наследия Евгения Ивановича (хотя бы его переписки с декабристами). Между тем эта важнейшая, проливающая свет на его роль в декабристоведении часть материалов в основном остается под спудом. Исследователи имеют в своем распоряжении лишь весьма произвольно выбранные фрагменты. Нельзя не согласиться с С. В. Житомирской, которая отмечает: «Даже письма Пущина к Е. И. Якушкину, написанные в период работы над „Записками о Пушкине“, напечатаны в отрывках, а поверхностный комментарий, не использовавший ответного письма Якушкина, совершенно необходимого для понимания переписки, не разъясняет образующиеся недомолвки».¹⁴ Здесь речь идет об известном издании «Записок» И. И. Пущина, осуществленном С. Я. Штрайхом (1956 г.). Такую же картину можно наблюдать и в других работах. Так, Н. А. Рабкина в своей статье о Г. С. Батенькове, обильно цитируя письма декабриста к Е. И. Якушкину, ни разу даже не приводит ответных писем Евгения Ивановича.¹⁵ Пока в распоряжении историков имеются одни цитаты, говорить об изученности вопроса не приходится.

Попробуем хотя бы суммировать различные стороны обширной темы «Евгений Якушкин и декабристы».

1. Якушкин — собиратель декабристских документов.
2. Якушкин — публикатор (в русской и зарубежной печати).
3. Якушкин — автор воспоминаний о декабристах.
4. Якушкин — создатель и собиратель иконографического фонда.
5. Якушкин — казначей, затем руководитель «малой артели» декабристов.
6. Личные взаимоотношения Якушкина с декабристами и членами их семей.
7. Декабристы о Е. И. Якушкине.

Начнем с последнего. После первой поездки Евгения в Сибирь отец писал ему: «Батеньков тебя очень полюбил и признался мне, что питает против меня дурное чувство, завидуя, почему я, а не он — твой отец,

и просил меня даже ему уступить тебя; я его уверил, что для тебя будет совсем не лишнее иметь таких двух отцов, как он и я».¹⁶ В последующих письмах к Евгению Батеньков частенько называет его сыном, а в письме к Пущину даже заявляет, что Евгений «отдан ему в усыновление».¹⁷

«Любезнейший Евгений Иванович, — пишет ему В. И. Штейнгейль, — как бы Вас судьба ни повела высоко, я по крайней мере буду до конца моего, вероятно уж очень близкого, смотреть на Вас как на родного». И в другом письме: «Вы блеснули только мне каким-то живительным светом — и скрылись как комета», — «я знаю, Вы благородны по чувствам — и нам родной».¹⁸ М. А. Назимов пишет М. М. Нарышкину из Пскова: «Вчера я узнал, что нашего Ивана Дмитриевича не стало, что он скончался в Москве после трудной, долгой болезни, о которой скрывал и от Пущина в Петербурге. Вечная память и мир душе этого достойнейшего человека. Недаром он жил вообще и в том случае, что оставил по себе сына, такого же человека в полном смысле слова».¹⁹

Евгений был любим и другими декабристами — Е. П. Оболенским, М. И. Муравьевым-Апостолом, но особенно тесная дружба связывала его с И. И. Пущиным. Несмотря на большую разницу в годах, старый декабрист обращался в своих письмах к молодому человеку как к равному, как к глубоко уважаемому им другу и товарищу. Иван Иванович делал молодому ученому поистине царские подарки, среди которых были автографы Пушкина. Есть предположение, что он завещал Евгению Ивановичу весь свой архив, — очень уж много пушкинских бумаг находится в собрании Якушкиных.

Обращает на себя внимание тот факт, что из всех оставшихся в живых декабристов, с которыми мог познакомиться молодой Якушкин, он ближе всего сходится с самыми радикальными из них, не утратившими идеалов молодости и революционного образа мыслей. Это не значит, конечно, что он не поддерживал дружеских отношений с другими декабристами: все они были для него членами «ялutorовской семьи», куда был принят и он. Вместе с тем, как справедливо отметил Н. Я. Эйдельман, «поражает глубина и объективность позиции Евгения Ивановича Якушкина. Соединенный

с декабристами кровно-родственными и духовными связями, он не закрывает глаза на многие слабости их движения, на то, что большинство не проявило достаточно выдержки во время следствия».²⁰ Чрезвычайно характерен эпизод с Е. П. Оболенским, происшедший уже после возвращения декабристов из сибирской ссылки. Оболенский, который в житейских делах был совершенно беспомощен, вдруг, к величайшему изумлению товарищей декабристов, написал Александру II благодарственное письмо по поводу своего освобождения. Якушкины — отец и сын — с возмущением откликнулись на этот поступок. «И что за цель писать благодарственное письмо через полгода после манифеста? — спрашивает Евгений Якушкин Оболенского. — Что за цель написать это письмо, не сообщивши заранее никому о своем намерении? Если я так смело ставлю перед Вами эти вопросы, то именно потому, что знаю, что Вы сделали это без всякой цели. Ну, а ежели бы Ваше письмо обратило на Вас внимание как на человека более благодарного, чем другие возвращенные из Сибири, если бы вследствие этого Вам были даны особые льготы, довольны ли Вы были, что написали его? Это могло быть даже во вред другим. <...> Вы, конечно, поймете, что ежели я написал это к Вам, то потому, что очень Вас люблю и что недомолвок между нами быть не должно. Я говорю с Вами теперь, как говорил в старые времена в Ялуторовске, и говорю потому, что считаю себя членом ялуторовской семьи».²¹

Особую роль сыграл Евгений Иванович в жизни возвратившихся из ссылки декабристов, которым поначалу было нелегко войти в новое для них общество, найти общий язык с молодым поколением. Дом Евгения Ивановича в Москве стал местом встреч как старых героев между собою, так и с молодыми людьми — друзьями Евгения. Некоторые декабристы подолгу жили у него, приезжая (иногда нелегально) в Москву. Так, в марте 1857 г. 10 дней прожил у него Батеньков. Другие просто заходили в гости или по делам артели. М. И. Муравьев-Апостол, С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, И. И. Пущин, Г. С. Батеньков, Е. П. Оболенский, П. Н. Свистунов, вдова декабриста Ентальцева — все они оставили в своих письмах сочувственные упоминания о доме молодого Якушкина. Когда после возвращения в центральную Россию декабристы оказа-

Иван Иванович Пущин.
Рис. К. Мазера. 1850 г.

лись в разных местах страны, оторванные друг от друга, Якушкин взял на себя роль некоего центра, куда стекались сведения обо всех членах декабристской артели. Г. С. Батеньков в письме к Пущину от мая 1857 г. особо отмечает это обстоятельство. «Один только фотограф,* — пишет он, — умеет иногда группировать их»²² (т. е. сведения о бывших соратниках). Напомним, что в годы сибирской ссылки такую роль — некоего общего центра — играл Иван Иванович Пущин, который даже имел прозвище Маремьяны-старшицы за его постоянные заботы обо всех товарищах и их семьях. Евгений Иванович как бы принял от него эстафету добрых дел. Якушкин также навещал некоторых декабристов, поселившихся в разных губерниях. Он гостил у Пущина в имении его жены, у Муравьева-

* «Фотограф» — прозвище Е. И. Якушкина.

Апостола и, конечно, у отца, когда того выслали из Москвы и ему дал приют бывший товарищ по полку И. И. Толстой.

Недавно опубликована интересная работа Н. А. Ракиной «Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации»,²³ в которой использованы письма старого декабриста к Е. И. Якушкину. Эта переписка является еще одним свидетельством близости между ними, в особенности после возвращения Батенькова в центральную Россию. Весьма активный в общественном отношении, включившийся в политическую жизнь России, старый герой делится с другом самыми задушевными мыслями действительно так, как будто Евгений был его сыном. Письма эти представляют первостепенный интерес. В них содержится резкая критика самодержавия, мысли о том, что «теперь, может быть, только одно средство и есть — пропаганда», что пытки революции уже не могут совершаться без поддержки народа. Российскую высшую власть он именует «тиранией», мечтает о конституции, выдвигает проект освобождения крестьян. В его письмах звучит осуждение тех полицейских мер, которые предпринимались властями при внедрении «Положения» об освобождении крестьян, тесно перекликающееся с такими же мотивами в письмах Якушкина. Эти письма не только характеризуют замечательного мыслителя и деятеля, которого не могли сломить 20 лет одиночного заключения и 10 лет ссылки, но и проливают свет на его взаимоотношения с его младшим другом и на мировоззрение самого Якушкина, как раз в эти годы приближавшегося к революционно-демократическому.

Якушкин не только служил «связным» между возвратившимися из ссылки декабристами, но и помог им сориентироваться в чужом для них обществе, войти в круг передовых людей, подросших за то время, пока старые герои отбывали срок наказания. Имеется множество свидетельств тому, что именно Евгений Иванович познакомил вернувшихся декабристов с прогрессивной московской молодежью, на которую они произвели неизгладимое впечатление. Известен отзыв Л. Н. Толстого, который был потрясен знакомством со старыми декабристами. Живший в доме великого писателя врач Д. П. Маковицкий, записи которого отличаются большой точностью, приводит такое высказы-

вание Толстого о декабристах: «Это были люди все на подбор — как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул».²⁴

Как опубликованные, так и неопубликованные письма декабристов этого периода нестроят упоминаниями о дружеском круге Евгения Ивановича. Так, Оболенский пишет Пущину 20 января 1858 г.: «Общественный вопрос в Москве на первом плане. Я был два раза у нашего Евгения и нашел там общество, хотя не весьма большое, но замечательное по своему направлению, довольно резко отличающееся, не смею сказать решительно, но похожее на красное».²⁵ Это «красное» общество состояло из членов кружка Кетчера—Пикулина и редакции «Библиографических записок»; некоторые из них были и членами кружка, и редакторами журнала — Якушкин, Ефремов, Афанасьев.

Когда умирает Иван Дмитриевич, на его похоронах и поминках мы встречаем тех же людей совместно со старыми декабристами. Батеньков сообщает Пущину, что на похоронах он встретил «известный дружеский круг Евгения».²⁶ Это чрезвычайно интересная и еще недостаточно изученная страница русской общественной жизни середины XIX в. — близость революционеров старшего поколения с молодыми демократами 60-х гг. Историками декабризма уже давно было установлено, что Евгений Иванович Якушкин с середины 50-х гг. был фактически руководителем «малой артели». Эта артель (в отличие от «большой», организованной еще на каторге) была вначале создана для помощи немущим товарищам, выходящим на поселение. Ее фонд, так же как и «большой артели», складывался из взносов наиболее состоятельных декабристов. С самого начала (примерно с середины 1830-х гг.) во главе ее стоял Иван Иванович Пущин. Артель продолжала существовать и после амнистии. С середины 1850-х гг. его активным помощником становится Е. И. Якушкин. Фактически в связи с болезнью Ивана Ивановича Евгений берет на себя все дела, но постоянно отчитывается перед старшим товарищем. «Вы знаете наш бюджет, — пишет он Пущину 27 января 1858 г., — минимум дохода 2500 р. в год. Список у Вас есть, и ежели Вы найдете нужным включить в него новое лицо, — то делайте это, не стесняясь ничем, —

напишите ко мне, чтобы выслать деньги, и деньги будут высланы». ²⁷ Примерно в то же время Оболенский пишет Пущину: «Фотограф решительно делает чудеса. Откуда берет он капиталы и как хорошо устраивает он все, — решительно дивлюсь и благоговею». ²⁸

Верным помощником Евгения была его жена Елена Густавовна. «В мое отсутствие, — пишет Евгений Пущину, — прошу Вас обращаться с денежными и всякими другими требованиями к жене моей, которая временно будет исполнять должность казначея и комиссионера». ²⁹ Были у Якушкина и другие помощники — жена декабриста Фонвизина Наталья Дмитриевна (бывшая во втором браке за Пущиным), дочь С. П. Трубецкого Зинаида Сергеевна, дочь Волконского Елена Сергеевна. Щедрым вкладчиком был сын Волконского Михаил Сергеевич. Все они переписывались с Якушкиным. «Малая артель» существовала до смерти последнего из декабристов. Помогала она и членам их семей.

В последние годы начинает все более отчетливо выявляться роль Е. И. Якушкина как собирателя и хранителя декабристских материалов. Известно, что целый ряд в высшей степени ответственных и значительных мемуаров декабристов вообще не появился бы на свет, если бы не энергия и настойчивость Евгения Ивановича. Ему мы обязаны появлением воспоминаний и записок И. И. Пущина, В. И. Штейнгейля, Н. В. Басаргина, Е. П. Оболенского, И. Д. Якушкина. Живя на поселении, некоторые декабристы принялись было за перо еще в 40-х гг., но после вторичного ареста М. С. Лунина уничтожили написанное, и Якушкину стоило больших трудов заставить их снова писать свои воспоминания. Признание И. И. Пущина: «От Вас, любезный друг, молчком не отделаешься» — фраза, которой начинает Пущин свои воспоминания, — могли бы повторить и другие декабристы, которых молодой исследователь буквально атаковал просьбами, уговорами, требованиями. Уже после смерти отца Евгений Иванович обратился к хорошо знавшему его Е. П. Оболенскому с просьбой поделиться своими воспоминаниями о покойном. Старый декабрист тотчас откликнулся. 27 августа 1857 г. он писал Пущину: «Евгений <...> просил сообщить, что я знаю об Ив[ане] Дим[итриевиче] и в особенности о ялutorов-

ских школах. Исполню с удовольствием этот долг дружбы к покойному, эту дань уважения к его памяти». ³⁰ Далее он сообщает, что написал в Ялutorовск для уточнения некоторых данных. А 20 сентября того же года Оболенский пишет, что уже отослал рукопись воспоминаний об И. Д. Якушкине его сыну. Эта рукопись бережно хранилась в семейном архиве и уже в советское время была опубликована в сборнике «Декабристы и их время» (Л., 1928). Публикация была осуществлена внуком декабриста Е. Е. Якушкиным. В архиве Якушкина сохранились до нашего времени также тетради П. И. Борисова, письма Г. С. Батенькова и С. П. Трубецкого, множество бумаг, принадлежавших ранее Пущину, собрание стихотворений Батенькова, собрание стихотворений Рылеева (использованное Гербелем для заграничного издания сочинений поэта), не говоря уже о бумагах его отца.

Якушкин был и своеобразным редактором сочинений декабристов. Когда, например, П. Н. Свистунов написал статью, являющуюся откликом на книгу Розена «Записки декабриста», то, прежде чем передать ее в печать, он послал ее для прочтения и одобрения молодому Якушкину. ³¹ Евгений Иванович был автором предисловия к запискам Басаргина (написанным по его настоянию) и подготовил их к публикации. Он же снабдил предисловием подготовленные им к печати записки Пущина и своего отца (записки Ивана Дмитриевича диктовались им сыновьям).

Наряду с рукописным в 50-е гг. XIX в. начал создаваться и иконографический фонд материалов, связанных с декабристами. В сущности начало ему было положено гораздо раньше — еще многочисленными акварелями Бестужева, выполненными в Сибири. Но это были уникальные произведения, а требовалось уже и «массовое» производство портретов декабристов, так как в прогрессивном русском обществе в это время был на них большой спрос. Эту общественную потребность взялся удовлетворить Е. И. Якушкин. Он сначала сначала фотографию (вспомним, что среди декабристов он назывался фотографом), а затем и литографию и принялся за изготовление и размножение портретов деятелей 14 декабря; помогали ему в этом деле жена и брат. «В конце мая начнется фабрикация портретов Матвея Апостола, Волконского, Батенькова

и Трубецкого, — сообщает Евгений Иванович И. И. Пушкину, — доски приобретены». «Фотографии на полноте, — пишет он в другом письме, — у меня для Вас готовы портреты Сергея Петровича, Матвея Ивановича и Сутгофа. Ваши портреты будут Вам доставлены также в скором времени». «Литографическое заведение не праздно проводит время», — такими и подобными сведениями пестрят письма Якушкина той поры.

Кроме литографии и фотографии у Якушкина было множество подаренных ему живописных изображений декабристов, главным образом акварелей и рисунков. Посетивший его незадолго до смерти П. Шереметев рассказал, что видел у Якушкина альбом с декабристскими рисунками.³³ К сожалению, не все дошло до нас из этого богатейшего собрания, однако значительная часть его находится ныне в Эрмитаже. Девять портретов декабристов работы К. П. Мазера восходят к собранию Вячеслава Евгеньевича Якушкина. Знаменитые рисунки, сделанные во время следствия над декабристами А. А. Ивановским и В. Ф. Адлербергом, также поступили в Эрмитаж из собрания Якушкиных. В сущности им принадлежала подавляющая часть иконографического декабристского фонда.

Собирание декабристских документов при всей важности этого дела не было, однако, самоцелью для Якушкина. Он стремился всеми силами и доступными ему средствами опубликовать собранное — сначала в отечественной печати, а потом, если это оказывалось решительно невозможным, за рубежом. В этом направлении он сделал очень многое.

Как только «дружеский круг Евгения» получил свое распоряжение журнал «Библиографические записки», молодой исследователь опубликовал на его страницах целый ряд декабристских материалов. В № 2 за 1858 г. им была опубликована переписка тещи И. Д. Якушкина Н. Н. Шереметевой с В. А. Жуковским, содержащая сведения о декабристе, которого поэт называл «ваш далекий страдалец». Читателям «Библиографических записок» не нужно было объяснять, о ком идет речь. «Он не падет духом, — писал Жуковский о декабристе, — если вы, его единственные сокровища на земле, будете помогать ему своей твердостью». «Напишите Вашему внуку (Якушкину) в Петербург, чтобы он меня навестил, — просит Жуков-

ский. — Мне приятно будет переговорить с ним о его переписке с отцом». В последнем письме уже вполне прозрачная просьба поэта: «уведомьте об Иване Дмитриевиче».³⁵

Декабристские материалы содержатся и в двух статьях Якушкина «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина» и «Проза А. С. Пушкина» («Библиографические записки», 1858, № 10, 11 и 1859, № 5, 6). В этих статьях им опубликованы: описание встречи Пушкина с арестованным Кюхельбекером, мнение Пушкина о Пестеле, уточнялся текст послания Пушкина Пушкину в Сибирь («Мой первый друг, мой друг бесценный»), процитированы две строки из послания декабристам в Сибирь («Во глубине сибирских руд»). Все эти материалы имели большое общественное значение. Но еще более значительной была статья Якушкина «Неизданные записки о Пушкине», которая фактически являлась некрологом только что скончавшемуся И. И. Пушкину и панегириком его делу. Вот что пишет в ней Якушкин: «Симпатическая личность автора, его трагическая судьба, беспристрастие и теплота рассказа дают этим запискам особенное значение... Он принадлежал к числу тех немногих, которые не только не сочувствовали отсталому общественному мнению, но и старались противодействовать ему собственным примером».³⁶ Сказать больше в подцензурном издании (да еще бывшем на дурном счету у властей) было немислимо, но и этого было вполне достаточно для опытного читателя того времени.

Следующей публикаторской работой было напечатание самих «Записок о Пушкине», написанных Пушкиным по просьбе Якушкина. Это оказалось тоже весьма не просто. «Библиографические записки» свирепо преследовались цензурой. В письмах их редакторов мы находим многочисленные жалобы на цензурные гонения. Можно было опасаться, что «Записки» декабриста в них совсем «не пройдут». Надо было искать другой журнал, идейно близкий к «Библиографическим запискам», но не столь яростно преследовавшийся цензурой. Выбор пал на «Атеней», только что основанный в Москве.

«Атеней» был кровно связан с «Библиографическими записками». В его редакции мы встречаем тех же лиц, которые составляли «дружеский круг Евге-

кописи, но почему-то Герцену ее не отдал. Возможно, он хотел напечатать ее сам (как раз в это время совместно с другими эмигрантами организовал в Берлине свою типографию, но она вскоре закрылась). После смерти В. И. Касаткина в 1867 г. рукопись, очевидно, осталась у его вдовы. В письмах Герцена и Огарева имеются сведения об этом. Почему ее все-таки не удалось опубликовать в вольной печати — неясно. Впрочем, эти годы для самой вольной печати были очень тяжелыми, а жизнь Герцена уже близилась к концу. Третья часть была опубликована Е. И. Якушкиным в «Русском архиве» (1870, № 8, 9), да и то только ввиду недосмотра цензуры. Московский цензурный комитет разрешил публикацию, считая «Записки» историческим документом о событиях, уже известных публике. Главное управление по делам печати объявило это решение «глубоко ошибочным и вредным», но так как журнал успел разойтись, то никаких мер принять уже было нельзя.⁴¹ Так Евгений Иванович еще раз переломил хитрил цензуру. Отдельной книгой эти «Записки» не смог выпустить только в 1905 г., на гребне революционного движения. Следующее, полное издание этих содержательных записок было осуществлено уже в 1908 г. в Москве ком. декабриста Вячеславом Евгеньевичем в 1908 г. (появившееся не полностью в «Библиографических записках»).

Чрезвычайно интересными и немаловажными были публикации Е. И. Якушкина в первой книге бартевского сборника «Девятнадцатый век» (М., 1872): статья о том, что издание «Записки декабристов», «По поводу воспоминаний о Рылееве», содержащая также обзор важнейших сочинений поэта-декабриста и «Записки» Н. В. Басаргина. Готовя к публикации «Записки» Басаргина, Якушкин проделал значительную работу по сверке различных данных с воспоминаниями других декабристов. В письме к декабристу Свистуну он просил достать мемуары Розена, необходимые ему для того, чтобы написать «введение к запискам Басаргина».⁴²

В 1873 г. на страницах «Русской старины» (т. 1) Е. И. Якушкин опубликовал «Записки Владимира Федосеевича Раевского, написанные им в Сибири в 1844 году, о заключении его в крепость, следствии на суде над ним и его братом в 1822—1827 гг. по показаниям в участии их в политическом заговоре». В той же «Русской старине» (1872, т. 6) он напечатал статью «Съезд членов „Союза благоденствия»

в Москве, в 1821 г.». В 1899 г., уже живя безвыездно в Ярославле, Е. И. Якушкин напечатал на страницах местной газеты «Северный край» свои воспоминания о Батенькове и Пущине.

Часть своих работ, посвященных декабристской тематике, Е. И. Якушкин так и не успел опубликовать. В его бумагах сохранились, например, весьма содержательные замечания на записки («Mon journal») Александра Муравьева, написанные им совместно с отцом в середине 50-х гг. Только уже в советское время они были опубликованы сыном Евгения Ивановича Евгением Евгеньевичем в «Былом» (1924, № 5).

Чрезвычайно значительна роль Евгения Ивановича в осуществлении зарубежных публикаций декабристских материалов. На страницах «Полярной звезды» им были опубликованы «Рассказ о Семеновской истории» (кн. 3), «Разбор донесения следственной комиссии» (кн. 5), «Из записок И. Д. Якушкина» (кн. 7). Кроме того, им были доставлены Герцену неопубликованные места из «Записок» Пущина (т. е. те, которые не удалось напечатать в «Атенее»), рассказ о встрече Пушкина с арестованным Кюхельбекером (появившееся не полностью в «Библиографических записках»).

Все это было напечатано Герценом в шестой книге «Полярной звезды». Уже говорилось о том, что издание «Записки декабристов», осуществленное Вольной типографией, фактически построено на материалах Е. И. Якушкина. Очень велик его вклад в знаменитое лейпцигское издание сочинений Рылеева, которое много десятилетий подряд считалось гербелевским. Действительно, Н. В. Гербель, имевший большие связи в кругах немецких издателей и опыт в деле публикации запрещенных цензурой произведений, взял на себя практическое осуществление этого издания, но материал, включая предисловие, он получил от Е. И. Якушкина. Это неопровержимо доказал Н. Я. Эйдельман путем сравнения самого издания и подлинной рукописи, хранящейся в архиве. Надо также отметить, что, когда в 1871 г. П. А. Ефремову наконец было разрешено издание сочинений Рылеева в России, главным советчиком и поставщиком материалов для него стал Евгений Иванович.⁴² Бывали, однако,

случай, когда декабристские материалы, собранные Е. И. Якушкиным, появлялись в печати без его ведома и согласия. Такая история произошла с записками Е. П. Оболенского, напечатанными известным эмигрантом П. В. Долгоруковым в его журнале «Будущность» в 1861 г. Старый декабрист был еще жив, и возмущенный Евгений Иванович потребовал объяснений у П. А. Ефремова, которому он давал для прочтения рукопись записок. «Вы мне дали записки Оболенского с запрещением печатать, — оправдывался Ефремов. — Я, списав их, давал прочесть только двоим в прошедшем апреле, в конце, Ковст[антину] Ив[ановичу] и Семевскому. При этом передавал запрещение, чтобы никому не давать. Итак, даю честное слово, что не от меня вышло, что записки Обол[енского] напечатаны в № 9—10 (апрельских) „Будущности“ ки[зя] Долгорукова».⁴³

По материалам якушкинского собрания были осуществлены многие публикации его друзей и соратников — Гербеля, Ефремова, Афанасьева. Далеко еще не все выявлено в этом отношении, так как Якушкин щедро делился своими материалами и никогда не претендовал на авторство. Хранящаяся в архиве Якушкиных неопубликованная переписка Евгения Ивановича с сыном декабриста Волконского Михаилом Сергеевичем свидетельствует о том, что он «приложил руку» и к запискам Волконского. Начиная с 70-х гг. (старый декабрист умер в 1855 г.) он выражает в своих письмах беспокойство о судьбе записок Сергея Григорьевича, просит корреспондента приготовить их к печати. «Напечатать их я намерен, — отвечает ему М. С. Волконский, — не знаю еще целиком ли или выдержками, так как они, как я говорю, не писаны для печати. Почерк отца Вам знаком. Чтобы привести в порядок эти записки, мне нужно месяца три времени: а вот этих-то свободных от дел, спокойных месяцев я найти не могу». Но Евгений Иванович не отвечает. «Как только найду возможность привести в порядок рукопись, сообщу Вам», — успокаивает его Волконский. Но только в августе 1901 г. Волконский посылает Якушкину экземпляр «Записок» своего отца: «В знак моего дружеского к Вам уважения, начало которому положили наши годы в Сибири». Так как свои «Записки» С. Г. Волконский успел довести

только до 1825 г., то вторую их часть Михаилу Сергеевичу пришлось собирать буквально по клочкам, и он опасался, не допустил ли каких-то промахов и пропусков. Поэтому он просит Евгения Ивановича: «У Вас, я знаю, большой архив дорогого нам времени: если Вы найдете у меня неточности или крупные пробы, не будете ли так добры отметить их ввиду второго издания, которое я надеюсь, если успею, сделать». Евгений Иванович посылает ему множество документов, в частности касающихся М. С. Лунина и его взаимоотношений с семьей Волконских.⁴⁴ Таким образом, и тут его роль вскрывается лишь благодаря случайной находке.

Много ценнейших материалов было предоставлено Е. И. Якушкиным В. И. Семевскому для исследований последнего о декабристах.⁴⁵ Его советами и документами пользовался известный исследователь П. Е. Щеголев.⁴⁶

Хочется отметить, что верность декабристской тематике стала как бы семейной чертой Якушкиных и что поэтому материалы, которые собрал, но не успел опубликовать Евгений Иванович, не остались просто лежать в его архиве. Вслед за ним большой вклад в изучение декабристских текстов и их публикацию внесли его сыновья Вячеслав и Евгений (последний уже в советское время). Особенно велик вклад Вячеслава Евгеньевича. Его перу принадлежат статьи о К. Ф. Рылееве, М. И. Муравьеве-Апостоле (с которым он был близок), И. Д. Якушкине, Н. М. Муравьеве и его конституции, А. А. Бестужева, С. Г. Волконском, М. А. Фонвизине, С. П. Трубецком, П. И. Пестеле и его «Русской правде» и многие другие — целая библиотека декабристской литературы. Кроме того, он был автором одной из первых в России популярных книг для народа о деятелях 14 декабря — «Декабристы, кто они были и чего они хотели», вышедшей впервые в 1905 г. и переизданной в 1917 г. «Обществом политпросвещения армии и широких слоев населения».

Когда в 1906 г. в среде прогрессивно настроенных русских ученых возник замысел создания полной истории декабристов, В. Е. Якушкину было поручено написание главы весьма ответственной — «Декабристы в 60-е годы. Влияние декабристов на позднейшее ре-

волюционное движение». К сожалению, замысел этой истории не осуществился и глава осталась ненаписанной, однако сам факт избрания В. Е. Якушкина в качестве автора подобного исследования говорит о его высоком авторитете среди декабристоведов начала XX.

Уже после революции, в 20-е гг. в печати появился целый цикл работ второго сына Евгения Ивановича — Евгения Евгеньевича Якушкина (в изданиях «Былое», «Каторга и ссылка»). Им же были подготовлены к печати первое советское издание «Записок И. Д. Якушкина» (М., 1925) и упоминавшийся выше сборник документов «Декабристы на поселении» (Л., 1926), явившиеся важным подспорьем для исследователей декабризма. Не так давно («Новый мир», 1964, № 12) был опубликован интересный дневник жены декабриста Анастасии Васильевны Якушкиной с послесловием его правнука Н. В. Якушкина. Таким образом, вклад Якушкиных в собирание, хранение, публикацию и исследование декабристских материалов поистине уникален.

Глава 2

ЯКУШКИН — ПУШКИНИСТ

После падения николаевского режима в русском обществе возрождается острый интерес к жизни и мировоззрению А. С. Пушкина как выразителя дум и стремлений лучшей части мыслящего общества. Значение Пушкина-художника было убедительно разъяснено уже статьями Белинского. Сложнее обстояло дело с изучением жизни и мировоззрения поэта, в особенности последекабрьского периода.

Выход в свет сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, расцененный современниками как большое общественное событие, явился внешним толчком в той напряженной борьбе вокруг Пушкина, которая развернулась между сторонниками так называемых пушкинского и гоголевского направлений. Особенно острую полемику вызвал выход в свет седьмого дополнительного тома анненковского издания, в котором были помещены не пропущенные ранее цензурой

произведения поэта, а также появление книги Анненкова «Материалы для биографии Пушкина». В сущности Анненков первый со всей определенностью поставил проблему пушкинского мировоззрения (хотя и не сумел ее разрешить). Переоценить значение этого факта невозможно. В условиях подъема общественного движения и мысли, наступившего во второй половине 50-х гг. XIX в., спор о Пушкине зачастую перерастал рамки пушкиноведения. Речь шла об общественном значении литературы, о роли художника как гражданина, о связи «художественного» с «гражданским», о коллизии «поэт и власть». Сторонники как «пушкинского», так и «гоголевского» направлений стремились каждый по-своему ответить на эти животрепещущие вопросы литературного и общественного развития; при этом вопрос о Пушкине часто служил лишь предлогом для высказывания по самым острым проблемам современности. Вместе с тем и для собственно пушкиноведения 50-е гг. дали очень много — прежде всего в плане постановки важнейших проблем биографии и творчества поэта. Кроме того, в эти годы было опубликовано большое количество неизвестных ранее читающей публике фрагментов и целых произведений Пушкина, позволивших по-новому осветить вопрос о мировоззрении поэта.

Наше пушкиноведение отмечает, что критики, писавшие о Пушкине в эти годы, разделялись на две группы. Это сторонники «пушкинского» направления, считавшие Пушкина вождем русского литературного движения, мысль и слово которого на все времена останутся непревзойденным образцом. К этой группе примыкали преимущественно критики — приверженцы теории «чистого искусства» — Дружинин, Дудышкин, Никитенко, отчасти Анненков и др. Обожеествлявшие великого поэта, они тем не менее ограниченно понимали его творчество, считая его по преимуществу певцом «звучков сладких и молитв» и недооценивая общественное значение его произведений.

Сторонники «гоголевского» направления, в основном критики революционно-демократического лагеря, сотрудники «Современника», напротив, полагали, что вождем русской литературы является Гоголь с его сатирически-обличительным творчеством. При этом, как отмечается современным советским пушкиноведением,

в статьях Чернышевского и Добролюбова наблюдается недооценка Пушкина и трактовка его творчества как далекого от жизненных проблем.¹

Как видим, выразители взглядов обоих направлений равно ошибались, считая Пушкина преимущественно «поэтом формы». Кроме того, очень острым был вопрос о политической, гражданской позиции Пушкина после подавления восстания декабристов. Представители «гоголевского» направления склонны были считать, что зрелый Пушкин отказался от свободлюбивых идеалов молодости. Не разделявшие этого взгляда «пушкинцы» были тем не менее не в состоянии в силу ограниченности собственного мировоззрения противопоставить этому ошибочному мнению сколько-нибудь убедительную контраргументацию.

Среди публицистов, активно включившихся в спор о Пушкине, объективную оценку творчеству поэта дали Герцен и его последователи; оценку, чуждую как обожествления его личности, так и нигилистического отношения к его творчеству. Герцен и Огарев впервые связали Пушкина с декабристским движением, считая его певцом декабризма. Более того, Герцен писал, что после 14 декабря «одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлого, наполняла мужественными звуками настоящее и посылая свой привет отдаленному будущему». В творчестве любимого поэта Герцен видел залог неумиряющей преемственности между декабристами и последующим этапом русского освободительного движения.²

Концепцию Герцена полностью разделяли его последователи в России — та молодая поросль, которая уже после эмиграции Герцена вошла в кружок Кетчера — Пикулина и позднее сгруппировалась вокруг замечательного журнала «Библиографические записки». Среди этих людей, внесших большой вклад в публикацию и изучение пушкинских материалов, особенно запрещенных ранее цензурой и проливающих свет на проблему мировоззрения поэта, следует в первую очередь назвать Е. И. Якушкина и его друга П. А. Ефремова. Оба они — убежденные «герценовцы», оба — выдающиеся пушкинисты. Их участие в полемике вокруг Пушкина слабо освещено в советской научной литературе, между тем оно было весьма значительным и

имело в свое время большой общественный резонанс. Прошло же оно мимо внимания историков, вероятно потому, что было облечено в форму, наименее заметную для глаза, — библиографическую и текстологическую.

Вклад библиографов-пушкинистов 50—60-х гг. XIX в. в изучение жизни и творчества великого поэта выразился в разнообразных работах. Это: 1) собрание и публикация неизвестных ранее или забытых текстов и фактов биографии поэта, 2) создание полноценных библиографических указателей произведений Пушкина, их переводов на иностранные языки и литературы о нем, 3) редакторская работа над изданиями сочинений Пушкина.

Подлинно научное изучение пушкинского наследия началось как раз в 50-е гг., и начали его люди, которым буквально не на что было опереться. К чести Якушкина и его друзей следует отметить, что они не только не усугубили неверный взгляд на Пушкина как на жреца «чистого искусства», разделявшийся большинством писавших в России, но по мере своих возможностей старались противопоставить этому материалы, рисующие облик Пушкина-гражданина. В особенности это удалось Якушкину.

Публикациям пушкинских текстов предшествовала кропотливая многолетняя собирательская работа. До нас дошли два рукописных пушкинских сборника, составленных Евгением Ивановичем. Они были использованы при подготовке советского академического издания сочинений поэта. История их создания такова.

Осенью 1855 г. Е. И. Якушкин во второй раз приехал в Сибирь. Среди декабристов, живших на поселении совместно с его отцом, были и люди, хорошо знавшие Пушкина. Молодой исследователь настойчиво просил их написать воспоминания о поэте. Мы уже писали о том, что у И. И. Пущина Е. И. Якушкин буквально вырвал согласие написать воспоминания о Пушкине. В свою очередь Е. И. Якушкин обещал старому декабристу собрать «полного Пушкина» и свое обещание выполнил. «Скоро ли Вы будете к нам, — спрашивал он Пущина в 1857 г., — я готовлю к Вашему приезду полный экземпляр сочинений Пушкина, — работы за ним еще много, но в мае кончу. В этом экземпляре будет многое, чего не будет и в

7 томе (речь идет о дополнительном томе анненковского издания. — *Л. Р.*), словом, этим трудом Вы остаетесь довольны. Как видите, я не забыл данного мною обещания два года тому назад». ³ «Спасибо Вам за труды для меня около Пушкина, — отвечает ему Пущин. — Я непременно сделаю тоже все, что Вам обещал, и вот уверен, что это будет единственно для Вас, а в публику не может идти». ⁴

Оба рукописных сборника из архива Якушкиных собственноручно переписаны Евгением Ивановичем. Первый представляет собой тетрадь в 12 листов, в которой записано 78 стихотворений. Из них Пушкину бесспорно принадлежит 35, остальные приписывались ему ошибочно. Второй сборник включает 58 стихотворений, из которых 34 — безусловно пушкинские.

Наличие столь большого числа стихотворений, ошибочно приписывавшихся Пушкину, говорит не только о слабости пушкиноведения тех лет, но и о сознательно выбранной методике собирания: приписываемое Пушкину имело немалое общественное значение — ведь в основном это касалось политической поэзии. Надо отметить, что под отдельными текстами Якушкин обозначал и источники разыскания (от кого получено, где хранится и т. п.). Во втором сборнике кроме стихотворений переписан текст планов «Русского Пелама», полученный от Анненкова и опубликованный впоследствии Якушкиным на страницах «Библиографических записок». Громадный интерес имеют примечания составителя сборника к этому неосуществленному произведению Пушкина. Здесь указаны прототипы образов романа, среди которых некоторые из виднейших деятелей тайных обществ 20-х гг. Кому, как не Якушкину, и кровно, и идейно связанному с декабристами, было составить такие комментарии! Источники, которыми пользовался молодой пушкинист, весьма разнообразны. Частично это материалы, полученные от Анненкова (которые не пропустила цензура даже для 7-го тома), частично записи в альбомах московских и петербургских знакомых поэта, частично тексты, собранные другими библиографами, с которыми Якушкин был связан дружескими или профессиональными отношениями. ⁵ Наконец, в распоряжение молодого исследователя был передан знаменитый портфель Пущина. Судьба этого драго-

ценного собрания драматична, и о ней не раз писали пушкинисты. Однако здесь нет полного единства мнений.

Рано утром 15 декабря 1825 г. ожидавший ареста Пущин передал приехавшему к нему П. А. Вяземскому на сохранение портфель с бумагами, в котором было несколько стихотворений Пушкина, Дельвига, Рыльева и записки по общественным вопросам. Через 32 года, когда старый декабрист возвратился из ссылки, Вяземский вернул ему этот портфель. Такова легенда. Современные исследователи вносят в нее весьма существенные коррективы. Прежде всего ими установлено, что в середине декабря 1825 г. Вяземского в Петербурге не было. Кроме того, уже в советское время было опубликовано письмо к Пущину его брата Михаила, который на запрос о портфеле отвечал, что тот им был отдан Вяземскому в 1841 г. Таким образом, героическая роль Вяземского несколько тускнеет. Но как бы там ни было, бумаги Пущина он сохранил, а после возвращения последнего из Сибири вернул их по принадлежности (правда, после многочисленных настойчивых просьб владельца). ⁶

Опубликовано письмо Пущина Вяземскому (от 21 сентября 1857 г.): «Сейчас уезжает от меня брат Николай, посетивший наше уединение (письмо из Марьино. — *Л. Р.*), и я пользуюсь его отъездом, добрый и почтенный Петр Андреевич, чтобы опять Вас просить о доставлении мне моего портфеля... Пожалуйста, велите отыскать и перешлите запечатанным на имя моего брата Николая, в дом наш на Мойке. Скоро он будет иметь верный случай сюда. Жаль мне, что не мог он сам привезти, хотя надеялся после последнего с Вами свидания». ⁷

Получив свой портфель, Пущин отдал молодому Якушкину все находившиеся в нем пушкинские материалы, среди которых оказались и неопубликованные произведения поэта, а также такие, которые были опубликованы не полностью. Из последних наибольшее значение для выяснения общественных взглядов Пушкина имело стихотворение «К морю», которое даже в 7-м томе анненковского издания не было опубликовано полностью. Если к тому же прибавить, что Якушкин получил от Пущина тексты пушкинских посланий в Сибирь (декабристам и Пущину), то станет

ясно, что в его руках сосредоточились чрезвычайно важные неопубликованные произведения поэта.

В условиях полемики вокруг Пушкина, в которой обе спорящие стороны явно недооценивали общественное звучание пушкинской поэзии, опубликование этих произведений могло иметь громадное значение. Однако на пути к этому стояло почти непреодолимое препятствие — российская цензура. Напомним, что даже имевший большие связи в высших сферах П. В. Анненков не смог включить в редактировавшееся им собрание сочинений Пушкина целый ряд известных ему текстов, имевших значение для выяснения мировоззрения поэта, в том числе 13-ю строфу стихотворения «К морю». Что же касается Якушкина, то он не только не имел нужных связей с сильными мира сего, но был на дурном счету у властей как сын «государственного преступника» и как член подозрительного кружка Кетчера—Пикулина. Ему было еще труднее, чем Анненкову, преодолеть препоны, стоявшие на пути поэта к русскому читателю. Тем не менее он это сделал!

Для обнародования не пропущенных цензурой пушкинских текстов Якушкин выбрал наименее заметную форму — рецензию на анненковское издание. Дело в том, что появление каждого из томов этого собрания вызывало оживленные отклики в прессе. В особенности много рецензий было опубликовано в связи с выходом в свет 7-го тома собрания сочинений поэта, тем более что его издание было осуществлено в условиях общественного подъема второй половины 50-х гг. Можно без преувеличения сказать, что не было ни одного сколько-нибудь серьезного журнала, который не поместил бы отклик на выход в свет этого тома.

В течение 1858 г. цензуре пришлось просмотреть не один десяток отзывов на 7-й том анненковского издания, и они уже в какой-то мере ей примелькались. Поэтому еще одна рецензия могла пройти более или менее гладко, а то, что в ней цитировались тексты, которых вовсе не было у Анненкова, — этого российские аргусы по своему невежеству просто не заметили. Так появились на свет ответственные в политическом отношении публикации Якушкина на страницах «Библиографических записок».

Пушкинские публикации Якушкина в «Библиографических записках» не были случайными ни для автора, ни для журнала, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в истории отечественного пушкиноведения. За три года существования «Библиографических записок» (1858, 1859, 1861) на его страницах были помещены 22 статьи и заметки о Пушкине: письма поэта к брату Льву Сергеевичу (публикация С. А. Соболевского), записки Пушкина к Гоголю (публикация П. А. Кулиша), заметки о Пушкине одесского исследователя К. П. Зеленецкого, рецензии на анненковское издание Л. Н. Майкова, П. А. Ефремова, А. Н. Афанасьева и Е. И. Якушкина, три заметки М. Н. Лонгинова биографического характера, его же публикация рассказа доктора Спасского о последних днях жизни поэта, три письма Пушкина к М. Л. Яковлеву (публикация В. П. Гаевского), биографические заметки известного библиографа А. М. Лазаревского, указатель переводов произведений Пушкина на иностранные языки Г. Н. Геннади и его же список критических работ о Пушкине, положившие начало научной пушкинской библиографии, и несколько более мелких статей. Работы Якушкина в «Библиографических записках» явились органической частью этой богатой пушкинианы.

Первая работа носит название «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина» (1858, № 10, 11). Являясь по видимости рецензией на анненковское издание, она насыщена цитатами из таких произведений Пушкина, которые полностью или частично были запрещены цензурой. «Широко пользуясь эзоповской манерой, умолчаниями или зашифровкой. — пишет об этой статье известный советский пушкинист Т. Г. Цявловская, — Якушкин не побоялся дать читателям довольно ясное представление о многих вольнолюбивых произведениях Пушкина и весьма ответственных по своему политическому звучанию записях из его личных бумаг. Так, например, он намекнул на оду „Вольность“, привел два стиха из послания декабристам в Сибирь, напечатал запись Пушкина о беседе его с П. И. Пестелем (скрытым под буквой «П.», но достаточно прозрачно разъясненным в сноске), план „Русского Пелама“ с именами декабристов и пр. Наряду с этими фрагментами рукописей, препарированными с

большим искусством и тактической ловкостью, Якушкин привел полностью и ряд таких стихотворений поэта (неизвестных или известных в иных редакциях), которые были безгрешны в политическом отношении: эти публикации маскировали общую направленность его статьи, имея в то же время самостоятельную фактическую ценность».⁸ Однако вывод, к которому приходит Т. Г. Цявловская, по нашему мнению, не вполне убедителен. Она пишет: «Многие места из статьи Якушкина утверждают нас в мысли, что первая попытка печатной пропаганды политической лирики Пушкина в России после смерти Николая I исходила из стана декабристов, вернувшихся из Сибири (за границей этим были заняты в те же годы Герцен и Огарев). Это были те же самые декабристы, которые были первыми читателями, переписчиками и распространителями вольной поэзии Пушкина за тридцать пять-сорок лет до того».⁹ На самом деле пушкинские материалы на страницах «Библиографических записок» исходили уже от представителей другого, младшего поколения, и в этом как раз сила и огромное значение эстафеты передовой общественной мысли. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что некоторые тексты Якушкин получил от Пущина; известно также, что собрание «полного Пушкина» он начал по совету старого декабриста. Однако и Пущин свои воспоминания о Пушкине написал по настоянию Якушкина, так что здесь влияние было взаимным. Общая же причина высокого уважения и интереса редакции «Библиографических записок» к творчеству Пушкина, в особенности к его вольнолюбивым произведениям, объясняется далеко не только непосредственным воздействием вернувшихся из ссылки декабристов; причины тут гораздо более глубокие.

Якушкин, Ефремов, Афанасьев, Касаткин — руководители журнала подобно Герцену считали нерасторжимыми темы «Пушкин—Чаадаев—декабристы». Для них это было наследием свободолюбивых отцов, наследием, за которое они боролись всеми возможными средствами. Интерес к Пушкину кроме литературного имел также и политический аспект, и именно в условиях общественного подъема конца 50-х гг. Публикации «Библиографических записок» и были той «третьей силой» в полемике вокруг Пушкина, которую

современные исследователи склонны признавать только за Герценом и Огаревым. Напомним также, что все те публикации в вольной печати, о которых говорит Т. Г. Цявловская, были доставлены Герцену той же редакцией «Библиографических записок», преимущественно Е. И. Якушкиным. Таким образом, связь работ Якушкина о Пушкине с декабристами вовсе не так прямолинейна. Дело тут не только и не столько в личном влиянии возвратившихся из ссылки героев 14 декабря, сколько в преемственности идей, в том, что в России подросло и вышло на общественную арену новое поколение бойцов, для которого идеи декабря и певец их Пушкин имели громадное значение — как пример, как традиция, как символ и как знамя. Игнорировать это обстоятельство сегодня уже не приходится.

Новые материалы, опубликованные в последние два десятилетия, преимущественно разыскания Н. Я. Эйдельмана, убедительно свидетельствуют о наличии в России «партии Герцена», разделявшей установки своего идейного вождя, в том числе и в вопросах культурной традиции. Сторонники Герцена во многом расходились с кругом «Современника», что видно хотя бы на примере отношения к Пушкину и к дворянской революционности. То, что это были расхождения внутри левого лагеря, не делает их менее заметными. Недаром такие убежденные «герценовцы», как Якушкин, Касаткин, Ефремов, никогда не сотрудничали в «Современнике».

Еще более значительной была вторая статья Якушкина в «Библиографических записках» — «Проза А. С. Пушкина» (1859, № 5, 6). В ней помещены уже упоминавшийся план «Русского Пелама», описание встречи поэта с арестованным Кюхельбекером, мнение Пушкина о Пестеле, отрывок, посвященный «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева, 13 отрывков из пушкинских «Замечаний о бунте», предназначавшихся в свое время для Николая I и носивших негласный характер. Среди этих отрывков есть весьма острые: о казнях, произведенных генералом Фрейманом в Башкирии, о генерале Каре, убитом своими крестьянами, и т. п. Статья, имеющая скромный подзаголовок «Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта», далеко перерастает рамки обычной рецензии.

Прежде всего обращает на себя внимание тематика отобранных Якушкиным прозаических отрывков. Все они чрезвычайно значимы в политическом отношении, характеризуют Пушкина как мыслителя. В издании Анненкова (не говоря уже о первом посмертном издании) эти серьезнейшие фрагменты были опубликованы в искаженном виде. Таким образом, первой задачей публикатора было указание на данный факт и приведение исправных текстов. Второй задачей было их комментирование. Якушкин не просто констатирует, например, историческую правоту Пушкина; он спорит с поэтом в тех случаях, когда считает его неправым. Однако и этот спор не является самоцелью (хотя сам по себе чрезвычайно интересен как показатель расхождений между передовыми представителями двух поколений), а представляется нам тактическим приемом, избранным для того, чтобы иметь возможность говорить о вещах и людях «бесцензурного» свойства. Прежде всего это касается Радищева. Борьба за «рассекречивание» Радищева — одна из самых драматических страниц в истории «Библиографических записок».

В ноябре 1858 г. воронежский литератор М. Ф. Де-Пуле, усердный читатель и почитатель журнала, написал его редактору А. Н. Афанасьеву письмо, в котором спрашивал, нельзя ли в «Библиографических записках» вслед за новиковскими поместить и радищевские материалы. «О Радищеве я уже думал, — пишет Афанасьев в ответном письме, — но дело очень щекотливое в цензурном отношении: на первый раз пущу выписки из известной его книги, по поводу статьи Пушкина о Радищеве».¹⁰

Обратим внимание на тактику редактора (и автора статьи). Зная, что цензура особо бдительно относится к книге Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву» было в России под запретом вплоть до революции 1905 г.), они включают первые материалы о нем в состав рецензии на анненковское издание Пушкина. Якушкин умудрился процитировать несколько весьма острых отрывков из книги Радищева: сцену рекрутского набора из главы «Городня», сведения о продаже крестьян из главы «Медное», сравнение жизни помещика и крестьянина из главы «Вышний Волочек», причем он все время спорит с Пушки-

ным, который, по его мнению, неверно оценил Радищева.¹¹ Приводя строки из статьи Пушкина «Мысли на дороге», он иллюстрирует их выдержками из «Путешествия из Петербурга в Москву». Сам же он пишет об авторе этой прославленной книги: «Радищев представляется каким-то совершенно одиноким явлением в русской литературе XVIII столетия. Воспитанный за границей в то время, когда старый порядок вещей уже был осужден безвозвратно на гибель, автор „Путешествия“ до такой степени проникся новыми началами, убеждением в необходимости преобразований и в их несомненной силе, что всякая уступка отживающему порядку вещей, всякая сделка с устаревшими понятиями стали для него невозможны. Ни один русский писатель XVIII века не представляет такого цельного характера. В то время, когда другие, увлеченные сначала тем же умственным движением, стали мало-помалу мириться с действительностью или вдались в мистицизм — это убежище для утомленных борьбою, Радищев сохранил прежнюю твердость верований, удивляя других „молодостью своих седи“, как говорит об нем Пушкин. В „Путешествии из Петербурга в Москву“ он до такой степени верен своему веку, что, разбирая его книгу, критик имеет дело не с личным взглядом автора, а с нравственными требованиями его времени».¹²

Эта выписка характеризует не только политические убеждения Якушкина, всегда стоявшего на стороне борцов за свободу, но и его методику как литературного критика и историка литературы, весьма передовую для своего времени.

В статье «Проза А. С. Пушкина» обращает на себя внимание еще один пассаж, характеризующий принципы Якушкина-текстолога, а точнее, те требования, которые предъявляла к публикациям произведений писателей новая, так называемая библиографическая школа в литературоведении, противостоявшая установкам «эстетического» направления. «К сожалению, Анненков большую часть прозаических статей напечатал по редакции посмертного издания, часто весьма неправильной, — пишет Якушкин. — Лица, распорядившиеся посмертным изданием, чрезвычайно странно понимали обязанности, лежавшие на них относительно поэта и публики. Они не только выпускали

фразы и целые статьи, которые в цензурном отношении всегда могли быть напечатаны, но даже и передо- лывали, совершенно произвольно и без всякого осно- вания, стихи и прозу Пушкина с решимостью, не- понятною ни для одного образованного человека. Во всех этих поправках и выпусках виден самый узкий взгляд на значение Пушкина, видны какие-то отжи- вшие и отчасти произвольные требования относительно нравственности и языка литературных произведе- ний».¹³ Совершенно понятно, что под словом «нрав- ственность» подразумевается политическое звучание поэзии Пушкина, точно так же как в приведенном выше мнении Якушкина о Радищеве под словом «ум- ственное» следует читать — «революционное» движе- ние. К таким ухищрениям эзоповского языка читатели той поры были вполне привычны.

В № 8 «Библиографических записок» за тот же 1859 г. Е. И. Якушкин поместил небольшую статью «Неизданные записки о Пушкине», которая в сущ- ности была посвящена И. И. Пущину и прославляла его дело. Так снова в творчестве Якушкина смыкались пушкинская и декабристская тематика. Любовь к Пуш- кину Евгений Иванович сохранил на всю жизнь и завещал ее своим детям и внукам. Известно, что сын его Вячеслав Евгеньевич стал одним из выдающихся русских пушкинистов. Когда рукописи Пушкина были переданы его семьей Румянцевскому музею в Москве, именно В. Е. Якушкину было поручено ответственное и почетное дело создания первого их научного описа- ния.

Уже в глубокой старости, подводя итоги, Евгений Иванович писал П. А. Ефремову: «Я помню, что когда я не умел еще читать, то знал уже на память некото- рые стихи из 1 главы „Евгения Онегина“, так часто эту главу при мне читали. Лет тринадцати я мог уже без ошибки прочесть на память большинство мелких стихо- творений, а знал, конечно, все напечатанное и многое обрацавшееся в рукописях. Мою страсть к Пушкину наследовали мои сыновья. У меня здесь есть внучка лет 9, которая много знает из Пушкина не хуже меня и даже меня поправляет, если я ошибусь. Надеюсь, что и правнуки мои будут иметь такую же страсть к Пуш- кину».¹⁴ Но Пушкин был для Якушкина не только лю- бимым поэтом; он был личностью, достойной подража-

ния. Когда П. А. Ефремов пожаловался другу на тя- желую обстановку, в которой ему пришлось служить, Якушкин отвечал ему: «Я сам вынес много подобных невзгод, сотни доносов и тысячи сплетен самого сквер- ного свойства. Было время, когда мое служебное по- ложение было более нежели шатко, а у меня была семья, и наличного капитала было достаточно, чтобы прокормить семью не более, как в течение двух не- дель. Из нормального положения я не выходил, а ежели и выходил, то очень ненадолго. С голоду не умрем, а ежели немножко придется поголодать, беды в этом особенной нет. С какою веселостью Пушкин пишет письма из деревенской ссылки, для него действительно тяжелой. Вот у кого надо учиться».¹⁵

Чрезвычайно значительна роль Е. И. Якушкина в лондонской пушкиниане. Разыскания Н. Я. Эйдель- мана убедительно доказывают, что подавляющее коли- чество пушкинских материалов, опубликованных на страницах «Полярной звезды» Герцена, происходило из собрания Якушкина и попадало в Лондон через его ближайших друзей.¹⁶ Так, из материалов Якуш- кина в «Полярной звезде» были опубликованы: за- прещенные русской цензурой места из «Записок о Пушкине» Пущина, описание встречи поэта с аресто- ванным Кюхельбекером (ранее частично опублико- ванное в «Библиографических записках»), отрывки из воспоминаний декабриста И. Д. Якушкина о встрече с поэтом в Каменке, примечания Пушкина к «Исто- рии пугачевского бунта» и другие тексты. Кроме того, целый ряд стихотворений Пушкина, напечатанных в сборнике «Русская потаенная литература», также исходил из архива Якушкина. Чрезвычайно сущест- венным был его вклад и в знаменитое гербелевское издание Пушкина (Берлин, 1861), которое скорее можно назвать якушкинским, — оно почти полностью опирается на его собрание. Таким образом, Е. И. Якуш- кин был одним из самых активных публикаторов за- прещенных цензурой пушкинских материалов. По- жалуй, в конце 50-х—начале 60-х гг. в этом отноше- нии он не имел себе равных. Напомним, что он опу- бликовал далеко не все, чем владел. Собрание его было полностью использовано для печати лишь в советское время. Впоследствии, живя в провинции, Якушкин не

имел уже возможности заниматься разысканиями пушкинских материалов, тем не менее к нему как к признанному знатоку продолжали обращаться все сколько-нибудь серьезно занимавшиеся пушкинскими текстами, и в первую очередь редактор двух изданий сочинений Пушкина П. А. Ефремов, сам крупнейший знаток пушкинских материалов. Сведения о помощи Якушкина Ефремову при редактировании сочинений поэта во множестве встречаются в их неизданной переписке.¹⁷

Хочется еще раз подчеркнуть, что Якушкин был не просто собирателем и публикатором пушкинских текстов (хотя и этого одного было вполне достаточно, чтобы занять почетное место в отечественном пушкиноведении) — он был также исследователем общественных взглядов и общественного значения творчества Пушкина.

Эту линию успешно продолжил его сын Вячеслав Евгеньевич, который в 1899 г. был выслан из Москвы под надзор полиции за речь об общественных взглядах Пушкина. В этой речи, произнесенной во время пушкинских юбилейных торжеств в «Обществе любителей российской словесности», В. Е. Якушкин говорил о верности Пушкина декабристским идеалам. «Великую заслугу» поэта он видел в том, что «благодаря ему идеи 20-х годов нашли легче доступ к молодому поколению 30-х годов».

Выступив против официальной версии о резком поправлении Пушкина после 14 декабря, Якушкин заявил, что «общественные идеи» Пушкина после возвращения из ссылки «в сущности остались те же, но он для их распространения и осуществления в пределах возможного впредь должен был употреблять уже другие средства». Поэтическую биографию Пушкина Якушкин связывал с «историей нашего общественного движения», увидев в Пушкине 30-х гг. «единственного выразителя общественных идей 20-х годов» «в прежнем кружке, продолжавшем владеть литературой».¹⁸

Как видим, сын являлся продолжателем дела отца, а оба они следовали версии Герцена, весьма плодотворной, но имевшей в русском дореволюционном пушкиноведении не так уж много сторонников. Целью этих исследователей помимо прямого изучения пуш-

кинского наследия было доказать преемственность прогрессивных идей, «непрерывность предания», по счастливому выражению Герцена. Вольнолюбивые стихи Пушкина давали для этого чрезвычайно благодарный материал; условия же ожесточенной полемики с теми, кто считал Пушкина «человеком, чуждым современным убеждениям» (слова Чернышевского)¹⁹ заставляли иной раз даже преувеличивать революционность поэта.

В целом взгляд Якушкина на Пушкина, трактовка его поэзии и личности в большой мере близки к сегодняшним.

Нельзя обойти молчанием интересное издание Ярославского губернского статистического комитета, в котором несомненное, и вероятно руководящее, участие принимал Евгений Иванович Якушкин.

В 1899 г., в дни юбилейных пушкинских торжеств, в Ярославле вышла книга, называвшаяся «А. С. Пушкин в сельском населении и школе Ярославской губернии».²⁰ Изданию этой интереснейшей книги, кстати сказать весьма мало известной, предшествовало серьезное исследование, как мы сказали бы теперь социологическое, по выявлению различного рода фактических данных, проливающих свет на избранную тему. Статистическим комитетом (вспомним, что Якушкин и в эти годы продолжал оставаться «душою всех его начинаний», как писал о нем Тихомиров) была разработана и разослана учителям всех начальных школ в губернии анкета, которая содержала следующие вопросы.

1. Имеются ли при училище сочинения Пушкина, какие именно и в скольких экземплярах? Рекомендуются ли они для чтения ученикам?
2. Спрашивают ли сами ученики сочинения Пушкина и какие именно?
3. Насколько удовлетворительно представлены сочинения поэта в школьных учебных пособиях и какие из них чаще всего читаются в классе?
4. Какие из прочитанных сочинений наиболее нравятся и запоминаются?
5. Сообщаются ли ученикам краткие сведения о русских писателях вообще и о Пушкине в частности? (В программах начальных школ это не было преду-

смотрено; речь шла об инициативе самих учителей. — Л. Р.).

6. Нет ли вблизи училища библиотеки, и дает ли кто-либо взрослому населению сочинения Пушкина, какие именно и как часто?

7. Приобретают ли крестьяне сочинения Пушкина?

8. Поются ли в народе песни на слова Пушкина?

9. Не приходилось ли слышать мнение крестьян о прочитанных ими произведениях Пушкина? Каковы эти мнения?

Анкета была разослана почти полутора тысячам учителей, из которых 95% прислали ответы. Обработка данных позволила сделать весьма интересные выводы. Оказалось, что почти половина взрослого населения губернии вообще не слыхала имени Пушкина. Вместе с тем выяснилось, что ярославские крестьяне повсеместно поют песни на слова Пушкина, не зная их автора. Среди этих песен первое место занимает «Утопленник», затем идут «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Черная шаль», «Талисман», «Песнь о вещем Олеге» и, что всего удивительнее, — «Я помню чудное мгновенье» и «Анчар». Все эти песни поются, как сказано в исследовании, «на деревенских беседах и хороводах». Большинство из них проникает в крестьянскую массу через детей, учащихся в школе. Что же касается самих школьников, то они, по мнению (почти единодушному) сельских учителей, предпочитают, во-первых, сказки и, во-вторых, произведения исторической тематики: «Капитанскую дочку», «Полтавский бой», вступление к «Медному всаднику» и, разумеется, ту же «Песнь о вещем Олеге». Не следует, однако, забывать, что большая часть этих школьников — мальчики и что поэтому естественно их тяготение к батальной тематике. Огромное впечатление на всех крестьянских детей производит «Утопленник» — об этом свидетельствуют сообщения почти всех учителей.

Данные исследования позволили сделать вывод о «зарождающемся проникновении Пушкина в крестьянскую массу, о первых проблесках сознательного отношения в части народа к его произведениям, о зачатках любви ее к своему поэту». «Все, что сделано до сих пор в смысле приобретения населением знакомства с произведениями поэта, — пишут ярославские

исследователи, — сделано самим народом и отчасти его ближайшим другом, незаметным героем — сельским учителем». ²¹ Они всячески подчеркивают, что в этом деле государство фактически не участвует; все делается силами местной интеллигенции. Чрезвычайно грустную картину представляли школьные библиотеки. Во всех начальных школах такой большой и развитой губернии, как Ярославская, имелось, например, всего 150 экземпляров «Капитанской дочки», 118 — «Полтавы», 32 — «Онегина», 35 — «Медного всадника», около десятка экземпляров Полного собрания сочинений Пушкина. И это — на несколько десятков тысяч учащихся.

Авторы исследования обращаются к русской общественности, так как обращаться к правительству было бесполезно. Речь идет прежде всего о необходимости дешевых изданий Пушкина, доступных по цене трудящейся массе, и снабжении ими сельских и городских народных училищ. Далее речь идет о необходимости «помочь школьному учителю в его несомненных стремлениях усвоить ученикам достойный взгляд на Пушкина. Для этого ближайший путь — обратить внимание учителей на все значение Пушкина не только как художника слова, но и как одного из важнейших источников народного развития и воспитания. Все остальное сделает уже сам Пушкин». ²² Это высказывание вышло, без сомнения, из окружения Якушкина. Оно почти дословно повторяет соответствующее место из знаменитой речи В. Е. Якушкина об общественных взглядах Пушкина. Возможно, что оно и принадлежит ему. Ведь как раз в это время Вячеслав Евгеньевич жил в Ярославле, высланный туда под надзор полиции. Следует также отметить, что авторы ярославского исследования подобно Якушкину видели причину слабого знакомства народа с Пушкиным в тяжелом экономическом положении. Народ, задавленный нуждой, в большей своей части неграмотный или малограмотный, был лишен возможности приобщаться к великим достижениям отечественной культуры. Но те из крестьян, которым все-таки довелось прочитать произведения Пушкина, по-своему поняли и прочувствовали их и признали их автора «своим». Уже одно то, что песни на слова Пушкина пелись народом, говорит об этом красноречивее любых теоретических построений.

Следует еще отметить, что Ярославская губерния находилась в сравнительно благоприятном положении. По числу грамотных крестьян она занимала в конце XIX в. (т. е. как раз ко времени проведения этого исследования) первое место среди губерний Европейской России (исключая Прибалтику). Большинство мужского населения губернии занималось отхожими промыслами, колесило по всей России, и это не могло не расширить его умственный и политический кругозор. Тем не менее данные обследования, проведенного Ярославским статистическим комитетом, приводили к выводам, весьма неутешительным. Невольно напрашивалось сравнение с другими губерниями России, где положение было во много раз хуже. Исследование Ярославского губернского статистического комитета не имеет себе равных. Данные, собранные ярославцами, в высшей степени представительны, а выводы очень остры и интересны. Надо сказать, что в годовщину рождения Пушкина нечто подобное предприняла газета «Сельский вестник», обратившаяся к своим читателям с просьбой ответить, насколько известно в народе имя Пушкина и его сочинения. Газета получила от читателей около тысячи писем (ничтожное количество, если учесть, что ярославцы собрали в своей губернии около полутора тысяч ответов), а опубликовала около ста, не сделав притом по-настоящему интересных выводов. Оно и понятно. На вопрос «Сельского вестника» отвечали, естественно, сельские грамотеи, выписывавшие газету, принадлежавшие в подавляющем большинстве к богатым, во всяком случае весьма зажиточным, крестьянам. Никак нельзя согласиться с мнением Б. С. Мейлаха, считающего, что обращение «Сельского вестника» нашло «широкий отклик». ²³ Для многомиллионной крестьянской России тысяча писем — это, конечно, капля в море. Очевидно, методика, избранная ярославцами, — собиране сведений через сельских учителей и вообще сельскую интеллигенцию — в тех условиях могла дать и дала гораздо более важные и интересные сведения. К сожалению, издание Ярославского статистического комитета принадлежит к забытым и является ныне библиографической редкостью.

Совсем молодым человеком, вероятно еще в студенческие годы, на свои небольшие средства Евгений Иванович начал собирать библиотеку. В наследство от отца ему досталось неплохое, хоть и не очень значительное по количеству собрание книг, состоявшее преимущественно из французских изданий конца XVIII — начала XIX в. Эту коллекцию молодой Якушкин хранил отдельно; сам же он собирал в основном русские книги и журналы. Много лет спустя Е. И. Якушкин писал П. А. Ефремову о своем старшем сыне: «Что из него выйдет, я не знаю, но во всяком случае выйдет великий библиофил. Такова уж наша порода».¹

Оживление историко-литературной науки, текстологии и библиографии, наблюдавшееся в России с начала 50-х гг. XIX в., было непосредственно связано с расцветом библиофильства как общественного явления. В России в это время существовало два типа частных библиотек. Первые — частные публичные библиотеки, или «библиотеки для чтения», как их тогда называли, были, как правило, коммерческими предприятиями; вторые — личные библиотеки книголюбов — были достоянием состоятельных людей.

Начиная примерно с середины 50-х гг. с этими, как правило, наследственными дворянскими собраниями начинают успешно соперничать библиотеки книголюбов-разночинцев, таких как А. Н. Афанасьев, В. И. Касаткин, П. А. Ефремов, М. Л. Михайлов и др. То же можно сказать и о библиотеке Якушкина, который по своему общественному положению был близок к разночинцам. Среди книжных собраний библиофилов тех лет были чрезвычайно значительные и составленные с большим вкусом и умением. Кроме названных выше это библиотеки Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгинова, М. П. Полуденского. Громадную научно-культурную роль продолжали в это время играть и книжные собрания людей старшего поколения — С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого, П. Я. Чаадаева. Все эти библиотеки были открыты для любого исследователя русской литературы, культуры, общественной мысли. «Единственный способ

библиофильствовать с успехом, — писал друг Пушкина Соболевский, — помогать друг другу, пользоваться обстоятельствами и помнить о пользе других». ² Это мнение разделялось всеми книголюбями.

Понятие «библиофил» было в то время гораздо более емким, чем теперь. Библиофильство начала и середины прошлого века сыграло особую роль, еще не оцененную по достоинству историками культуры. В самые мрачные николаевские времена в частных домах, в дворянских усадьбах собирались, росли богатейшие библиотеки, сокровищницы национальной культуры. Их владельцы, как правило, не просто собирали книги, они изучали их, систематизировали, описывали, извлекали из них множество любопытных фактов истории словесности и просвещения; они подготовили почву для того расцвета науки о книге, который произошел сразу после падения николаевского режима.

Русские библиофилы той поры составляли как бы негласное братство. Все они были знакомы между собой, постоянно обменивались находками и открытиями, книгами и фактами. Книжные собрания того времени выполняли и функции научных библиотек. Подготавливавшиеся к печати труды давались для прочтения и редактуры более старшим и опытным коллегам. Переписка и дневники библиофилов тех лет (к сожалению, почти совсем неопубликованные) дают множество примеров сотрудничества подобного рода.

Старшее поколение, поколение Пушкина и декабристов, посетители блистательной культуры александровской поры — Соболевский, Полторацкий, Чаадаев встретились в библиофильстве со вторым поколением книголюбов, родившихся уже после 1825 г., — Якушкиным, Афанасьевым, Полуденским, Касаткиным, Михайловым, Геннадием, Лонгиновым. Факел культуры передавался в надежные руки. Разумеется, среди библиофилов были люди различных политических убеждений. В особенности это относится к младшему поколению. Тем не менее библиофильство было той областью, где сходились интересы всех этих, столь различных порою, людей. Оно объединяло их как лиц заинтересованных в сохранении отечественной культуры. Бросается в глаза то обстоятельство, что среди

библиофилов, сформировавшихся в 50-е гг. XIX в., много людей прогрессивных, даже радикальных убеждений. Библиофильство было для них не только культурным делом, но и общественным служением. Библиофилы того времени обогатили отечественные книгохранилища целым рядом ценнейших, принесенных в дар изданий, стремясь сделать их достоянием всех читателей. Они были и организаторами небольших общественных библиотек, составленных из подаренных ими книг и периодических изданий. Именно из среды прогрессивно настроенных библиофилов вербовались корреспонденты «Полярной звезды» и «Исторических сборников Вольной русской типографии». И это относится не только к тем идейным последователям Герцена, которые составляли его партию в России, но и к тем библиофилам, которые, не разделяя политическую платформу вольной печати, пользовались ее страницами для опубликования важных документов по истории отечественной культуры. Руководители Вольной типографии очень высоко оценивали сотрудничество этих людей, прекрасно понимая, что доставляемые ими материалы объективно служат делу освободительной борьбы.

В предисловии к сборнику «Русская подпольная литература» (Лондон, 1861) Н. П. Огарев, принося читателям извинения в «неполноте и ошибочности рукописи», замечает, что это обстоятельство «заставляет нас просить наших почтенных библиофилов присылать нам поправки и пополнять пропуски». «Если наши библиофилы, — пишет он далее, — помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития». ³ Эти призывы имели под собой серьезное основание и нашли отклик в среде библиофилов, даже политически умеренных, оценивших возможности вольной печати для сохранения важных памятников отечественной истории, которые нельзя было обнаружить в подцензурной русской печати.

Если библиофильство николаевского времени было одной из форм протеста против оказывавания мысли и культуры, то библиофильство второй половины

XIX в. кроме функции сохранения культурных ценностей и их изучения взяло на себя и функцию их публикации, что делало его еще более общественно значимым.

В середине XIX в. возникает некий феномен в истории отечественного книгособирательства: тип библиофила-исследователя. Ни до, ни после этого не только в России, но и в Европе не соединялись вкупе и в таком числе замечательные знатоки книги, заметно двинувшие вперед науку о литературе. Как черту, присущую именно русскому библиофильству, отмечал эту особенность знаменитый французский библиограф Ж. М. Керар. В статье о Полторацком он с некоторым удивлением и большим уважением отмечает, что этот богатый русский барин «не только владелец книг; он отличается от других библиофилов тем, что старается как можно больше узнать о книгах. Чтение их заставляет его братья за перо; его исследования касаются именно книг и их авторов». ⁴ Еще более ощутимо проявилась эта черта у книжников следующего поколения, к которому принадлежал и Якушкин.

Нет сомнения в том, что русское библиофильство было колыбелью истории литературы как науки. Все значительные исследователи в этой области, сформировавшиеся в 50-е гг. (т. е. именно тогда, когда история литературы становилась на академические рельсы), вышли из школы библиофильства: Ефремов, Афанасьев, Майков, Тихонравов, Пекарский и др. Все они были владельцами превосходных книжных собраний, позволившим им, если можно так выразиться, изучать книгу «живьем».

В сущности собрания книголюбов того времени выполняли и функции научных библиотек, которых тогда в России фактически еще не было (если не считать Библиотеки Академии наук в Петербурге), а потребность в них уже властно заявляла о себе. Поэтому особенно существенной чертой была доступность этих библиотек для любого исследователя книги, литературы, культуры. «Я давал книги всем любознательным по их желанию и запросу, — писал С. Д. Полторацкий А. А. Вяземскому в 1869 г., — книжные полки мои были им беспрепятственно доступны. Смотрели, поглядывали, пощупывали, брали что угодно при мне,

когда я дома, или без меня, когда я отлучался. Все это сделано мною вследствие правила — книги существуют для того, чтобы ими пользовались. Какой прок иметь книги и держать их под спудом и недоступными для других? Пусть ими пользуются. Ну, пропадет десяток-другой, зато сотни книг будут читаны, принесут пользу или удовольствие и таким образом выполнят свое назначение». ⁵ Такого же правила придерживался и Якушкин.

Примерно в середине XIX в. начинают формироваться специализированные библиофильские собрания, отражавшие круг научных интересов их хозяев и являвшиеся серьезным подспорьем в их исследовательской работе. Таковы были библиотеки В. И. Касаткина (книги и рукописи по истории масонства), поэта-революционера М. Л. Михайлова (русская книга XVIII в., столь любовно им описанная в статье «Старые книги»), А. Н. Афанасьева (книга и периодика XVIII в.) и мн. др. Как правило, эти библиотеки вначале были собраниями универсального характера и лишь со временем приобретали специальный профиль. Примерно такую эволюцию прошло и книжное собрание Е. И. Якушкина. Вначале молодой библиофил приобретал просто интересные русские книги по довольно широкой программе (гуманитарные науки вообще и художественная литература, включая периодические издания). В те годы книги были относительно недороги, и их можно было приобрести на Смоленском рынке и у Сухаревой башни у торговавших там букинистов. Когда Евгений Иванович уехал в Ярославль, его друг, такой же страстный библиофил, Александр Афанасьев одно из своих писем к нему закончил восклицанием: «Иду под Сухареву башню!» и объяснил: «Последнюю прибавку делаю, во-первых, чтобы подразнить тебя, и, во-вторых, чтобы доставить удовольствие Елене Густавовне, которая конечно должна быть довольна Ярославлем, потому что в нем нет Сухаревой башни». ⁶ И Афанасьев, и Якушкин приобретали книги зачастую в ущерб семейному бюджету, ибо лишних денег у них никогда не было. Ярославль тоже не спас семью от покупок книг. Так, из писем Афанасьева мы узнаем и о книжных приобретениях Якушкина в Ярославле, порою весьма дорогостоящих. «Говоря о книжной торговле, — пишет он

другу, — ты упомянул о „Пустомеле“, но не прибавил из скольких месяцев состоит приобретенный тобою экземпляр? Сличи-ка твою находку с описанием экземпляра, который был в моих руках (см. в конце книги «Рус[ские] сатир[ические] журналы»), и уведоми меня. Может, журнал этот состоит и более, нежели из 2-х выпусков, тогда находка для библиографов будет не лишена интереса». ⁷ Напомним, что этот журнал XVIII в. был большой библиографической редкостью, предметом поисков многих библиофилов. Евгений Иванович постоянно наезжал и в Москву, а когда старший сын его Вячеслав поступил в Московский университет, отец с удовольствием сообщал Ефремову: «Теперь я намерен приобретать через него книги у Сухаревой башни и на Смоленском рынке». ⁸ В 1874 г. в письме к тому же корреспонденту он шутил, что страсть к книгам «перешла с годами в непохвальную жадность, с трудом сдерживаемую». ⁹ А за два года до смерти он пишет: «Библиотека моя все растет и начинает меня сильно стеснять. Я должен нанимать для нее большую квартиру, хотя часть книг мне все же некуда ставить». ¹⁰ Однако Евгений Иванович при всей его «жадности» к книгам принадлежал к такому роду библиофилов, для которых библиотека была не коллекцией редкостей, а живым подвижным собранием, которым он сам пользовался для научной работы и давал пользоваться другим. Постепенно в ней выкристаллизовывалось центральное ядро — книги по юридическим вопросам, этнографии и обычному праву, т. е. по тем отраслям знания, в которых он был крупнейшим специалистом. Продолжали оставаться первоклассными и разделы русской периодики. Довольно большое количество редких книг, приобретенных им в молодые годы, Евгений Иванович щедро раздаривал. «Редкость книг, — пишет он, — меня не привлекает, и я собираюсь все библиографические редкости, не имеющие другого назначения, передать в Румянцевский музей, в том числе 12 иностранных сочинений о России, не указанных в каталоге Публичной библиотеки». ¹¹ И действительно, Евгений Иванович пожертвовал в библиотеку Румянцевского музея (ныне Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина) большое количество не только ценнейших изданий, но и рукописей. Поистине царские подарки получали от

него и другие учреждения. Так, рукопись «Записок о Пушкине» И. И. Пущина он подарил библиотеке Лицея. Все библиотеки, основанные им в Ярославле, получили от него в дар сотни книг. Перед смертью он передал все местные издания и ряд рукописей Ярославской ученой архивной комиссии. Таких примеров можно было бы привести множество.

Книжное собрание Евгения Ивановича было широко известно далеко за пределами Ярославской губернии. Г. Н. Геннади — сам выдающийся библиофил того времени — в своем «Указателе библиотек в России», напечатанном в 1864 г., характеризует библиотеку Якушкина как «собрание журналов, полное собрание альманахов, книг по истории России и этнографии». ¹² А ведь это было еще на раннем этапе существования якушкинской коллекции. Позже, в 1873 г., тот же Геннади, собиравший сведения по истории русских периодических изданий, обратился со страниц «Русского архива» ко всем библиографам России с вопросом: «У кого в России значительнейшие собрания русских журналов?». На этот вопрос его коллега К. Н. Бестужев-Рюмин, не колеблясь, отвечал: «Лучшая библиотека журналов у Е. И. Якушкина в Ярославле». ¹³ Уже после смерти Евгения Ивановича известный исследователь отечественного библиофильства У. Г. Иваск в своей работе «Частные библиотеки в России» писал о собрании Якушкина: «Библиотека находилась в Ярославле и заключала в себе до 15 тысяч томов по русской истории, этнографии, обычному праву, собрание альманахов и пр. Часть книг досталась Якушкину от его отца, декабриста И. Д. Якушкина. По смерти владельца, библиотека (кроме части, пожертвованной еще ранее Московскому публичному и Румянцевскому музеям) перешла к его сыну, В. Е. Якушкину». ¹⁴ Однако тот же Иваск, характеризуя библиотеку Вячеслава Евгеньевича, пишет: «Свою библиотеку и перешедшую к нему библиотеку своего отца, Е. И. Якушкина, всего до 10 тысяч названий книг по русской истории, обычному праву и литературе, он пожертвовал Московскому народному университету имени Шанявского с тем, чтобы в случае прекращения деятельности университета библиотека была передана Московским высшим женским курсам». Эти цифры вызывают некоторое сомнение.

Если у Евгения Ивановича было 15 000 книг, то сколько же из них досталось Вячеславу Евгеньевичу, если у него вместе со своей, тоже немалой библиотекой оказалось всего 10 000? Куда девались тысячи книг? Правда, в ярославской газете «Северный край» после смерти Е. И. Якушкина промелькнуло сообщение о том, что часть книг — «целый вагон» он отправил в имение дочери в Костромскую губернию,¹⁵ но никаких подтверждений этому в литературе найти не удалось. Помещение Народного университета им. Шанявского после Октябрьской революции было передано Институту красной профессуры (вместе с библиотекой), а затем — Высшей партийной школе. Небольшие разрозненные остатки библиотек Евгения и Вячеслава Якушкиных теперь находятся в составе библиотеки ВПШ, но по ним уже невозможно судить о том, что представляли собой эти собрания.

Таким образом, библиотека, всю жизнь любовно собиравшаяся Евгением Ивановичем Якушкиным, библиотека, слава которой пережила ее владельца, — в сущности погибла для русской культуры, разделив судьбу многих собраний его товарищей по библиофильству. Так, собрание А. Н. Афанасьева было продано вразброд еще при жизни владельца, когда он был уволен со службы и сильно бедствовал. Громадная библиотека П. А. Ефремова была предложена его вдовой Пушкинскому дому, но по недостатку средств им была приобретена лишь часть, а остальные разошлись по рукам. Библиотека М. П. Полуденского, собиравшаяся несколькими поколениями книголюбов, была после его смерти продана его сестрой с публичного торга. Книги и гравюры, принадлежавшие Г. Н. Геннади, были проданы букинистам. Библиотека М. Л. Михайлова стинула без следа. Одно лишь собрание книг М. Н. Лонгинова (правда, тоже не в полном составе) дошло до наших дней благодаря благородному поступку его дочери, безвозмездно передавшей его Пушкинскому дому.

Мы уже говорили о том, что в течение многих лет, даже десятилетий, якушкинская библиотека была единственной научной библиотекой в Ярославле. Она была открыта для всех желающих. Близко знавший Якушкина Тихомиров писал, что книги давались всем без всяких залогов, притом авторитет Якушкина в го-

роде был таков, что ни одна книга у него не пропала. Несколько поколений юношей из необеспеченных семей приобщались к серьезному чтению благодаря библиотеке Якушкина.

На базе этого замечательного собрания был создан и библиографический труд Якушкина «Обычное право», над созданием которого он работал более трех десятилетий.

Что же такое обычное право и почему именно эта тема привлекала внимание Е. И. Якушкина?

Обычное право — область, находящаяся на стыке этнографии и юридических наук. В ее компетенцию входят вопросы семьи и брака, быта и правов, форм землевладения, установившихся у народа, народных юридических понятий и обычаев. Почему же Якушкин обращается к этому вопросу? Для выяснения этого нужно отчетливо представить себе круг теоретических проблем, интересовавших последователей Герцена и его «русского социализма».

Вспомним Герцена: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука».¹⁶

Русские народники 70-х гг. в своих воззрениях опирались вслед за Герценом на общину и обычное право народа. Они также полагали, что самоуправление русских общин удовлетворяет насущную потребность в децентрализации и приближает этим общину к типу свободной самоуправляющейся коммуны. Народники считали русского крестьянина коммунистом по инстинкту. Естественно, что при этом вопросы быта, нравов, юридических понятий народа приобретали громадное значение. «Не зная народа, — говорил Герцен, — можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, но освобождать нельзя».¹⁷ Особенно важным он считал верное представление о самом быте народа.

Следует отметить, что этнографическому изучению русского народа придавал большое значение весь революционно-демократический лагерь. Требования к этнографии как особо важной области общественных наук

были сформулированы Добролюбовым в его рецензии на сборник русских народных сказок А. Н. Афанасьева и А. Н. Пыпиным в рецензии на 5-й выпуск «Этнографического сборника». «Область этнографии весьма обширна, — писал он, — в нее входит не только то, чем собственно и ограничивалась обычно наша этнография: сказки, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т. п., то есть не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная, общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах нашей цивилизации».¹⁸ Здесь автор прозорливо отметил поворот от «археологии» к современности, который только-только намечался в русской этнографической науке 60-х гг. Уже с начала следующего десятилетия развитие этнографии в России вступает в новый этап. Если в 50—60-е гг. преобладающим было изучение фольклора и мифологии, то в 70—80-е гг. интерес переместился в сторону изучения общественной жизни народа, семьи, общины, народного обычного права.

Рост революционного народничества, хождение в народ, с одной стороны, введение нового сельского самоуправления, новых судов — с другой — все это ставило вопросы народного обычного права на первое место среди всех проблем этнографии как общественной науки. В это время вопросы народного обычного права из области теоретических интересов перешли в область практической политики и общественной борьбы.

Евгений Иванович Якушкин был одним из первых исследователей, откликнувшихся на эту насущную потребность русского общества. В конце 60-х гг. он приступает к созданию своего капитального труда «Обычное право», выполненного в форме библиографического указателя.* Почему Якушкин избрал именно эту форму для пропаганды своих идей? Тому,

* Обычное право : Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. 1; Ярославль, 1896. Вып. 2; М., 1908. Вып. 3; М., 1909. Вып. 4; 2-е изд. М., 1910. Вып. 1; Обычное право русских инородцев: Материалы для библиографии обычного права // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. 3 (190). Имеется отд. оттиск (М., 1899).

С 656-420
-9492

Сред. Б-ка

кп 1947

П

Е. И. Якушкинъ.

185-120
1402

ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Издано 2-е исправленное и дополненное.

МОСКВА—1910.

Издательство этнографов А. И. Манюкова.
Александровский пер., 3-5

Е. И. Якушкин. «Обычное право».
Выпуск первый, издание второе. Титульный лист.

думается, были две причины: политическая и чисто научная. Первая основывалась на относительно благоприятном в цензурном отношении положении, в котором находились библиографические труды, в особенности научно-вспомогательные. К ним цензура не так придиралась, как к статьям и книгам, полагая, что они рассчитаны на узкий круг исследователей. Даже к библиографическим работам, предназначенным для самообразования, цензура была более или менее снисходительна. Очень показательна в этом отношении судьба вышедшего несколькими десятилетиями позже известного труда Н. А. Рубакина «Среди книг», о котором сотрудник черносотенного «Нового времени» отзывался следующим образом: «Много забот правительству дают эти социал-библиографы... Все они хитры, как талейраны: пишут библиографию, не придерешься. Нельзя же запрещать библиографию: тогда Французская академия что скажет. Изумятся англичане, возмутится Берлин. Ни для Петропавловской, ни для Шлиссельбургской крепости библиография недосыгаема».¹⁹ То, что Якушкин сказал в своем «Обычном праве» в «невинной» форме библиографического справочника, ему никогда не удалось бы провести сквозь цензурные рогатки, будь это книга или статья. Но дело было не только в этом. Хорошо, со знанием дела составленная библиография является итогом достигнутого в данной области и руководством для дальнейших исследований, намечающим пути развития и указывающим на самые важные темы, нуждающиеся в разработке. Это возможно, разумеется, только в том идеальном случае, если автор библиографии является крупным специалистом в этой области. Якушкин был одним из виднейших знатоков обычного права, и его библиографический указатель сыграл решающую роль в дальнейшем развитии этой области знания. Об этом свидетельствуют многочисленные отклики в печати, которыми сопровождался выход в свет каждого из четырех выпусков «Обычного права».

Первый выпуск «Обычного права» был издан в Ярославле в 1875 г. Якушкин включил в него сведения о 1542 книгах и статьях из журналов и газет, т. е. практически всю литературу вопроса, изданную до 1875 г. Свой указатель Якушкин снабдил предисловием, имеющим самостоятельное научное значение.

В нем он излагает основные положения обычного права, рассказывает о народных юридических и нравственных представлениях, выступая при этом с позиций убежденного атеиста и врага церковных установлений. В своем предисловии Якушкин настойчиво подчеркивает неизбежность и закономерность исторической борьбы между учением православной церкви и народными обычаями и представлениями о нравственности. Недаром именно предисловие к «Обычному праву» заинтересовало не только исследователей, но и широкий круг прогрессивной общественности.

В январе 1876 г. Е. И. Якушкин получил письмо из Ниццы от М. Е. Салтыкова-Щедрина, который писал ему: «Вычитал я, что Вы книжку об обычном праве издали — вот бы обязали, ежели бы выслали; я бы Вам в мае все сочинения свои прислал за это, ибо я хоть умирать, но в мае в Россию приеду».²⁰ Якушкин посылает Салтыкову указатель, и в ответ приходит второе письмо: «Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за письмо и за книгу. Но с книгой случилось происшествие. Я с величайшим интересом начал читать вашу статью и прочитал до XXXII стр., но тут случилось препятствие. Переплетчик повторил двукратно XXV—XXXII стр. в присланном экземпляре, а в другом каком-нибудь, вероятно, вшил два раза XXXIII—XXXX стр., которых у меня нет: так я и не мог ничего узнать о народных взглядах на преступление».²¹

А изложение этих взглядов Якушкиным действительно заслуживает внимания. «Совершенно другое отношение, — пишет он, — имеет народ к содержащимся в тюрьмах и осужденным в ссылку. Не чувство отвращения или презрения внушают они ему, но чувство глубокой жалости. Взгляд на преступника как на жертву обстоятельств распространен повсеместно в народе. Этот взгляд, исполненный глубокой справедливости, делает возможною жизнь тем преступникам, которые из острогов и арестантских рот возвращаются в свои общества. На образование его, вероятно, имели большое влияние недостатки суда и тягость крепостного права, в силу которого остроги наполнялись людьми, ссылаемыми в Сибирь по воле помещиков».

Достоевский, познакомившийся с Евгением Ивановичем в Сибири и, вероятно, следивший за его лите-

ратурно-научной деятельностью, отметил в своей записной тетради сразу после выхода в свет труда Якушкина: «Не забыть нужные книги: „Обычное право“, книга Якушкина». Можно себе представить, с каким чувством читал писатель предисловие к этой работе. Многие заветные его мысли, в частности изложенный им в «Записках из мертвого дома» взгляд простого народа на преступников, томящихся в острогах, Евгений Иванович не просто разделял, но на множестве примеров доказал как ученый. Эта книга значится в описании библиотеки Достоевского. Нет сомнения в том, что он ее внимательно читал.²²

Русская научная общественность высоко оценила труд Якушкина. Известный ученый-историк, юрист и этнограф Н. В. Калачов посвятил «Обычному праву» специальное выступление на заседании Русского географического общества. Он назвал издание этого указателя «весьма важным и знаменательным событием».²³ Как раз в это время (начало 1876 г.) при отделении этнографии Русского географического общества начала действовать особая Комиссия о народных юридических обычаях, во главе которой стал тот же Калачов. Естественно, что работа Якушкина, подводящая итог всему сделанному и намечавшая пути и перспективы развития обычного права как науки, была для членов комиссии, так же как и для русских этнографов и юристов в целом, неоценимым пособием. Любопытно, что ни один из московских или петербургских исследователей, профессионально занимавшихся этим вопросом, не взялся за составление такого указателя, хотя в условиях столиц это было сделать несравненно легче. Нужны были энергия, трудолюбие, преданность делу, свойственные Якушкину, чтобы решиться на подобный подвиг. Ведь для того чтобы собрать всю эту литературу, надо было пересмотреть сотни комплектов (тысячи номеров) периодических изданий, в том числе и провинциальных, на страницах которых публиковались статьи и заметки, посвященные народному обычному праву, и не только просматривать, но и прочитать, ибо в «Обычном праве» почти каждая библиографическая запись сопровождается аннотацией, раскрывающей содержание книг и статей, вплоть до самых мелких заметок. «Я был поражен обилием указаний на статьи, похороненные в самых

малоизвестных изданиях», — писал Якушкину историк литературы и библиограф Л. Н. Майков.²⁴

Везде, где только было возможно, Якушкин указывал и рецензии на включенные в указатель книги. Короче говоря, он должен был найти и систематизировать полторы тысячи книг и статей, рассказать о них, снабдить указатель целой серией «ключей», проанализировать в предисловии основные идеи, высказанные авторами и указать на те вопросы, которые нуждаются в исследовании.

В предисловии к первому выпуску «Обычного права» Якушкин пишет о тяжелых условиях, «в которые поставлена в провинциальном городе всякая библиографическая работа». И действительно, если бы не богатейшая библиотека Якушкина, ему не на что было бы опереться.

В 1884 г. Е. И. Якушкин выходит в отставку и полностью отдается научной деятельности. Совершенствуется и методика его библиографического труда. Второй выпуск «Обычного права», вышедший в 1896 г., представляет собой работу новаторскую во всех отношениях. Прежде всего Якушкин вместо кратких аннотаций, которыми был снабжен первый выпуск, применяет обширные рефераты, способные заменить чтение оригинала. Этот метод (который, заметим кстати, только теперь начинает применяться по-настоящему в научно-вспомогательной гуманитарной библиографии) значительно облегчает работу исследователя. Якушкин как нельзя лучше понимал это. Сама специфика литературы по обычному народному праву, обилие мелкого по объему, но не по значимости материала, рассыпанного по многочисленным, порою труднодоступным источникам, требовала от библиографа такой подачи материала, такого его раскрытия, который избавил бы ученых от громадной черновой работы. И вот Евгений Иванович берется за колоссальный труд: прочесть все и изложить содержание прочитанного с такой полнотой, чтобы, как писал его сын в предисловии к третьему выпуску, «обратить библиографию в своего рода хрестоматию по обычному праву».²⁵ Наиболее подробными рефератами снабжались, во-первых, труднодоступные издания и, во-вторых, особенно важные труды. Рефераты, составленные Якушкиным, могли с успехом заменить чтение самих статей. Кроме

того, благодаря исключительно четкой и лаконичной манере изложения рефераты были зачастую более насыщены информацией, чем оригиналы. Сам крупнейший специалист вопроса, Якушкин в некоторых случаях исправлял и дополнял авторов, полемизировал с ними. Всего второй выпуск включил 2389 библиографических записей.

Реферативная библиография была в те годы в России совершеннейшей новостью, а в гуманитарных науках тем более. Поэтому Якушкину приходилось объяснять даже самым передовым ученым необходимость этого метода. Большой интерес представляет его переписка с А. Н. Пыпиным, ученым глубоким и вдумчивым и человеком прогрессивных убеждений. Сообщая Пыпину о том, что вопросы землевладения он выделит в отдельный том, Евгений Иванович пишет: «Эту часть, касающуюся вопросов, имеющих важное практическое значение, я принужден был выделить, так как она требует еще продолжительной работы. Мне придется еще просмотреть все земские статистические сборники и сделать из них подробное извлечение. Это я считаю совершенно необходимым, так как многие земские издания сделались библиографической редкостью, и вообще с каждым годом доставать земские издания становится все труднее и труднее. Библиография должна удовлетворять потребностям времени: малое распространение у нас книг, невозможность достать многие из них, даже для жителей университетских городов, ставит библиографу трудную задачу — указывать не только заглавие статей, но и подробно их содержание, делать из них извлечения и перепечатывать мелкие статьи. Указание одних заглавий и краткого содержания статей для провинциального читателя похоже на „ключ от брошенной в море шкапулки“». ²⁶ Это — просто поразительное заявление, далеко опережающее библиографическую практику эпохи. Но в переписке Якушкина и Пыпина имеется еще один сюжет, проливающий свет на отношение Евгения Ивановича к собратьям по науке. Узнав о том, что Пыпин в эти же годы работал над библиографическим указателем по вопросам этнографии (а эта область во многих местах пересекается с обычным правом), Якушкин предлагает ему использовать еще неопубликованную рукопись второго и третьего выпус-

ков своего труда. «Я был бы очень счастлив, — пишет он, — если моя работа могла бы Вам быть сколько-нибудь полезной». ²⁷ Пыпин был просто поражен такой широтой и щедростью. Принимая предложение Якушкина, он пишет: «Приношу Вам искреннейшую благодарность за желание помочь моему труду: подобного желания не встречал я еще ни разу в течение моей уже довольно многолетней работы, т. е. ни разу в такой широкой, дружественной, товарищеской форме». ²⁸

Новаторство Якушкина как библиографа проявилось еще и в том, что он в предисловиях к отдельным выпускам «Обычного права» дал обзоры основной литературы вопроса в связи с борьбой различных мнений и идей по вопросам народного обычного права. Читателю порою трудно было разобраться в полемике по узко специальным вопросам, и вот Якушкин берет на себя ответственную задачу помочь ему в этом и указать на действительно важные труды и мнения.

Выход в свет второго выпуска «Обычного права» вызвал еще более оживленные отклики, чем издание первого тома. Не было, пожалуй, ни одного серьезного журнала, который не поместил бы рецензию на эту работу. «Настоящий труд имеет великую цену для изучения народного быта, — писал рецензент «Вестника Европы». — Великая заслуга г. Якушкина состоит в том, что его книга не есть простой библиографический сборник, которые обыкновенно оставляют читателя беспомощным среди массы заглавий книг и статей, где ему самому приходится разобраться в их содержании, важном и неважном, нужном и ненужном. Г. Якушкин дает материал, первоначально уже обработанный. А именно: он перечитал сам приводимую им литературу, указывает вкратце содержание мелких статей и замечок и подробно отмечает содержание более обширных сочинений, а затем в конце книги резюмирует все эти данные в целом ряде указателей». ²⁹

Рецензент «Русского богатства» назвал указатель Якушкина «необходимой и незаменимой книгой». ³⁰ В таком же духе отзывались об этом труде и другие периодические издания. Самая обстоятельная рецензия была опубликована в «Этнографическом обозрении». Она написана известным этнографом Н. Н. Харузиным и представляет большой интерес с точки зрения тре-

бований, предъявлявшихся к библиографии научной общественностью. Автор пишет: «Давно ожидавшийся с нетерпением всеми интересующимися нашим обычным правом лицами 2-й выпуск замечательного труда нашего маститого знатока обычного права Е. И. Якушкина наконец вышел в свет. Русская этнографическая литература с появлением помянутого труда обогащается крайне ценным вкладом, равного которому давно уже не выпадало на долю одному из крупных отделов этнографии России. <...> Библиографическому труду своему автор предпосылает обширное предисловие, имеющее руководящее значение. В сжатом, но чрезвычайно ярком очерке Е. И. Якушкин набрасывает картину современного состояния изучения юридического быта народа, делает сводку взглядов разных исследователей на наиболее крупные и спорные вопросы русского обычного права и вводит читателя, так сказать, в курс дела. <...> Если вообще библиографические труды дают возможность определить, что следует еще сделать по пути исследования вопроса, подвести итог тому, что уже сделано, и позволяют сознательнее отнестись к предстоящим работам, то труд Е. И. Якушкина в этом отношении особенно важен оттого, что благодаря предисловию он должен вызвать снова к жизни интерес к изучению нашего народного обычного права».³¹

Самое заветное, однако, Якушкин приберет под конец. Это — вопросы крестьянского землевладения. Эти материалы составили третий и четвертый выпуски «Обычного права», над которыми Евгений Иванович работал до последних дней своей жизни. В качестве предисловия к этим выпускам он готовил серьезное исследование, которое, вероятно, должно было представлять собою нечто вроде итога всех его многолетних наблюдений и размышлений, но смерть прервала эту работу. В 1903 г. он пишет старому другу П. А. Ефремову: «Я все хвораю и понемногу теряю зрение, но, несмотря на это, занимаюсь очень много, готовлю большую работу о формах землевладения. Мне уже 77 лет, и я не знаю, успею ли эту работу кончить, но и веду ее так, чтобы и неоконченная она имела значение и не пропала бы даром».³²

Евгений Иванович умер в 1905 г. Последние выпуски «Обычного права» вышли посмертно (в 1908 и

1909 гг.). В предисловии к третьему выпуску сказано: «Издание библиографии сочинений по землевладению задержалось, Е. И. Якушкин не успел сам его напечатать. Его, убежденного сторонника земельной общины, особенно интересовал именно этот отдел, и он собирался составить подробное введение по народному земельному праву. Но это введение осталось ненаписанным, и библиография по землевладению издается теперь уже как посмертный, неокончательно отделанный труд составителя».³³

Приходится только сожалеть, что издатели не воспользовались хотя бы теми материалами, которые были собраны Евгением Ивановичем для предисловия. Но надо отметить и то, что время для выступления в печати по вопросам общины было не слишком благоприятным. Как известно, еще в ноябре 1906 г. был издан знаменитый указ о разрушении общины, и три года правительство вело войну за проведение его в жизнь. Тематика и направленность третьего и четвертого выпусков «Обычного права» шли вразрез со столыпинской аграрной политикой. Вместе с тем справедливость требует сказать, что взгляды Е. И. Якушкина на роль общины в русской жизни к тому времени были уже анахронизмом. В 60—70-е гг. они были вполне прогрессивными. Убеждение в том, что после революции все государственное устройство России будет покоиться на общинных принципах, характерно для всего русского просветительства и народничества. Известно, что утопические социалистические идеи в русском освободительном движении отличались необычайной устойчивостью. Ничего нет удивительного в том, что Е. И. Якушкин, мировоззрение которого сложилось в 60—70-е гг., был сторонником общинного землевладения и общинного самоуправления. Для своего времени он исповедовал самые передовые взгляды. Позже, на рубеже XIX и XX вв., когда в русском освободительном движении благодаря деятельности марксистов утопические взгляды были преодолены, Якушкин был уже слишком старым человеком, чтобы менять свои убеждения.

В аннотациях и рефератах, с виду вполне академичных и «безличных», Якушкин с поразительным умением и настойчивостью проводит свою политическую линию, линию убежденного последователя Гер-

цена. Вот образцы: «Тот же коллективизм, основанный на всеобщности труда и равенства в продукте, внес русский крестьянин и во все другие сферы экономической деятельности» (из реферата на статью П. А. Соколовского «Очерк истории сельской общины на Севере России»); в аннотации на лондонское издание труда Герцена «Русский народ и социализм» он отождествляет взгляды крестьян на личную и поземельную собственность со взглядами основоположника «русского социализма». Вся громадная масса книг и статей (третий и четвертый выпуски, посвященные вопросам землевладения, содержат 2136 названий, не считая рецензий) проаннотирована так, что общественная позиция автора проявляется вполне отчетливо. Но вместе с тем рецензенты отметили и объективность Якушкина, который собрал и раскрыл содержание трудов противников общины.

Еще при жизни Евгения Ивановича вышел в свет его библиографический труд, близко примыкающий по тематике к «Обычному праву». Это — «Обычное право русских инородцев» (1899). Издание этого труда имело большое политическое значение. Известно, каково было положение «инородцев» в царской России. Якушкин не мог, естественно, пройти мимо такого вопиющего явления, как национальное неравенство и угнетение. В частности, он «отстаивал евреев и вставал всегда на их сторону».³⁴ Он, убежденный атеист, был противником всяческих гонений на «иноверцев». Особенно много сделал Евгений Иванович для облегчения участи раскольников. Эта сторона его деятельности тесно связана с теми надеждами на активное участие раскольников в будущей крестьянской революции, которые разделялись всеми русскими народниками. Еще в «прокламационном плане» первой «Земли и воли» были предусмотрены три основные группы населения, к которым собиралась обратиться с воззваниями эта организация: крестьяне, студенты, раскольники. Известно письмо В. И. Кельсиева к Н. А. Серно-Соловьевичу, в котором он просит найти людей в Ярославле и других городах, способных наладить контакт с местными раскольниками.³⁵ В Поволжье было множество раскольничьих поселений. Тяжелое положение этой прослойки позволяло думать, что в среде раскольников революционная организация будет иметь поддержку.

С 656-420 Т Списки В-ка пр. 1905
Я 49. Е. И. Якушкинъ. С 656-420 Т
П

ОБЫЧНОЕ ПРАВО

РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА.

МОСКВА

Университетская типография, Страстной бульваръ.
1899.

Е. И. Якушкин. «Обычное право русских инородцев».
Титульный лист.

В статье «Старый мир и Россия» Герцен охарактеризовал основные движущие силы революции, среди которых видное место заняли раскольники, «число и моральная сила которых очень значительны и которые относятся к правительству с непримиримой ненавистью».³⁶

Вполне естественно то внимание к раскольникам, которое проявлял убежденный последователь Герцена Якушкин. Его отношение к ним, постоянная, неизменная защита их интересов, дружба и контакты со многими из них были хорошо известны и врагам, и друзьям Якушкина. Вот что писал уже упоминавшийся И. А. Тихомиров, безусловно разделявший убеждения Якушкина: «Он был на стороне раскольников, и чем больше их теснили, тем больше он старался делать все, что только мог, для облегчения их участи, входя из-за этого не раз в серьезные пререкания и размолвки и с местной, и с петербургской администрацией».³⁷

Издание «Обычного права русских инородцев» было вызовом мракобесам. Естественно, что прогрессивная печать живо откликнулась на выход в свет этого указателя, тем более что это был чуть ли не единственный библиографический труд, охватывающий весь комплекс юридических и нравственных представлений нерусского населения многонациональной Российской империи. Рецензии на «Обычное право русских инородцев» были опубликованы в «Этнографическом обозрении», «Историческом вестнике», «Вестнике Европы» и многих других журналах. Рецензент «Вестника Европы» А. Н. Пыпин писал: «В нашей научной литературе мало работ, исполненных с таким настойчивым трудолюбием, как „Обычное право русских инородцев“ г. Якушкина».³⁸ Известный этнограф А. Н. Максимов высказал разделяемое всеми его коллегами мнение, что «книга г. Якушкина несомненно представляет выдающееся явление в нашей литературе».³⁹

Итак, над вопросами обычного права русского народа и других народов, населяющих Россию, Евгений Иванович Якушкин работал больше тридцати лет. Результатом этого огромного труда явились пять томов превосходной библиографии, включившей сведения о 7265 названиях книг и статей, не считая многих сот рецензий. Вся эта масса литературы, большая часть

которой была рассыпана в сотнях номеров журналов и газет, была найдена, прочитана и оцепена Якушкиным. Каждый из выпусков его библиографии снабжен целой серией вспомогательных указателей, чрезвычайно важных при наведении всевозможного рода справок. Это — систематические, этнографические, географические, авторские «ключи». Указатели Якушкина до настоящего времени сохраняют значение ценнейших справочников.⁴⁰ Но как ни велико научное достоинство библиографических трудов Якушкина, их отличает еще одна черта, быть может, даже еще более драгоценная. Это — их публицистичность. И предисловия, в которых приводится обзор мнений и идейных споров по вопросам обычного права, и характер аннотаций и рефератов, и, наконец, сам выбор темы — все это ставит указатели Якушкина на одно из первых мест среди лучших образцов передовой, общественно значимой русской библиографии.

ЭПИЛОГ

В Москве, на Большой Пироговской улице находится Центральный государственный архив Октябрьской революции. Среди хранящихся в нем сокровищ — архив семьи Якушкиных. В нем 1330 единиц хранения. Львиную долю их составляют личные бумаги Евгения Ивановича и собранные им материалы. Поражает объемом переписки Е. И. Якушкина. Его знала, с ним искала контактов буквально вся мыслящая Россия. Среди его корреспондентов мы встречаем декабристов: И. А. Анненкова, Н. В. Басаргина, Г. С. Батенькова, А. А. Быстрицкого, П. С. Бобринцева-Пушкина, С. Г. Волконского, его сына и дочь, Ф. Н. Глинку, П. Х. Граббе, вдову декабриста А. В. Ентальцеву, Н. И. Лорера, М. И. Муравьева-Апостола, Е. П. Оболенского, А. И. Поджио, И. И. Пуципа, П. Н. Свистунова, С. П. Трубецкого, А. И. Тютчева, П. И. Фаленберга, вдову декабриста Н. Д. Фонвизину (Пуципу), Н. Р. Цебрикова, В. И. Штейнгейля, И. Д. Якушкина. Писали ему и многие известные ученые и библиографы второй половины XIX—начала XX в. Среди них: А. Н. Афанасьев, П. В. Анненков, И. К. Бабст, Н. П. Барсуков, П. И. Бартенев, В. В. Берви, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. П. Гаевский, П. А. Ефремов, К. Д. Кавелин, В. И. Касаткин, Л. Н. Майков, А. Н. Пышин, В. И. Семеvский, П. К. Симони, Ф. Г. Толль, Н. Н. и М. Н. Харузины, И. А. Шляпкин и мн. др.

В фонде Е. И. Якушкина хранятся письма к нему Ф. М. Достоеvского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Большой интерес представляют и письма сыновей великого русского актера М. С. Щепкина, с которыми были дружны Евгений Иванович и его сын Вячеслав. Но, может быть, всего ценнее для историка

русской общественной мысли неопубликованные письма к отцу Вячеслава Евгеньевича Якушкина. Они охватывают громадный период — с середины 70-х гг. XIX в. до 1905 г. и содержат массу интереснейших сведений по самым различным вопросам русской общественной и интеллектуальной жизни.

Кроме личной переписки в архиве Е. И. Якушкина хранится множество собранных им документов, преимущественно по истории декабристского движения. Это бумаги И. И. Пуципа, М. И. Муравьева-Апостола, М. А. Фонвизина, В. Ф. Раевского, К. Ф. Рылеева, В. И. Штейнгейля и мн. др. Большой интерес представляет переписка Евгения Ивановича по вопросам создания фонда для пуждающихся декабристов.

В архиве Е. И. Якушкина хранится личный фонд бумаг А. Н. Афанасьева, поступивший к Евгению Ивановичу после смерти друга. Среди этих бумаг — известная «тетрадь» Афанасьева, содержащая интереснейшие материалы по истории декабризма и пушкинские тексты. Она хорошо известна исследователям. Меньше известен им дневник Афанасьева. Во второй половине 70-х гг. Евгений Иванович готовил его к печати, но он не был пропущен цензурой. К сожалению, он и поныне не издан.¹ Здесь же хранится и тетрадь петрашевца Ф. Г. Толля, близкого друга семьи Якушкиных. В годы ссылки Толль записывал рассказы декабристов. Естественно, что эти записи он передал Якушкину.

Е. И. Якушкин собирал и другие материалы, имевшие большой общественный интерес. Так, в его архиве имеется копия «Обвинительного акта уголовного кассационного департамента Сената по процессу 17-ти (членов партии «Народная воля») от 2 марта 1883 года». Тут и гектографированная копия заявления Л. Н. Толстого в связи с отлучением его от церкви. Любопытный материал представляет присланный Ефремовым донос на него министру финансов.

Большой материал по истории раскола и современному положению раскольников еще раз показывает интерес Якушкина к данному вопросу. В рукописи остались и его статьи на эту тему: «Красная смерть» и «История страннического согласия», готовившиеся им к печати. При содействии Ефремова им был собран большой материал по современному положению рас-

кольников, включая секретные циркуляры министерства внутренних дел о мерах по борьбе с расколом. Якушкин записывал и песни раскольнических сект. Весь этот богатейший материал так и остался неопубликованным.

Архив Е. И. Якушкина проливает свет и на его методологию как ученого, позволяет заглянуть в его творческую лабораторию. Здесь мы находим выписки из сочинений разных авторов по вопросам обычного права и заметки к указателю, показывающие, как тщательно и углубленно изучал он проблему, прежде чем приступить к работе над «Обычным правом». Историков, вероятно, заинтересуют и записки Евгения Ивановича о положении крестьян в Ярославской губернии, тем более что они составлены по материалам канцелярии ярославского губернатора, явно не предназначенным для обнародования.

Работая над своим знаменитым словарем народных говоров Ярославской губернии, Евгений Иванович пользовался методами, которые только теперь начинают применяться в социологии. Это анкеты, интервью и т. п. В архиве его имеются образцы таких записей.

Архив Е. И. Якушкина — драгоценная россыпь материалов, касающихся разнообразнейших вопросов истории России. Это понимали и его потомки, бережно хранившие его. Уже после Октябрьской революции младший сын Е. И. Якушкина Евгений Евгеньевич провел большую работу по упорядочению архива и передаче его государственному хранилищу. Часть материалов он тогда же опубликовал.² В предисловии к этой публикации С. В. Бахрушин дал краткий обзор якушкинского архива. Более полный обзор части, касающейся декабристов, был сделан Т. Г. Снытко в 1950 г.,³ когда якушкинский архив еще находился в Центральном государственном историческом музее. Однако то, что хранится ныне в ЦГАОР, — не все, что собрал Евгений Иванович. Так, в Рукописном отделе Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина находится большое количество писем Г. С. Батенькова к Е. И. Якушкину.⁴ Когда, какими судьбами они отделились от основного собрания — неизвестно. Часть собранных Евгением Ивановичем драгоценных материалов была подарена им и его старшим сыном различным библиотекам и архивохранилищам. Так, Евге-

ний Иванович подарил рукопись пушкинских «Записок о Пушкине» библиотеке Лицея; Вячеслав Евгеньевич принес в дар Библиотеке Академии наук богатейший архив К. Ф. Рыльева (около 150 номеров).⁵ Собранные Е. И. Якушкиным пушкинские материалы были переданы Пушкинскому дому. Таким образом, то, что ныне именуется архивом Якушкиных, — лишь часть сокровищ, собранных тремя поколениями замечательной семьи. Из этих бумаг опубликовано лишь незначительное количество, и то главным образом лишь касающееся истории декабристов. Архив Якушкиных еще ждет своего публикатора. Наследие, оставленное потомкам Евгением Ивановичем, должно быть освоено до конца.

Объем деятельности Евгения Ивановича Якушкина достоин удивления и восхищения. Крупный ученый, исследователь и публикатор декабристских и пушкинских материалов, юрист, этнограф, лингвист, историк, видный общественный деятель, корреспондент герценовских изданий, воспитатель плеяды русских ученых, он оставил заметный след во всех этих областях, избегая при этом какой бы то ни было шумной известности. Это был один из тех скромных деятелей культуры, о которых частенько забывают потомки, но которых умели ценить современники, понимавшие подлинное значение их деятельности.

Труды Евгения Ивановича, его общественное служение до сих пор освещались лишь урывками. Исследователи декабристского движения пишут о нем как о собирателе и публикаторе воспоминаний деятелей 14 декабря; пушкинисты — как о знатоке пушкинских текстов; этнографы — как об авторе «Обычного права», герценоведы — как о корреспонденте «Полярной звезды» и «Исторических сборников Вольной русской типографии». Между тем все эти стороны деятельности Якушкина органически связаны между собой, и нельзя освещать их порознь. Пушкин и декабристы были в его сознании нерасторжимы как представители свободолобивых идей 20-х гг., и в этом он — верный последователь Герцена. Его интерес к вопросам народного обычного права также вытекает из позиции сторонника «русского социализма». По всем своим связям, интересам, взглядам он был вполне подготовлен для роли последователя Герцена и участника его начинаний. Даже служебная, официальная деятельность Якушки-

на, которую он сумел обратить на пользу народу, была одним из звеньев его плодотворной общественной деятельности и отвечала требованиям, выдвигавшимся в 60-е гг. Герценом и Огаревым.

Перед нами исключительно цельная личность, человек, никогда не изменявший ни себе, ни делу, которому он служил.

В период общественного подъема середины XIX в., в эпоху мрачной реакции 80-х гг. — всегда он оставался таким, каким обязывало его быть славное имя Якушкина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Избранные произведения Е. И. Якушкина

Из работ Е. И. Якушкина, посвященных декабристской тематике, мы выбрали для публикации две, наименее известные даже исследователям. Это его воспоминания об И. И. Пущине и Г. С. Батенькове, увидевшие свет на страницах ярославской газеты «Северный край».

Из работ по обычному праву читателям предлагается предисловие к первому выпуску указателя, имеющее самостоятельное значение. Это труд зрелого пятидесятилетнего ученого, подводящего итоги многолетнего изучения народных юридических представлений.

Воспоминания об И. И. Пущине *

В 1853 г. я познакомился с Иваном Ивановичем Пущиным, жившим в то время в г. Ялutorовске. Имя Пущина было давно мне известно из стихотворений Пушкина. Некоторые рассказы лиц, знавших его до его ссылки, вызывали во мне глубокое к нему сочувствие: личное знакомство с этим «первым другом» великого поэта еще более усилило то чувство уважения, которое я имел к нему ранее. Он произвел на меня сильное впечатление. Когда я с ним познакомился, ему было 55 лет, но он сохранил и твердость своих молодых убеждений, и такую теплоту чувств, какая встречается редко в пожилом человеке. Его демократические понятия вошли в его плоть и кровь: в какое бы положение его ни ставили обстоятельства, с какими

* Воспоминания об И. И. Пущине. Впервые: Северный край. 1899. № 157, 158. Сокращенный вариант опубликован в качестве предисловия к первому отдельному изданию «Записок о Пушкине» И. И. Пущина (М., 1907).

бы людьми ни сталкивала его судьба, он был всегда верен самому себе, всегда был одинаков со всеми. Люди самых противоположных с ним убеждений относились к нему с глубоким уважением. Сблизиться с таким человеком мне было тем более легко, что он был очень дружен с моим отцом. С первого же дня знакомства между мною и им установилась тесная связь, непрерывавшаяся до самой его смерти. Во время пребывания моего в Ялutorовске я виделся с ним каждый день. Большой интерес для меня представляли его рассказы, особенно о его лицейской жизни и об отношениях его к А. С. Пушкину. Часть этих рассказов я записал тогда же, но эта краткая запись казалась мне очень бледной в сравнении с живою речью Пущина, поэтому я не один раз просил его написать его воспоминания о Пушкине. Он долго отказывался, уверяя, что воспоминания его ни для кого не будут интересны и что, кроме того, он не умеет писать. «Правда, — сказал он мне, — Пушкин уверял, что у меня большой литературный талант, но, к счастью, я ему не поверил, потому что действительно не умею писать». После долгих моих убеждений он наконец дал мне слово исполнить мою просьбу. Уже по возвращении из ссылки, в 1858 г. он привез мне свои записки о великом поэте. Они были напечатаны мною, хотя далеко не вполне, в журнале «Атеней» 1859 г.

Следующий очерк жизни Пущина составлен мною на основании рассказов как его, так и его товарищей по ссылке, а также на основании его записок, заключающих в себе некоторый и автобиографический материал.

Пущин родился 4 мая 1798 г. В августе месяце 1811 г. дед его, адмирал Пущин, отвез его к министру народного просвещения, графу Разумовскому, в присутствии которого мальчики, записанные кандидатами в Лицей, должны были держать экзамен. Здесь Пущин увидел в первый раз своего будущего товарища, Пушкина, с которым он тут же и познакомился. По поступлении в Лицей Пушкин всего ближе сошелся с Пущиным, отличавшимся и в молодости большим тактом. Сближению друзей содействовало и то, что они были соседями по отведенным им комнатам. Часто ночью, когда все уже засыпало, Пущин, вполголоса через перегородку, толковал с Пушкиным о каком-нибудь

вздорном случае того дня, его волновавшем... Скоро между ними установилась та горячая дружба, о которой не раз упоминает Пушкин в своих стихотворениях.

По выходе из Лицея, в 1817 г. Пущин поступил в гвардейскую конную артиллерию и 29 октября того же года был произведен в офицеры. Еще в лицейском мундире он начал часто посещать кружок знакомых, состоявший из Муравьевых (Александра и Михайлы), Бурцева, Павла Колошина и Семенова. Постоянные беседы об общественных вопросах сблизили Пущина с этим кружком членов тайного общества, в которое он и был вскоре принят Бурцевым. Вступление в тайное общество имело сильное влияние на Пущина.

«Я, — говорит он в своих записках, — как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах, стал внимательнее смотреть на жизнь, во всех проявлениях буйной молодости наблюдал за собой, как за частицей, хотя ничего незначащей, но входящей в состав того целого, которое рано или поздно должно иметь благотворное свое действие».

Первою мыслью Пущина по вступлении в тайное общество было открыться Пушкину, разделявшему его политические убеждения, но Пушкина не было в это время в Петербурге. Впоследствии он не решился уже верить ему тайну, так как малейшая неосторожность могла быть пагубна для дела. Его пугала и пылкость поэта, и сближение его с ненадежными людьми. Пушкин, увидя своего друга после первой с ним разлуки, заметил в нем некоторую перемену и начал подозревать, что он что-то от него скрывает. Он затруднял Пущина своими расспросами, но тот ничего ему не открыл. «Самое сильное нападение Пушкина на меня, по поводу общества, — говорит Пущин в своих записках, — было, когда он встретился со мной у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все, желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут между прочим был Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели вокруг большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь — Пушкин. „Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле“, — шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Под-

хожу к Пушкину, здороваюсь с ним. Подали чай, мы закурили сигарки и сели в уголок. „Как же ты, — сказал Пушкин, — мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно случайно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!“». На этот раз Пуцину легко было доказать, что это совсем не собрание общества и что он сам пришел к Тургеневу неожиданно.

В январе 1820 г. Пуцин должен был уехать в Бессарабию к больной своей сестре. Возвратясь в мае в Петербург, он не застал уже там Пушкина, высланного из столицы за его вольные стихотворения и командированного от Коллегии иностранных дел к генералу Изову, начальнику колоний южного края.

Около 1823 г. Пуцин познакомился с Рылеевым и принял его в тайное общество, прямо в члены верховной думы. Рылеев относился к Пуцину с глубоким уважением; в письме к одному из своих друзей он говорит: «Спасибо, что полюбил Пуцину, я еще от этого ближе к тебе. Кто любит Пуцину, тот непременно сам редкий человек».

В 1823 г., однажды во дворце, на выходе, в [еликий] к[нязь] Михаил Павлович очень резко заметил Пуцину, что у того не по форме был повязан темляк на сабле. Пуцин тотчас же подал прошение об отставке. Желая показать, что в службе государству нет обязанности, которую можно бы было считать унижительною, он хотел занять одну из низких полицейских должностей — должность квартального надзирателя. Своим примером он хотел доказать, каким уважением может и должна пользоваться та должность, к которой общество относилось в то время с крайним презрением. Намерение Пуцины возмутило его родных. Сестра его, на коленях, в слезах, умоляла его отказаться от мысли занять полицейскую должность; он уступил ее просьбам и, выйдя в отставку, поступил сверхштатным членом в петербургскую палату уголовного суда, где в то время служил и Рылеев.

В 1824 г. Пуцин перешел на службу в Москву судьей в уголовный департамент надворного суда. Служба в надворном суде бывшего гвардейского офицера, образованного человека, с обеспеченным состоя-

нием и с большими связями имела в то время свое значение. Князь Н. Б. Юсупов, видя на бале у московского генерал-губернатора князя Голицына неизвестное ему лицо, танцующее с его дочерью, спросил Зубкова, кто этот молодой человек. Зубков ответил, что это надворный судья Пуцин. «Как, — сказал кн. Юсупов, — надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Это вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное!».

Пуцин, человек крайне скромный, ни слова не говорит в своих записках о своей судебной деятельности, между тем она гораздо более удивила современников, чем присутствие его на генерал-губернаторском бале. Особенное внимание общества обратило на себя решение надворного суда по делу известного любителя музыки и композитора Алябьева, обвинявшегося в совершении убийства. Сначала, чтобы замять это дело, потом, чтобы добиться оправдательного приговора, были пущены в ход и подкуп, и усиленные просьбы, и горячее вмешательство влиятельных лиц. Но ничто не помогло; в деле были несомненные доказательства виновности Алябьева, и Пуцин после долгой, упорной борьбы настоял на обвинительном приговоре. На это решение смотрели как на гражданский подвиг, и Пушкин имел полное право сказать своему другу:

Ты освятил тобой избранный сан,
Ему в глазах общественного мнения
Завоевал почтение граждан.

Когда в конце 1824 г. Пуцин узнал, что Пушкин из Одессы сослан на безвыездное жительство в исковскую деревню его отца, то он решился непременно навестить его и для этого взял отпуск на 28 дней. Перед отъездом, на вечере у генерал-губернатора кн. Голицына он встретил А. И. Тургенева и спросил его, не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, так как он будет у него в январе. «Как, Вы хотите к нему ехать, — сказал Тургенев, — разве не знаете, что он под двойным надзором и политическим, и духовным». «Все это я знаю, — отвечал Пуцин, — но знаю тоже, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах». «Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете», — прибавил

Тургенев. Почти такие же предостережения высказал и дядя поэта В. Л. Пушкин.

Проведя праздники у отца в Петербурге, Пуццин после Крещения поехал к сестре в Псков и оттуда в Михайловское. Недалеко уже от усадьбы лошади понесли и вдруг, после крутого поворота, неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Остановить лошадей у крыльца не было силы, они протащили мимо и засели в снегу перасчищенного двора.

«Я оглядываюсь, — пишет в своих записках Пуццин, — вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда со мной происходило. Выскакиваю на саней, беру его в охапку и тащу в комнату. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надо прикрыть наготу, я не подумал о заиндевевшей шубе и шапке. Было около 8 часов утра. Не знаю, что делалось. Прибывшая старуха застала нас в объятиях друг друга, в том самом виде, как мы попали в дом: один почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробил слеза (она и теперь через 33 года мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной; впрочем, она все повяла. Не знаю, за кого она приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, и чуть не задушил ее в объятиях». После первых волнений свидания началась живая беседа между друзьями: каждому из них надо было о многом расспросить и многое рассказать. Из слов Пушкина можно было заключить, что ему как будто наскучила прежняя шумная жизнь. Он заставил Пуццина рассказать о всех лицейских товарищах и потребовал объяснения, каким образом он из артиллериста преобразился в судью. Объяснения его друга были ему по сердцу, он гордился им и за него. «Незаметно коснулись опять, — рассказывает Пуццин, — подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, то он вскочил со стула и вскрикнул: „Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать“. Потом, успокоившись, продолжал: „Впрочем, я не заставляю тебя

любезный Пуццин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою, по многим моим глупостям“. Молча, я крепко расцеловал его, мы обнялись и пошли ходить; обоим нужно было вздохнуть».

Пуццин привез Пушкину в подарок «Горе от ума». Пушкин был очень доволен этой тогда рукописной комедией, до того ему почти вовсе неизвестной. После обеда, за чашкой кофею, он начал читать ее вслух. Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу; Пуццин выглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью Минею. Пуццин спросил, что это значит? Прежде чем он мог получить ответ, в комнату вошел низенький, рыжеватый монах и рекомендовался Пуццину настоятелем соседнего монастыря. Пушкин попросил его сесть. Монах стал извиняться, что, может быть, помешал, потом сказал, что, узнавши фамилию приехавшего, он ожидал найти знакомого ему П. С. Пуццина, которого очень давно не видал. Завязался разговор, подали чай. Монах выпил два стакана чаю с ромом и начал прощаться, извиняясь, что прервал товарищескую беседу.

Пуццину было неловко за Пушкина, который, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Он высказал ему свою досаду, что накликал это посещение: «Перестань, любезный друг, — сказал Пушкин, — ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре». И затем он, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию. Поздно ночью Пуццин выехал из Михайловского. Это было последнее свидание его с Пушкиным, самым близким ему из его друзей.

Пуццин 8 декабря 1825 г. приехал из Москвы в Петербург. Он присутствовал на последних совещаниях членов тайного общества и 14 декабря был на Сенатской площади, где собрались заговорщики и возмущенные ими войска. Когда восстание было подавлено, Пуццин одним из последних ушел с площади, в шинели, пробитой во многих местах картечью. Рано утром 15 декабря к нему приехал его лицейский товарищ князь Горчаков. Он привез ему заграничный паспорт и умолял его ехать немедленно за границу, обещаясь доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию. Пуццин не согласился уехать: он считал

постыдным избавиться бегством от той участи, которая ожидает других членов тайного общества: действуя с ними вместе, он хотел разделить и их судьбу. В то же утро заехал к Пушину кн. П. А. Вяземский и спросил его: не может ли он быть ему чем-нибудь полезен. Пушкин просил его взять на сохранение портфель с бумагами; в портфеле этом было несколько стихотворений Пушкина, Дельвига и Рыльева, а также несколько записок по разным общественным вопросам. Все эти бумаги, если бы они и были взяты при обыске, не могли служить к отягчению участи Пушину; он потому только отдал их кн. Вяземскому, что желал сохранить их, так как они были связаны с дорогими для него воспоминаниями. Князь Вяземский обещал сберечь этот портфель и возвратить его Пушину при первом с ним свидании. И действительно, в 1857 г., в первый же день приезда Пушкина в Петербург, кн. Вяземский привез ему портфель, взятый им на сохранение 32 года тому назад.

15 декабря Пушкин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Во время следствия он не выдал никого из своих товарищей, и поэтому в «Донесении следственной комиссии» вовсе не встречается ссылки на его показания. Верховный уголовный суд отнес его к первому разряду государственных преступников и приговорил к смертной казни отсечением головы. Указом, данным Верховному суду 22 августа 1826 г., он всемилостивейше освобожден от смертной казни с заменой ее ссылкой в вечные каторжные работы. После произнесения приговора Пушкин был отведен в Шлиссельбургскую крепость, откуда только через полтора года был отправлен в Сибирь, в каторжные работы.

В первый день его приезда в Читту, 5 января 1828 г. Александра Григорьевна Муравьева вызвала его к частоколу и отдала ему листок бумаги, на котором было написано:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил.
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей

Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Исков, 13 декабря 1826 г.

«Отрадно, — пишет Пушкин, — отозвался во мне голос Пушкина. Преисполненный глубокой, живой благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. Увы! Я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга». «Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого, перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мной и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом».

В начале 1837 г. Пушкин узнал о дуэли и смерти Пушкина. «Весть эта, — пишет он, — электрической искрой сообщилась в тюрьме; во всех кружках только и речи было о смерти Пушкина, об общей нашей потере». «Не стану беседовать с Вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем: оно слишком тесно связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отравлять последние месяцы жизни Пушкина. Другим лучше меня, далекого, известны гнусные обстоятельства, породившие дуэль; с своей стороны скажу только, что не мог без особого отвращения об них слышать, меня возмущали лица, действовавшие и подозреваемые в участии по этому гадкому делу, подсекшему существование величайшего из поэтов».

По освобождении от каторжных работ Пушкин в конце 1839 г. был послан на поселение в Туринск. Северный сибирский климат вредно подействовал на его здоровье; в Туринске он постоянно хворал. По этому по его просьбе он в 1843 г. был переведен в Ялуторовск, город с несколько лучшими условиями для жизни. Здесь, в кругу нескольких близких ему товарищей по ссылке, его время проходило в частых откровенных с ними беседах и в чтении книг, в которых не было недостатка, так как жившие в Ялуторовске декабристы получали все сколько-нибудь замечательные литературные произведения. Кроме того, он вел обширную переписку с родными, с прежними пе-

террора и московскими знакомыми и с своими товарищами по ссылке, рассеянными по всей Сибири. Большой интерес представляет его переписка с бывшим директором Царскосельского лицея, Е. А. Энгельгардом, который о большою нежностью и глубоким уважением относился всегда к своему бывшему воспитаннику. Из писем Пущина к Энгельгардту можно видеть, какое настроение и какие взгляды были у него во время ссылки. Так, в письме от 26 февраля 1845 г. он пишет: «Скоро минет двадцать лет сибирским разлукою существования. В итоге, может быть, окажется что-нибудь дельное: цель освящает и облегчает страдания и ссылку».

Очень слышать, что наше 19 октября пустеет: видно, что чугунное кольцо * стирается временем. Трудная задача устроить, чтобы оно не имело влияния на наше хорошее. Досадно мне на наших звездноносцев, можно бы сбросить эти пустые регалии и опять вернуться в свой прежний круг. Мысленно я чувствую себя в тесном кругу, с прежними верными воспитанниками. У меня как-то они не стареют».

В издании всемилостивейшего манифеста 26 августа 1856 г. Пущин выехал из Ялуторовска сначала в Москву, затем в Петербург, где с горячим сочувствием был встречен своими лицейскими товарищами и прежними знакомыми. Он виделся там с К. Давыдом, который передал ему, что Пушкин во время последней болезни сказал: «Как жаль, что нет ни Пущина, ни Малиновского».

Пущин женился на вдове своего товарища Ф. Д. Фонвизиной, урожденной Апухтиной, которая жила в ее имении, с. Марьино, Бронницкого уезда. Здесь и окончил начатые еще в Сибири свои занятия Пушкине. Здоровье его все более и более пришло в упадок. Пущин скончался 3 апреля 1859 г.

* Энгельгардт роздал чугунные кольца воспитанникам в знак прочности лицейского союза.

Воспоминания о Г. С. Батенькове *

В 1854 и 1855 гг., во время пребывания моего в Томске, я познакомился и близко сошелся с Гаврилом Степановичем Батеньковым. Это был человек замечательный по уму, широкому образованию и по его необыкновенной судьбе.

Г. С. Батеньков родился в Тобольске в 1793 г. По окончании образования во 2-м кадетском корпусе он поступил прапорщиком в одну из батарей действующей армии и участвовал в походах 1812—1815 гг. В сражении при Монмирале (1814 г.) он, находясь с двумя своими орудиями в арьергарде, прикрывавшем отступление войск Сакена, так упорно и долго держался на позиции, что был окружен неприятелем, получил несколько штыковых ран и оставлен замертво на поле сражения. Французский офицер, посланный для уборки тел, заметил в Батенькове признаки жизни и велел отнести его в городской госпиталь.

Крепкое сложение Батенькова, его молодость и, вероятно, хороший за ним уход содействовали скорому его выздоровлению. После полуторамесячного пребывания в госпитале он поступил снова в свою батарею, так как в это время Монмираль был занят уже русскими войсками.

По возвращении армии в Россию Батеньков выдержал экзамен на звание инженера и уехал на службу в Томск. Здесь в 1819 г. Сперанский, ревизовавший сибирские учреждения, его заметил и оценил его способности. Он пригласил его к себе на службу в Иркутск, где Батеньков и состоял при генерал-губернаторе Сперанском до самого отъезда последнего в Петербург в 1821 г. Во время своей службы в Иркутске он выполнял самые разнообразные поручения. Укажу на некоторые из его многих работ, исполненных по указанию Сперанского. Он укреплял берега Ангары, исследовал путь вокруг Байкала, собирал статистические сведения о Сибири, составил и напечатал в Иркутске учебник геометрии для ланкастерских школ, написал проект устава о ссыльных и принимал самое близкое участие в работах Сперанского по преобразованию сибирских учреждений.

* Воспоминания о Г. С. Батенькове. Впервые опубликованы: Северный край. 1899. № 48. Не перепечатывались.

Блестящие способности Батенькова, неутомимость его в работе, основательность его трудов и, может быть, всего более одинаковость нравственных понятий сблизили с ним Сперанского. Между молодым инженером и сибирским генерал-губернатором установилась такая тесная связь, что Батеньков по возвращении его в Петербург в 1821 г. поселился у Сперанского и при помощи последнего был назначен производителем дел в сибирском комитете и членом совета военных поселений. Внимание, оказываемое Батенькову всесильным в то время гр. Аракчеевым, обещало ему блестящую служебную карьеру. Современники Батенькова считали его очень честолюбивым человеком; на эту черту его характера указывает и «Донесение следственной комиссии». Но если он и действительно предавался честолюбивым мечтам, им не суждено было сбыться. В конце 1825 г. он принужден был оставить службу в совете военных поселений, а в последних числах декабря этого года был арестован, обвинен в заговоре против правительства и приговорен к 20-летней каторжной работе. Из «Донесения следственной комиссии» видно, что хотя он и не был членом тайного общества, но сблизился со многими из заговорщиков, высказывал полное сочувствие их планам и ободрял их к действию.

Батеньков не был сослан в Сибирь в каторжную работу. Он был отвезен в форт Свартгольм, находившийся на Аландских островах, затем обратно привезен в Петропавловскую крепость, где и пробыл 20 лет в одиночном заключении. Камера Алексеевского рavelина, в которой содержался Батеньков, была 10 аршин в длину и 6 в ширину, при 4-аршинной высоте. Страже было запрещено говорить с заключенным. Ежедневно, утром и вечером, в определенные часы, в камеру входил офицер навестись о здоровье арестанта и спросить, не надо ли ему чего; но офицер этот не вступал ни в какие разговоры и не отвечал ни на какие вопросы. Первое время Батеньков находился безвыходно в запертой камере. В этой же камере его лечили, когда он был болен; в нее же, великим постом, приходил священник исповедовать и приобщать св. тайн заключенного. Такой порядок содержания в крепости, как узаконенный, соблюдался строго, но во всем остальном к заключенному относились крайне внима-

тельно. Батеньков мне рассказывал, что когда он убедился, что не скоро освободят, то, желая сохранить здоровье, страдавшее уже от недостатка движения, он отказался от мясной пищи. Ему стали тогда подавать очень хороший обед, без мясных блюд, нередко приносили ему любимые им фрукты, а иногда и конфеты; по его просьбе давали ему также легкое французское вино или рейнвейн. Во время болезни уход за ним был очень внимательный. Летом, в хорошую погоду заключенного выводили под караулом на некоторое время в садик Алексеевского рavelина. Здесь Батеньков посадил однажды зерно из съеденного им яблока и к концу заключения мог уже отдыхать под тенью яблони, выросшей из этого зерна. По прошествии первых трех лет заключения в крепости, Батенькову было дозволено прохаживаться по коридору, прилегающему к дверям его камеры и постоянно охраняемому часовыми. Ему давали и книги, но исключительно небожного содержания. По его просьбе ему принесли Библию на нескольких языках, изучение ее не только историческое, но и филологическое было его постоянным занятием в крепости. Языков еврейского, греческого и латинского он ранее совершенно не знал, но через сличение текстов полиглотной Библии, он наконец дошел до того, что свободно читал ее на этих языках. Есть указание, что он занимался в крепости математикой, но занятие это могло состоять только в умственном решении математических задач, так как у него не было ни бумаги, ни чернил. В продолжение долгого заключения были минуты, когда умственные занятия не в состоянии уже были успокоить расшатавшиеся нервы. По словам Батенькова, иногда через два, иногда через три года он требовал бумаги и чернил, чтобы написать письмо государю. Он мне подробно рассказывал содержание некоторых из этих писем. Они состояли из общих рассуждений о правительстве. Вслед за отдачей каждого письма содержание Батенькова в крепости делалось более строгим и затем мало-помалу опять смягчалось.

В феврале 1846 г. Батеньков был по высочайшему повелению отправлен из крепости на поселение в г. Томск. В первый день по прибытии в этот город Батеньков был очень озабочен присканием квартиры, так как домовладельцы опасались иметь у себя такого

свадебных обрядов и обычаев. Свадебные обряды давно были описываемы с большою подробностью и потому первые сделались в области обычного права предметом ученой обработки, превосходный образец которой представляет статья К. Д. Кавелина, написанная по поводу сочинения А. И. Терещенки «Быт русского народа». Статья эта послужила основанием всем последующим трудам по этому предмету и до сих пор не утратила своего значения, несмотря на то что в последнее время сравнительное исследование свадебных обрядов западными учеными привело к новым выводам. Выводы эти известны всякому, имевшему в руках сочинение Лэббока «Начало цивилизации», переведенное два раза на русский язык; поэтому было бы излишне распространяться о них подробно.

Одною из древнейших форм брака признается в настоящее время та, при которой существовала общность жен.¹

Смененная личным браком, общность жен долго оставалась еще под покровительством религии. Свобода половых сношений считалась угодною богам; отвергнутая семейною жизнью, она нашла приют при храмах или приурочилась к религиозным праздникам. Древний обычай был так силен, что даже и тогда,

¹ В последнее время Макленау, Моргану, Бахофену и Лэббоку, считающим общность жен первоначальною формою человеческого общежития, были сделаны возражения Дарвином и Уэком. Дарвин в своем сочинении «Происхождение человека» (рус. пер., т. 2, с. 399 и след.) считает крайне невероятным, чтобы первобытные люди жили между собою в общем половом смешении, но признает несомненным, что приблизительно общее смешение полов было некогда чрезвычайно распространено на всем земном шаре. Уэкс в двух статьях: «Sacred prostitution» и «Marriage among primitive peoples» (Antropologia, 1874, кн. 2) вовсе отвергает существование общности жен у первобытных народов, но его возражения против мнений Моргану и Лэббока весьма слабы. В русской литературе не раз высказывалось мнение, что рассказ Косьмы Пращского об общности жен у древних чехов есть чистый вымысел, потому что такого быта не знает история. История сохранила, однако, многочисленные его следы, на основании которых Магдеевский едва ли не первый признал общность жен общею историческою формою брака для всех племен, стоящих на известной степени развития (Historia prawodawstw slawianskich, 1856, т. 1, с. 398).

когда он потерял покровительство религии, свобода половых сношений долго не считалась развратом, и женщины, отдававшиеся свободно всякому, пользовались особым уважением.

Следы общности жен сохранились в Азии и Европе в исторические времена. У семитов гетеризм существовал долго, не теряя своего религиозного значения.² В Афинах гетеры пользовались особым уважением, указывающим на сродство греческого гетеризма с первоначальною формою брака.³ Свобода половых сношений допускалась в Греции во время праздников в честь Вакха даже после введения христианства.⁴ Остатки этой формы брака встречаются в Британии во времена Цезаря.⁵

Общность жен встречается и в настоящее время у племен, стоящих на низкой степени развития, как в своей чистой форме,⁶ так и в смешанной, при которой одновременно существует и личный брак.⁷

Есть указания на существование общности жен и у русских славян. Русские летописи различают у них три формы брака. Остановимся на одной из них: «Радимичи, и вятичи, и север, — говорится в Лаврентьевской летописи, — один обычай имяху... брацы же не бываху в них, но игрища между селы. Схожахуся на игрища, на плесанье и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещащеся; имеху же по две и по три жены».⁸

Имели ли умыкания на игрищах необходимым последствием личный брак или они сами по себе составляли брак временный, сходный с тем общим смешением полов, о котором говорит Косьма Пращский в изображении древнего быта чехов?

² См. статью Жюля Сури в «Revue de deux Mondes», 1 февр. 1872.

³ Lubbock. The origin of civilization, p. 103.

⁴ 62 правило 6 Вселенского Собора запрещает такие празднества. В нашей Кормчей приведено следующее толкование этого правила: «Упражняются же и женская в народе плясания, ими же ражжение на блуд творят зрящим на ня». Кормчая, изд. 1816 г., ч. 1, л. 138.

⁵ De bello galico, vol. 14.

⁶ Lubbock, p. 74, 75.

⁷ Bulletin de la Soc. d'Antropologie de Paris, vol. 4, p. 499.

⁸ Полное собрание летописей, т. 1, с. 6.

Ответ на этот вопрос дают Переяславская летопись и дошедшие до нас известия о подобных игрищах, существовавших в позднейшее время.

По словам Переяславской летописи, радимичи, вятичи и северяне не любили браков, но на игрищах между селами у них допускалась свобода половых сношений.⁹ Еще подробнее описываются игрища в позднейших известиях. В Правиле митрополита Кирилла (XIII в.) говорится: «Мы слышали, что в пределах новгородских невест водят к воде и ныне не ведем, чтобы это так было, и повелеваем это проклинать. Мы слышали, что в субботу вечером собираются вместе мужи и жены и играют бесстыдно и скверну творят в ночь святого воскресенья».¹⁰

Игумен Елизарова монастыря Памфил в послании к псковскому наместнику князю Ростовскому (1505 г.) говорит, что при наступлении праздника Рождества Предтечева почти весь город приходит в смятение, раздается музыка, начинаются игры, сопровождаемые пляскою и пением. В это время мужам и отрокам бывает великое прельщение, замужним женщинам беззаконное осквернение и девам растление.¹¹ Подобное смещение полов, по словам Стоглава, происходило не только в Иванов день, но и на почных игрищах накануне Рождества Христова и Богоявления.¹²

В некоторых местностях эти игрища сохранились и до настоящего времени, с их первоначальным значением. В Нижегородской губернии сходятся и в настоящее время на Красную горку женихи и невесты, наряжаясь как можно лучше; при этом бывают и умыкания.¹³ Купальные ночи (купальни) начинаются с

первого воскресенья после пасхи и продолжаются до осени во все праздники. От этих ночей сначала завывается *лада*, потом сватовство.¹⁴

Нет никакого основания полагать, что игрища приняли такой характер в позднейшее время. Нет сомнения, что и при летописце они имели то же значение, представляя остаток прежде существовавшей общности жен. Умыкания на игрищах, конечно, вели и к личному браку; близкое знакомство молодых людей в купальные ночи и теперь ведет нередко к сватовству. Песни указывают на это свадебное значение Купалы. В Подольской губернии поется следующая купальная песня:

Там ходыла девчонка
С главы винок здымала,
До Господа вздыхала:
Учли, Боже, волю,
Щоб я стала женою;
Як буду мужа маты,
Може, счастье буду маты.¹⁵

На существовавшую прежде общность жен указывает также та свобода в половых сношениях, которая сохранилась во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках или вечерницах; присутствующие на них девушки и парни по окончании пирушки ложатся спать попарно. Родители и родственники смотрят на вечерницы как на дело очень обыкновенное, и только тогда обнаруживают свое неудовольствие, когда в той или другой семье оказываются беременные девушки.¹⁶ В некоторых селениях Пинежского уезда (Архангельской губернии) допускается полная свобода половых сношений на вечеринках. Сношения эти не считаются там предосудительными; напротив того, девушка, не выбранная парнем на вечеринке, нередко должна бывает выслушивать горькие упреки от своей матери.¹⁷

Ежели в других местностях посиделки и вечерницы, даже при обычае ложиться спать попарно,

¹⁴ Покровский. Описание села Красного. Нижегородский сборник, т. 1, с. 359.

¹⁵ Атений, 1828, № 2, с. 18.

¹⁶ Кузнецов. Историко-статистический очерк проституции в Москве. Архив судебной медицины и гигиены, 1870, № 4, с. 120.

¹⁷ Внебрачные рождения в Архангельской губернии. Архангельские губ. ведомости, 1870, № 77.

⁹ Радимичи, и вятичи, и севера... браци не возлюбиха, но игрища межн сел и ту слетахуся ричоще на плясаниа, и от плясаниа познаваху которая жена или девица до младых похотевие имать, и от очного воззрения и от обнажения мышца и от перст ручных показаниа и от пръстией даралаганиа на пръст чужая, тож потом целованиа с лобзанием и плоти с сердцем разжегшиися слагахуся, иных поймающе, а других поругавше, метаху на насмеяние до смерти (Временник истории и древностей, 1851, кн. 9, с. 3, 4).

¹⁰ Описание рукописей Румянцевского музея, с. 321.

¹¹ Дополнения к Актам историческим, т. 1, с. 18.

¹² Стоглав, глава 41, вопрос 24.

¹³ Очерки из истории славянской мифологии. Нижегородские спархвальные ведомости, 1865, № 20, с. 15.

имеют вполне целомудренный характер, то это не опровергает мысли, высказанной выше об их значении, но указывает только, что от существовавшего прежде обычая остался один обряд. В истории брака встречается много подобных изменений: различные формы гостеприимного гетеризма у русских инородцев представляют самый наглядный пример такого перехода обычая в обряд, потерявший всякое действительное значение. У сидячих коряков и чукчей законы гостеприимства требуют, чтобы хозяин предоставлял в распоряжение гостя жену свою или дочь. Отказ гостя составляет такое глубокое оскорбление, за которое он может быть убит хозяином.¹⁸ У некоторых кавказских племен от обычая этого сохранился только обряд. У них, по тем же законам гостеприимства, дочь хозяина спит в одной комнате с гостем, но сохраняет вполне целомудрие.¹⁹

Свальный грех, к сожалению до сих пор мало исследованный, представляет такой же религиозный гетеризм, какой встречается и у других народов как остаток общности жен. Его история мало известна, но во всяком случае он есть явление, тесно связанное с существовавшей до него свободой половых отношений, и основа его религиозного характера есть языческая.

Нечто подобное гостеприимному гетеризму встречалось у нас до последнего времени при найме охотников в рекруты. В некоторых местностях наемщик, живший в семье нанявшего его крестьянина, получал по обычаю право на всех молодых женщин дома.²⁰

В свадебных обрядах сохранились также следы существовавшей прежде общности жен. Такое значение имеет выкуп постели и *празднование подушки* в свадьбе донских казаков.²¹ В Ставропольской губернии су-

¹⁸ Крашенинников. Описание Камчатки. 2-е изд., ч. 2, с. 148—149.

¹⁹ Руновский. Шамиль. Военный сборник, 1866, № 2, с. 572.

²⁰ Г. В. Заметки о найме охотников. Военный сборник 1863, № 7. Автор не указывает, в каких именно местностях существовал этот обычай, столь укоренившийся, по его словам, что из пяти наймов четыре совершались под этим непрерывным условием. В средней полосе России, сколько мне известно, этого обычая не существовало.

²¹ Терещенко. Быт русского народа, т. 2, с. 609.

ществует замечательный в этом отношении обычай: в день девичника, после пирушки, на которую приглашают молодых девушек и парубков, все ложатся спать — жених с невестой, а парубки с прочими девицами.²²

Следы существовавшей некогда общности жен неодинаково сохранились в различных местностях. Степени их сохранения соответствует различие в народных понятиях о целомудрии женщин, насколько можно судить об этом по весьма скудным указаниям, встречающимся в этнографических описаниях. Где обычай действительно не утратил своего значения, там нет и строгого понятия о женском целомудрии. Так, например, в Мезенском уезде, где существует свальный грех,²³ невинность девушки вовсе не ценится; напротив того, родившая девушка скорее находит там себе жениха, чем сохранившая девственность.²⁴

В других местах, где от обычая остался один только обряд или где и самый обряд исчез, невинность девушки ценится высоко. Там девушка, имеющая ребенка, не находит себе жениха, и мать молодой, не сохранившей до брака девственности, подвергается насмешкам и посрамлению. Ей подносят вино в стакане с дырой или вместе с дочерью проводят ее в дверь, над которой вешают хомут, или, наконец, надевают на нее хомут, служащий символом строгого наказания, о котором будет сказано ниже.

Таким образом, взгляд на обычай до такой степени изменяется, что свобода половых сношений, одобрявшаяся прежде народом и имевшая даже религиозное значение, становится в его глазах развратом. В то же время изменяется и взгляд на ночные собрания; так, например, в селе Ворже (Ярославской губернии) общество составило несколько лет тому назад приговор, запрещающий навсегда ночные беседы.²⁵

²² Альшанский. Село Кривое. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. 1, с. 152.

²³ Максимов. Год на севере. 2-е изд., с. 364.

²⁴ Внебрачные рождения в Архангельской губернии. Архангельские губ. ведомости, 1870, № 77.

²⁵ Из решения Воржского волостного суда (Ростовского уезда) 30 декабря 1868 г. видно, что «по общему согласию запрещено сходиться беседам собственно от соблазнов и неприятностей, и всем домохозяевам пускать в свои дома сход-

Кроме этих двух крайних взглядов на свободу половых сношений, существуют и другие, составляющие между ними переход. Более подробное знакомство с этими средними взглядами было бы весьма важно для истории свадебных обычаев, но, к сожалению, этнографические описания представляют для этого весьма скудный материал.

Есть еще один вопрос, касающийся великорусских свадеб, требующий более подробного изучения: какое значение имеют *венчание* и *свадьба* в глазах народа?

Долгое время после введения христианства формы брака оставались чисто языческими.²⁶ Из Правил митрополита Иоанна (XI век) видно, что в его время брак простых людей не сопровождался венчанием и даже в народе существовало мнение, что венчаться должны только бояре и князья.²⁷ Заключение браков без церковного благословения продолжалось и после и вызывало увещания, а иногда и строгие меры со стороны церковной власти. Митрополит Максим (1283—1305) обличает такие браки и дает наставление понуждать к венчанию живущих без церковного благословения.²⁸ В 1410 г. митрополит Фотий писал к новгородцам о наложении трехлетней епитимии на живущих с женами без церковного благословения. «Учите их, — говорит он в своем послании, — и приводите к православию, чтобы они с благословением соединялись с женами, а если не захотят жить с благословением, то вы разлучайте их, если же не послушают вас, и вы, попы, не принимайте их приношений и не давайте им ни даров, ни богородицына хлеба, а которые вас слушают, тем давайте причастие. Да давали бы вам по-

бица запрещено». Крестьянин Д. И., пустивший беседу в свой дом, был оштрафован судом тремя рублями в пользу волостных сумм.

²⁶ Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 94, 101.

²⁷ «Да держатся жены от святых, апостольския церкви, зане жена спасения ради человеческого бысть. Аще же их держите в блуде, без благословения церковного, то что ти в помощь есть. Но и молися и нуди их аще и стари суть, да венчаются в церкви». Эти слова митрополита Максима приведены в сочинении Никольского «Семейная жизнь в русском расколе» (с. 254) и взяты из рукописной Кормчей XVI в. принадлежащей библиотеке Троицкой Лавры.

²⁸ Акты археографической экспедиции, т. 1, с. 369.

руку по себе в том, что вперед будут жить целомудренно и вас слушать».²⁹

О существовании многочисленных браков без венчания упоминает и митрополит Иона в послании своем к вятчинам (1456 г.).³⁰ На окраинах России такие браки существовали и в позднейшее время. Об них говорится в грамоте патриарха Филарета к сибирскому архиепископу Куприану (1622 г.).³¹

Еще позднее встречаются браки без венчания на Дону.³² Даже в конце прошлого века брак казака утверждался только объявлением перед народом об избранной им жене. Жених и невеста приходили вместе в круг; помолившись богу, они кланялись на все четыре стороны, и жених, назвав невесту по имени, говорил: *ты будь мне жена*. Невеста кланялась ему в ноги и говорила: *будь мне муж*. Затем они целовали друг друга и принимали поздравления от всего собрания. Для законности брака не требовалось никаких других обрядов, только при женитьбе на разведенной с мужем жене новый муж, кроме того, прикрывал ее полою своего платья.³³

Вследствие увещаний, строгих преследований, непризнания законными браков, заключенных без церковного благословения, обычай венчаться мало-помалу распространился повсеместно. Даже там, где по отдаленности церковью браки заключались без церковных обрядов, впоследствии все-таки происходило венчание.³⁴ Убеждение в его необходимости укоренилось на-

²⁹ «Многие деи христиане с женами незаконно в невенчаньи живут» (Акты исторические, т. 1, с. 498).

³⁰ О существовании их в Вотской пятине в XVI в. говорится в грамотах Новгородских архиепископов Макария и Феодосия (Дополнения к актам историческим, т. 1, № 28, 43), но в грамотах этих, кажется, дело идет исключительно о браках у инородцев.

³¹ Собрание государственных грамот и договоров, т. 3, № 60. В этой же грамоте упоминается о данном прежде позволении привозить в Сибирь из других городов жен и девиц и жить с ними по своей воле.

³² Труды обл. Донского статистического комитета, 1874, вып. 2, с. 143.

³³ Корнилович. Русская старина. СПб., 1824, с. 200—201.

³⁴ В Камчатке жены до венчания назывались *держимыми женами*. Вследствие этого там до сих пор говорится: *он держит такую-то*, вместо: *он женат на такой-то* (Кузнецов. Со-

конец до такой степени, что у некоторых раскольничьих толков, не признающих священства, явилось учение, совершенно отвергающее брак по невозможности венчания. Но как ни сильно это убеждение, оно не уничтожило, однако ж, народного понятия о значении прежних свадебных обрядов: они сохранили и остатки древних языческих верований, и свою юридическую силу.

Историческая борьба между учением церкви о браке и обычаем продолжается до сих пор. Подробное изучение этого важного явления в народной жизни, к сожалению, невозможно в настоящее время по недостатку материалов, поэтому я ограничусь только одними указаниями.

Существующие брачные обряды распадаются на две части: свадьбу и венчание.

Венчание в глазах народа имеет не только религиозное, но и юридическое, хотя, может быть, и не вполне установившееся значение. Что оно имеет юридическое значение, на это указывают браки *убегом*, при которых обыкновенно не бывает свадьбы, а одно только венчание. Народ признает такие браки действительными, хотя в некоторых местностях и относится к ним с порицанием.

Свадьба, обряды которой исполнены также религиозного значения, имеет главным образом юридическую силу при заключении брака. В большей части великорусских губерний юридическое значение свадьбы не довольно ясно, потому что она непосредственно предшествует венчанию и как бы сливается с ним. Но есть местности, где свадьба совершается после церковных обрядов. Так, в южной части Макарьевского уезда Костромской губернии по просватаньи девушки до венца не бывает никаких пиров. После венчания молодые приезжают в дом женихова отца закусить, и затем жених отвозит невесту обратно в дом к ее отцу, где она живет неделю и больше. Жених навещает ее с своими гостями, у нее пируют, справляют девичник и т. д. В день свадьбы жених увозит невесту в дом к своему отцу, где она и остается навсегда. От венца и до свадьбы у повенчавшихся не бывает никаких су-

брание выражений, употребляемых на Камчатке. Москвитянин, 1842, № 3).

дружеских отношений; они считаются не мужем и женой, а женихом и невестой.³⁵

В Малороссии этот обычай был распространен повсеместно и потому давно обратил на себя внимание церкви и правительства. В 1744 г. был издан следующий синодский указ: «Известно ее императорскому величеству учинилось о являющихся в Малой России браках таких, что по отпращении церковного брачного таинства, того же времени разлучився, по несколько лет до называемого, по их обычаю, брачного веселия живут в разных домах, а некто из них после одного таинства и к вечному между собою разлучению поступают». «Синод предписал, не отпуская из церкви брачившихся, обязывать их письменно, чтобы они разлучно отнюдь не жили, под опасением епитимьи предлюбодеяния, а тем, которые вступили в брак и живут розно, велеть непременно жен своих взять для сожития к себе в дом».³⁶ Мера, предписанная Синодом, не имела никаких последствий, и в настоящее время *веселие* (свадьба) сохраняет в Малороссии то же значение, какое имело прежде. Народ не допускает до сожительства тех молодых, которые не справляют веселия. Если молодой умрет после венчания, но не справивши веселия, то молодая остается с названием *дівчини*. Точно так же молодая, умершая до веселия, считается *девушкой*.³⁷

Юридическое значение свадьбы высказывается еще яснее в тех редких случаях, когда православные вступают в брак без венчания. Есть указание на существование таких браков в Тульской³⁸ и Киевской³⁹ губер-

³⁵ Село Коврино. СПб. ведомости, 1874, с. 228.

³⁶ Полное собрание законов, № 9052.

³⁷ Чубинский. Очерки народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. Записки географического общества по отд. этнографии, т. 2, с. 689. А. Ефименко. Народные юридические воззрения на брак. Знание, 1874, № 1, с. 34. В этой прекрасной статье подробно изложена договорная сторона брака и отношение к ней действующего у нас законодательства. Но значение свадьбы и венчания выяснено мало. По-видимому, автор полагает, что венчание, по народному понятию, не имеет вовсе юридического значения. В Малороссии бывали, однако, случаи, что повенчавшиеся не справляли веселия, и народ признавал такие браки действительными.

³⁸ М. Пьянов. Ответ на заметку. Моск. ведомости, 1861, № 71.

³⁹ Однодневная перепись в Киеве. СПб. ведомости, 1874, № 71.

ниях. В Ярославской губернии мне известен один случай брака без церковного обряда.⁴⁰ Браки раскольников, не признающих священства, и потому заключаемые без венчания, считаются православными крестьянами за действительные. Бывают также случаи, что девушки, принадлежащие к православию, не венчаясь, выходят замуж за раскольников, причем обыкновенно справляется свадьба.

Все сказанное выше показывает, что венчание и свадьба имеют юридическое значение в глазах народа, но более важное значение имеет древнейший из этих обрядов — свадьба. Встречающееся изредка заключение браков при посредстве одного из этих обрядов с опущением другого объясняется их историей, той борьбой, которая происходила между учением церкви и обычаем в продолжение многих столетий, и тем положением, которое приняло в этой борьбе законодательство. Вследствие того, что закон не признает действительными христианских браков без венчания, обряд этот теряет иногда в глазах венчающихся всякое религиозное значение и рассматривается ими только как гражданский обряд, необходимый для законности брака. Так, например, принадлежащие к секте бегунов венчаются всегда в православных храмах, не придавая этому никакого религиозного значения.⁴¹

Второе место по богатству заключающихся в них материалов занимают статьи, касающиеся семейных отношений; но в них некоторые стороны семейной жизни разъяснены весьма мало. Так, например, они дают весьма скудные сведения о том положении, которое занимают в семействе незаконные дети; в них даже вовсе не указано, кто считается незаконнорожденным по народным понятиям, между тем как взгляд народа в этом отношении далеко не сходен с законом.

⁴⁰ Один весьма бедный крестьянин Мологского уезда заявил своему начальству, что он женится на жившей у него в работницах вдове солдатке, но венчаться не будет, потому что не может заплатить священнику.

⁴¹ Бывали браки и без венчания и без свадьбы. Таковы браки *убегом* раскольников, не признающих священства. Что бы заключенный союз получил общественное признание, вступающие в сожительство начинали часто ходить, взявшись за руки или держась за один платок, по базарам и вообще везде, где бывает большое стечение народа (*Нильский. Семейная жизнь в русском расколе, ч. 2, с. 159*).

Точно так же очень скудные сведения получаем мы из этих статей об усыновлении. Нигде не упоминается, исполняется ли при усыновлении обряд, установленный церковью (последование в сыноположение), или какой-нибудь другой, установленный обычаем.

В Ярославской губернии усыновление происходит посредством простой передачи усыновляемого его приемному отцу;⁴² но здесь сохранился один обряд, который, может быть, служил некогда символом усыновления, так как это значение он имел и у других народов.

В так называемой Мусоре (Пошеховского уезда) над вступающим в некоторые раскольничьи толки совершается обряд *перерождения*. Он происходит следующим образом. Женщину роженицу укладывают в постель; она должна охать и стонать, как при естественных родах. Над нею читают молитвы и по временам спрашивают ее: родишь ли, раба божия? Она отвечает: рожу в грехах и страдах. Вопрос этот и ответ повторяется три раза, после чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускают поступающего в раскол. Он выходит на свет как новорожденный перед всеми собравшимися раскольниками. Только после этого перерождения совершается над ним перекрещивание. Обряд этот существует и в соседнем Череповском уезде.⁴³

Подражание рождению как символ усыновления существовало у многих народов. С этим значением оно встречается в древнем мире⁴⁴ и в средние века в Западной Европе;⁴⁵ здесь вследствие юридической фикции усыновляемого клали под рубашку как приемному отцу, так и приемной матери. Впоследствии обряд этот изменился: усыновляемый подводился только под

⁴² Иногда, хотя и редко, усыновление совершается здесь с соблюдением обряда, установленного церковью.

⁴³ *А. Громачевский. Череповские раскольники. Заря, 1871, № 9, с. 124.* В Череповском уезде на роженицу надевают рубашку, запачканную кровью.

⁴⁴ *Bachofen. Das Mutterrecht, p. 254.*

⁴⁵ *Grimm, p. 484. Michelet. Origines du droit français, vol. 1, p. 124.* Раттиган в своем сочинении «*The Hindu Law of Adoption*» (p. 85) говорит, что в настоящее время в Индии при усыновлении существует обряд возрождения, *ceremonies of regeneration*, но он не объясняет, в чем именно состоит этот обряд.

плащ (mantella), почему и гораздо позднее, когда этот обряд уже уничтожился, узаконенные дети назывались mantellati.⁴⁵

По обычному наследственному праву собран довольно богатый материал. Ежели и встречаются здесь некоторые неясности относительно прав женщин на наследство, то это зависит, по-видимому, от того, что самый обычай наследования женщинами не вполне еще установился. Неопределенность обычая в этом отношении, замечаемая и в решениях сходов, представляет явление чрезвычайно любопытное, так как оно указывает на изменение в народных понятиях относительно прав женщин на семейное имущество.

Гораздо менее исследованы обычаи, касающиеся вещного права. Здесь первое место по числу статей занимает вопрос об общинном владении землею. Перед освобождением крестьян, в 1856 г. начался в русской литературе оживленный спор о русской общине и общинном землевладении. Спор этот имел в свое время большое значение ввиду готовившейся реформы; он продолжался и после освобождения крестьян и затих только в 1866 г. Хотя статьи, написанные в это время, касались преимущественно хозяйственной стороны вопроса, я счел необходимым указать их по возможности все, потому что экономическая сторона общинного владения находится в тесной связи с юридической его стороной и без изучения первой последняя не может быть вполне понята.

Правда, в этих полемических статьях приводится очень мало фактов, так как спор держался большей частью на теоретической почве, но и те скудные сведения, которые встречаются в них, важны, потому что с того времени изучение общинного владения землею мало подвинулось вперед. В течение последних восьми лет кроме газетных заметок напечатано всего три статьи об общинном землевладении, из которых одна только сообщает новые фактические данные. В докладе Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности не встречается также никаких новых фактических сведений об общинном владении землею. Первые примеры значительных затрат для улучшения общин-

ного хозяйства были приведены в прекрасной статье Ал. Л-ша *Община в Олонецкой губернии*, но такие затраты вовсе передки, и можно только удивляться, что они не были замечены раньше. В больших обществах земля не только переделывается между домохозяевами одной и той же деревни, но и уравнивается через известное число лет между селениями. Здесь, казалось бы, всего менее можно было ожидать улучшений в хозяйстве, так как отобранная от домохозяина земля может не возвратиться к нему и даже в его селение в продолжение многих десятков лет; но в действительности в таких обществах делают самые значительные затраты на улучшение земли. Это объясняется как большим удобством производить улучшения при владении обширным участком, так и большою возможностью для многочисленного общества затратить одновременно значительный капитал или произвести значительную работу.

В Угодичской волости Ростовского уезда Ярославской губернии во владении государственных крестьян села Якимовского с деревнями находилось обширное покосное болото. Для осушения его крестьяне прорыли канавы длиною около 5 верст. Работа эта была произведена самими крестьянами; как велика ее ценность, можно судить по тому, что за одну очистку этой канавы они заплатили впоследствии 720 р. Сбор сена на осушенном болоте увеличился, по показаниям крестьян, вдвое. В Копринской волости Рыбинского уезда земля находится во владении 51 селения (3000 душ). Здесь постоянно тратятся значительные суммы на улучшение общинного хозяйства. Так, в селе Коприне несколько лет тому назад употреблено 200 р. на осушение 30 десятин болота под пашню и под посев клевера. В последнее время там вновь распахано 11 десятин, на что израсходовано до 460 р. Работы эти были произведены по приговору крестьян села Коприно, в котором считается по 10 ревизии 137 душ. Подобные осушения болот и распахки есть в каждом селении этой волости. Гораздо менее улучшений встречается в мелких обществах.

Об общинном пользовании городской землею, насколько мне известно, вовсе не было упоминаемо до сих пор, между тем как оно представляет явление замечательное во многих отношениях.

⁴⁵ *Da Cange*, изд. 1840 г., под словом *Mantellanus*.

Для примера можно указать на способ пользования сенокосною землею, принадлежащею городу Мологе (Ярославской губернии). Луга разделены здесь на 11 участков, по числу городских сотен. Каждая из сотен пользуется отдельным участком, меняя его ежегодно на новый в продолжение 11 лет. Сотня избирает сотельника, который распоряжается уборкою сена на общий счет. Сено, сложенное в кошны, делится между горожанами, принадлежащими к сотне, по числу душ, обложенных платежом; купеческий капитал считается за семь душ. Этот порядок пользования землею существует издавна. Несколько лет тому назад губернское правление, заведывавшее городским хозяйством, приказало Мологской думе отдавать сенокосную землю в аренду с торгов, но распоряжение это не имело никаких последствий: доверенный сотни брал в аренду с торгов, производившихся только для формы, тот участок земли, который, по заведенной очереди, должен был достаться в тот раз его сотне. Затем уборка сена и раздел его происходили обыкновенным порядком. Такой способ пользования землею тем более имеет значение, что здесь не может быть и помину о круговой поруке, так как купцы не участвуют в платежах мещанского общества и не отвечают друг за друга. Впрочем, и в тех малочисленных сельских обществах, в которых по закону не существует в настоящее время круговой поруки, общинное владение осталось в своей силе. Все это доказывает, что круговое ручательство, хотя оно и тесно связано с общинным землевладением, не есть, однако же, непременно условие его существования.

В печати не раз высказывалось мнение, что крестьяне тяготеют общим пользованием землею, высказывалось не раз и мнение противоположное, но спор между защитниками и противниками общинного владения землею не мог быть решен окончательно, потому что ни те, ни другие не подтверждали своего мнения фактами или в доказательство приводили слишком частные, слишком исключительные случаи. В Ярославской губернии народ глубоко убежден в превосходстве общинного владения землею пред всякою другою формою землевладения. По статье 165 Положения о выкупе, общество обязано выделить отдельный участок домохозяину, уплатившему в казну

выкупную ссуду, причитающуюся на его часть. В Ярославской губернии с 1861 г. по ноябрь месяц 1874 г. внесена в казну 679 лицами выкупная ссуда за 1900 наделов и только 11 домохозяев потребовали выдела из общинного владения 39 принадлежавших им наделов и выдачи на них данных. Из 12 850 крестьян, выкупившихся до 1861 г. на волю от помещиков по особым с ними договорам, только один домохозяин заявил желание выделить свой участок к одному месту, между тем как на основании договоров и самого закона (808 статья IX т. Свода Законов) крестьяне обязаны были в течение определенного срока, давно уже истекшего, разделить всю землю на отдельные участки по числу домохозяев и перейти от общинного землевладения к владению землей на правах личной собственности. В некоторых селениях государственных крестьян, водворенных на казенной земле, были составлены несколько лет тому назад приговоры о разделе общинной земли на подворные участки. Целью этих приговоров было уничтожение круговой поруки, так как при подворном владении ее нет. Круговая порука была у них уничтожена, но земля не разделена на участки до настоящего времени, и общинное владение осталось у них по-прежнему.

Можно положительно сказать, что идеал ярославских крестьян составляет не личная собственность, а так называемый здесь черный передел, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна делиться между всеми по числу душ. Слух о близости такого черного передела распространился несколько лет тому назад с такою силою, что крестьяне, жадные здесь, как и везде, до земли, остановились покупкою дешево продававшихся тогда занедельных участков, и мне стоило большого труда убедить крестьян, приходивших ко мне за советом, что они могут без всяких опасений покупать землю и что черного передела не будет. Ярославские раскольники придают черному переделу религиозный характер: перед кончиною мира воцарится на земле правда, и тогда земля будет разделена равномерно между всеми.

Обычай, касающийся обязательственного права, исследованы весьма мало. Обрядовая сторона договоров была описываема весьма часто, но на внутреннее содержание, на исполнение их, на влияние, которое

имеют на них изменившиеся обстоятельства, было обращено весьма мало внимания.⁴⁷ Между тем мы встречаем здесь начало, чуждое писаному закону и заслуживающее самого подробного изучения. Формальная сторона договоров при исполнении их имеет второстепенное значение; здесь прежде всего прикладывается требование справедливости. Ежели вследствие изменившихся обстоятельств строгое выполнение договора не согласно с этим требованием, то его обязательная сила теряется: в некоторых случаях изменяются назначенные сроки, в других договор или вовсе уничтожается, или дает только право на вознаграждение убытков. Этот взгляд, корни которого лежат в истории и в экономическом быте народа, многими вовсе упускается из виду, что нередко ведет к самым ложным заключениям о народной жизни. Большая часть мнений о безнравственности народа, об отсутствии в нем уважения к закону происходит от приложения требований строгого закона (*juris stricti*) к таким случаям, к которым они вовсе не могут быть приложены по народным понятиям.

По обязательственному праву более всего материалов собрано об артелях: кроме многочисленных отдельных заметок мы имеем несколько подробных их описаний, прекрасную историческую монографию и, наконец, сборник, исключительно посвященный им и представляющий богатый материал для их изучения. Артели вовсе не составляют, как утверждали некоторые, исключительной принадлежности русской жизни; они встречаются у многих инородцев, и их первоначальные исторические формы мы находим у племен, стоящих на низкой степени развития. Происхождение артелей есть, несомненно, родовое: с этим характером они встречаются у инородцев и явные следы его видны на современных русских артелях, имеющих общий тип с русской семьей. Семья представляет у нас как это давно уже было указано Н. В. Калачовым, не только родственный, но и хозяйственный союз. Глава семейства, большею частью старший из родственников, носит название *хозяйина*. Хозяйственное значение

⁴⁷ Любопытные указания на некоторые особенности обычного договорного права сделаны в статье К. Д. Кавелина «Письма из деревни» (Моск. ведомости, 1860, № 192, 194).

семьи выступает еще яснее в тех случаях, когда главою семьи является не старший по родству, а более способный распоряжаться хозяйством. В общине, экономический быт которой тесно связан с экономическим бытом отдельных семейств, нередко случается, что, по решению мира, власть главы семейства отнимается у отца, неспособного вести хозяйство, и передается сыну. Случается также иногда, что по смерти главы семейства власть его переходит не на старшего по родству, а на более способного, по избранию его всеми членами семьи. Домохозяин, ежели считает нужным, советуется о хозяйственных делах с другими членами семейства; но никто не вправе стеснять его в его распоряжениях; только при разделе семейства он отдает отчет в своих действиях лицам, имеющим одинаковые с ним права на семейное имущество. По типу семьи сложилась и артель: распорядитель, избранный артельщиками (артельный староста), становится временным хозяином дела. Только при разделе заработка он отдает артели отчет. Ежели артель заметит, что распорядитель дурно ведет дело, она сменяет его и избирает другого. Сходство артели и семьи указывает на их историческую связь и объясняет как достоинства, так и недостатки артели. Как на главные ее недостатки указывают на юридическую неопределенность отношений ее членов к артельному старосте, на полное фактическое подчинение первых последнему и на отсутствие должного контроля во время ведения общего дела. Для избежания этих недостатков некоторые советуют издать для всех артелей общие нормальные правила, которые бы ограждали артельщиков от злоупотреблений со стороны старост. Ежели бы и были изданы общие правила, то, по всей вероятности, они остались бы мертвою буквою, и это был бы самый счастливый исход для артельного дела, который по своему разнообразию не может подчиниться регламентации. При всех своих недостатках артель имеет одно великое достоинство: она с одинаковою легкостью применяется к самым разнообразным условиям жизни; то является она чисто промышленным товариществом, то принимает вид общины с твердым управлением, со своим судом и расправой (в Архангельской губернии и в Сибири). Она представляет такое живое народное начало, что образуется иногда без предварительного

согласия составляющих ее лиц, являясь обязательною формою товарищества, как например в тюремной артели. Тюремная артель находится в тесной связи с тюремною общиною, которая благодаря замечательному труду Н. М. Ядринцева (*Русская община в тюрьме и ссылке*. СПб., 1872) в настоящее время нам лучше известна, чем сельская община, бывшая предметом продолжительного литературного спора и более доступная для изучения.

Относительно сельской общины мы встречаем только отрывочные заметки, дающие самые смутные о ней понятия. Даже в книге П. С. Ефименко (*Народные юридические обычаи в Архангельской губернии*), все сочинения которого отличаются большою полнотою и близким знакомством с народною жизнью, мы не находим полной картины крестьянского управления, а только описание мирского схода и выборов. Понятно, что при таком малом знакомстве с сельскою общиною о крестьянском самоуправлении высказываются самые противоположные мнения. Так, например, из *доклада Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства* мы видим, что, по мнению одних, решающий голос на сходах имеют богатые крестьяне,⁴⁸ по мнению других, главными деятелями и решителями на сходах являются хозяева, дурно ведущие свое хозяйство и не платящие повинностей.⁴⁹

Хотя в Положении 19 февраля 1861 г. определен круг действий сельского схода, но в действительности сход решает много и таких дел, обсуждение которых не предоставлено ему законом: он нередко постановляет судебные приговоры и вмешивается иногда в частную жизнь лиц, живущих в обществе.

⁴⁸ Приложение II, отдел I, с. 20; отдел IX, с. 9.

⁴⁹ Доклад, с. 36 и Приложение II, отдел IX, с. 9 и след. Некоторые из лиц, утверждающие о преобладании на сходах бедных крестьян, высказали, впрочем, и вообще весьма малое знакомство с народною жизнью. По их мнению, «необходимо издать закон, лишаящий недоимщиков, сколько бы их ни было, права голоса на сельском сходе, исключая случаи передела полей и отбывания рекрутской повинности» (Приложение II, отдел IX, с. 10). Есть общества, в которых вследствие обременительности платежей недоимка числится на всех без исключения домохозяевах. В таких обществах все дела должны бы были остановиться и выборы должностных лиц были бы невозможны.

Н. В. Калачов в своей статье *Юридические обычаи в некоторых местностях*⁵⁰ говорит, что в некоторых помещичьих имениях заключение браков решалось по определению сходов, особенно когда невеста была сирота. По словам А. Ефименко,⁵¹ общество иногда принуждает молодых людей сочетаться браком, если находит это необходимым по своим соображениям, экономическим или нравственным. Этот обычай, по всей вероятности, в настоящее время совершенно уничтожился; мне, по крайней мере, неизвестно ни одного подобного принудительного брака после освобождения крестьян. Разлучение супругов (называемое крестьянами *разводом*) по приговору сходов встречается довольно часто. Развод совершается большею частью по согласию обоих супругов, но иногда и по требованию одного из них. Общество, утверждая развод, определяет и последующие взаимные отношения супругов.⁵²

В некоторых местностях сход обсуждает завещания и утверждает их, ежели признает правильными.⁵³ Иногда сход постановляет приговоры, касающиеся лиц, не принадлежащих к обществу. В одном селении Ярославского уезда общество запретило вдове бобылке пускать к себе в дом приходившего к ней в гости солдата, заводившего в пьяном виде постоянные ссоры со всеми. В другом селении (того же уезда) общество объявило солдату, подозреваемому в намерении произвести поджог, чтобы он никогда не приходил в селение, под страхом жестокого наказания. В 1861 г. удельные крестьяне села Котовки Белоголовницкого приказа Трубчевского уезда, находя, по многим об-

⁵⁰ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, 1859, II.

⁵¹ Народные юридические воззрения на брак. Знание, 1871, № 1. В статье этой не приведено, впрочем, ни одного примера принудительного брака по приговору схода.

⁵² В Ярославской губернии муж не обязывается содержать уходящую от него жену, но жена обязывается иногда помогать мужу. В 1865 г. Зяблицкое общество (Ярославского уезда) составило приговор о разводе крестьянина Григория Данилова с женою его Маврою Степановою, дав свободу последней проживать отдельно от мужа «в предупреждении всех неприятностей друг другу». При этом Мавра Степанова обязалась доставлять ежегодно мужу пять рублей и три пары белья.

⁵³ Труды Комиссии по преобразованию волостных судов, т. 3, с. 129.

стоятельствам, неудобным иметь у себя вдового священника, постановили приговором водворить к нему в дом вдову солдатку, изъявившую на то согласие. Приговор этот был засвидетельствован в приказе и приведен в исполнение. Все эти случаи, без сомнения, не вполне определяют круг деятельности сельских сходов. Более подробное изучение этого вопроса, почти не затронутого литературой, необходимо для верного определения юридического и нравственного характера общины. О решении сельскими сходами судебных дел будет сказано ниже.

Крестьянский суд имеет восемь следующих форм.

1. Самосуд.
2. Семейный суд.
3. Третейский суд.
4. Суд соседей.
5. Суд сельских судей.
6. Суд сельского схода.
7. Суд волостного схода.
8. Волостной суд.

Эти различные формы суда исследованы далеко не одинаково.

Самосуд есть личная расправа лица, потерпевшего от преступления; при этом в наказании виновного принимают иногда участие и лица посторонние. Описание самосуда, встречаемые преимущественно в кратких газетных известиях, не дают полного об нем понятия; они относятся к случаям исключительным, замечательным большею частью по жестокости наказания.

В каких случаях народ считает самосуд дозволенным и какое соотношение должно быть, по его мнению, между наказанием и преступлением? Этот вопрос остается до сих пор совершенно невыясненным.

Относительно семейного суда есть только краткие и весьма неопределенные указания на право отца наказывать детей и других подчиненных ему членов семьи и в особенности право мужа наказывать жену.

О третейском суде ничего неизвестно, кроме того, что он существует в некоторых местностях.⁵⁴

О суде соседей упоминают: П. П. Чубинский в

⁵⁴ Там же, т. 2, с. 177, 204, 219, 251; т. 3, с. 386; т. 4, с. 279, 294, 339; т. 5, с. 33, 38 [и др.].

Очерках юридических обычаев в Малороссии и П. С. Ефименко в своей книге Народные юридические обычаи в Архангельской губернии. Кроме того, есть краткие указания на него в Трудах Комиссии по преобразованию волостных судов.⁵⁵

Разбор дел сельскими судьями, нарочно для этого выбранными обществом, существует в немногих местностях. Сельские судьи иногда мирят только в мало-важных делах,⁵⁶ иногда приговаривают виновных к наказанию.⁵⁷ Вообще они составляют низшую ступень суда; но в Хомутецкой волости Миргородского уезда сельские судьи разбирают дела, решенные волостным судом, когда одна из сторон остается недовольною его приговором.⁵⁸

Участие сельского схода в рассмотрении судебных дел в разных местностях весьма различно. В некоторых волостях сельские сходы вовсе не обсуждают судебных дел;⁵⁹ в других они решают только споры по наследству и разделу имущества.⁶⁰ Дела этого рода большею частью обсуждаются сельскими сходами и только в случае заявленного неудовольствия на решение схода поступают в волостной суд.⁶¹ В некоторых волостях дела о разделе имущества решаются сельскими сходами окончательно и вовсе не доходят до волостного суда.⁶² В других обществах к суду сельского схода обращаются редко⁶³ или только по самым мало-важным делам.⁶⁴ Наконец, есть волости, в которых все судебные дела разбираются на сельском сходе, причем сход или постановляет решение, или только мирит стороны.⁶⁵

Сход для разбирательства судебных дел бывает или полный, состоящий из всех домохозяев, или малый, на

⁵⁵ Там же, т. 4, с. 339, т. 6, с. 743.

⁵⁶ Там же, т. 5, с. 140.

⁵⁷ Там же, т. 3, с. 218; т. 5, с. 153; т. 6, с. 455.

⁵⁸ Там же, т. 4, с. 502.

⁵⁹ Там же, т. 1, с. 279, 334, 433; т. 2, с. 553; т. 3, с. 19, 74 [и др.]; т. 4, с. 104, 111 [и др.]; т. 5, с. 43 и 442.

⁶⁰ Там же, т. 1, с. 1, 3, 313 [и др.].

⁶¹ Там же, с. 204, 339 [и др.]; т. 2, с. 7, 53 [и др.].

⁶² Там же, т. 1, с. 3, 12, 15 [и др.]; т. 2, с. 218 [и др.]; т. 6, с. 262, 723.

⁶³ Там же, т. 2, с. 501; т. 6, с. 664. Ефименко. Народные юридические обычаи Архангельской губернии, с. 229.

⁶⁴ Там же, т. 2, с. 513, 588; т. 3, с. 380; т. 4, с. 338 [и др.].

⁶⁵ Там же, т. 1, с. 57, 76, 84, 94, 122 [и др.].

который созываются только некоторые. Состав малого схода весьма различен; иногда сход состоит из нескольких стариков,⁶⁶ приглашаемых для разбора дел старостою;⁶⁷ иногда в нем участвуют только домохозяева, избранные в волостные судьи⁶⁸ или выборные на волостной сход.⁶⁹

Порядок производства дел на сходе мало известен; только в сочинении П. С. Ефименко *Народные юридические обычаи в Архангельской губернии* (с. 229 и 239) встречаются некоторые подробности о судебных сходах в Шенкурском уезде. Подробное изучение решений судебных дел сельскими сходами представляет особую важность, так как решения эти основываются исключительно на обычае и самые наказания, назначаемые сходом, большею частью значительно отличаются от наказаний, назначаемых по закону.

Разбирательство судебных дел волостными сходами бывает очень редко. Оно встречается в губерниях: Владимирской, Киевской, Самарской и Саратовской.⁷⁰

Все вышеперечисленные формы суда установлены обычаем; закон признает один только суд — волостной. До волостного суда доходит сравнительно небольшое количество дел. В тех местностях, где не в обычае обращаться к сельскому суду, обиженная сторона обращается к старосте, который старается окончить дело миром.⁷¹ Если дело не решено сельским судом или стороны не примирены сельским старостою, то помирить их старается волостной старшина, и только в случае неуспеха его убеждений дела поступают в волостной суд.⁷²

О волостных судах еще недавно высказывались самые противоположные отзывы. Общественное мнение было против них; в литературе немногие голоса раздавались в их защиту. В настоящее время благодаря *Трудам Комиссии по преобразованию волостных судов*

⁶⁶ Стариками называются домохозяева, какого бы возраста они ни были.

⁶⁷ *Труды Комиссии...*, т. 1, с. 540.

⁶⁸ Там же, с. 296, 516.

⁶⁹ Там же, с. 389, 423 [и др.].

⁷⁰ Там же, т. 2, с. 26, 28, 43 [и др.]; т. 3, с. 21, 25; т. 4, с. 44, 348.

⁷¹ Там же, т. 1, с. 101, 279, 321 [и др.].

⁷² Там же, с. 259, 273, 292; т. 2, с. 2, 24 [и др.].

и *Трудам этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край* каждый может судить, насколько были правы те или другие отзывы. Сведения, собранные Комиссией, уясняют и взаимные отношения различных форм крестьянского суда. Волостной суд стоит во мнении крестьян выше сельского суда, и если последний удерживается, то потому что он доступнее и решает дела скорее.

Есть волости, где сельский суд уже не существует или решает только споры, имеющие близкое отношение к хозяйственному быту целой общины, каковы, например, споры о поземельном владении, о наследстве и т. п. Нередко в одной и той же волости селения, ближайšie к волостному правлению, никогда не обращаются к сельскому сходу, между тем как он решает большинство дел в дальних селениях. Поэтому учреждения одного суда на несколько волостей, изъятие из его подсудности тех или других дел будет иметь непременно последствием усиление сельских судов. Труды Комиссии, в которых напечатано более 10 000 решений волостных судов, представляют богатый материал для изучения обычного права, в особенности гражданского.

Уголовное обычное право до сих пор весьма мало исследовано; поэтому неудивительно что о нем высказываются мнения, противоречащие друг другу. Одни утверждают, что народ относится к преступникам с крайней суровостью, и в подтверждение своего мнения указывают на жестокость крестьянского самосуда, на мучительные истязания, которым подвергаются не только уличенные, но и заподозренные в преступлении, на строгость обычных наказаний. Другие утверждают, что народ относится к преступникам необыкновенно мягко и в доказательство этого указывают на щедрую милостыню, подаваемую заключенным в острогах, на повсеместное название осужденных преступников *несчастными* и на совершенную (по обычаю) безнаказанность преступления в случае прощения виновных обиженною стороною.

Такое противоречие во взглядах происходит оттого, что обыкновенно не различают отношения народа к преступникам, находящимся на свободе и имеющим возможность вредить обществу, от отношения его к тем, которые лишены этой возможности. К первым

народ относится с чрезвычайною строгостью; на вторых он действительно смотрит как на несчастных и называет их этим именем. Во многих местностях преступление не наказывается, когда потерпевшая сторона прощает преступника или мирится с ним.⁷³ Мирная сделка по делам уголовным может быть заключена и после объявления судебного решения.⁷⁴ Безнаказанность виновных в этом случае происходит не от мягкого отношения народа к преступникам, а от того, что в некоторых местностях до сих пор сохраняется взгляд на преступление как на гражданское нарушение права. *Не дело судить, когда стороны идут на мировую*, — сказал один крестьянин членам Комиссии по преобразованию волостных судов.⁷⁵ Вследствие такого взгляда, ежели обвиняющий в краже не явится на суд в день, назначенный для разбирательства по его жалобе, то дело прекращается.⁷⁶

Ежели мировой сделки нет, то преступник наказывается строго; при этом заметим, что в большей части волостей мирная сделка по уголовным делам вовсе не допускается.

Строгость крестьянского самосуда всем известна: опасный преступник, застигнутый на месте преступления, нередко подвергается истязаниям, подобные которым встречаются только у дикарей и которые часто кончаются смертью. Строгость наказания при самосуде вызывается иногда безвыходностью положения, в которое бывают поставлены не только отдельные лица, но и целые сельские общества. Уездная полиция при малом ее составе и при огромных пространствах, на которых приходится ей действовать, не в силах ограждать крестьян ни от воровства, ни от грабежей, ни от поджогов. Преступник действует иногда чрезвычайно ловко; вследствие этого доказать пред судом его преступление (например, поджог) бывает трудно, а иногда и совершенно невозможно. Часто своими угрозами жестокой мести он держит в страхе целые селения; боятся взять его и представить в полицию, так как он может бежать из тюрьмы и из ссылки и

⁷³ Там же, с. 58, 77, 85 [и др.].

⁷⁴ Там же, с. 416, 504 [и др.].

⁷⁵ Там же, т. 2, с. 37.

⁷⁶ Там же, т. 4, с. 280.

сжечь селение. Поэтому сельские сходы нередко определяют судить своим судом такие преступления, которые подсудны только окружному суду. Приведу несколько примеров. Ельшанское общество Мало-Дмитровской волости Аткарского уезда отличалось чрезмерным развитием пьянства и, кроме того, многие из крестьян этого общества занимались конокрадством как промыслом. Ельшанский сельский сход, по предложению волостного старшины, постановил, чтобы крестьяне *по всем делам*, в том числе и по обвинению в конокрадстве, разбирались у своих сельских судей. Обвиняемые немедленно приводились десятскими в сельский суд; приговоры были строгие: были случаи, что уличенным в конокрадстве назначали до 200 ударов розгами.⁷⁷ В 1872 г. был следующий случай назначения казни по приговору сельского схода. Крестьяне деревни Григорьевской (Самарской губернии) составили приговор об удалении из общества односельца Василия Андропова. Андронов был сослан в Сибирь, но бежал и пришел в деревню Григорьевскую, чтобы отомстить обществу: у одних он производил воровство, у других поджоги, третьим угрожал убийством. Крестьяне 3 декабря 1872 г. собрались на сходку и определили поймать Андропова и порешить с ним. В сумерки вся сходка под предводительством сельского старосты окружила дом, в котором скрывался Андронов. Он был найден и убит.⁷⁸

О строгости большей части обычных наказаний будет сказано ниже.

Совершенно другое отношение имеет народ к содержащимся в тюрьмах и осужденным в ссылку. Не чувство отвращения или презрения внушают они ему, но чувство глубокой жалости. Во многие остроги поступают щедрые подавания, особенно перед большими праздниками. При проходе ссыльных крестьяне снабжают их съестными припасами, дают им деньги. В Тобольской губернии, как мне случалось видеть самому, нередко целая толпа крестьянок выходит за околицу и раздает хлеб и пироги проходящему мимо этапу. В городе Верее Московской губернии есть в высшей

⁷⁷ Там же, т. 6, с. 455.

⁷⁸ СПб. ведомости, 1873, № 10 (из Самарских губ. ведомостей).

ведную дачу, и просили дать им по два бревна на двор, чтобы можно было в случае обыска сослаться на отнук из помещичьего леса. Просьба эта была удовлетворена немедленно. Умышленный переруб в участках казенного леса, взятых с торгов, не считается грехом покупателями, к какому бы сословию они ни принадлежали. Известно, что и лица духовного сословия принимают участие в самовольных порубках и наравне со всеми другими не считают предосудительным покупать бревна и дрова, похищенные крестьянами из казенных или помещичьих дач.

В некоторых местностях не считается также преступлением: *облов* рыбы в чужих водах⁸⁴ и взятие овощей с чужих полей.⁸⁵ В Земле Войска Донского существует особого рода похищение хлеба. В неурожайные годы люди недостаточные бывают в самом безвыходном положении, между тем у людей зажиточных иногда большое количество немолоченного хлеба находится в степи на току. Нуждающиеся в таком случае берут его самовольно взаймы. Похищенный хлеб привозится назад при первом хорошем урожае и складывается на том же самом месте. Отдают всегда больше двумя или тремя копнами. При похищении хлеба иногда оставляют записку, привязав ее к колу на том же току; в ней объясняется, что хлеб взят из крайней нужды и при первом урожае будет возвращен с прибавкой.⁸⁶

Дела о воровстве, как уже было указано выше, в некоторых местностях начинаются не иначе, как по жалобе хозяина украденной вещи, и прекращаются мировой сделкой. Этот порядок судебного производства дел есть сохранившийся остаток того состояния общества, при котором все преступления считались нарушением только частного права.

Один суеверный обычай, приуроченный к празднику, пользующемуся повсеместно большим уважением народа, показывает, по-видимому, что когда-то и религия (языческая) не относилась к воровству враждебно.

⁸⁴ Журнал М-ва гос. имуществ, 1851, № 12, с. 447. *Ефименко*. Народные юридические обычаи в Архангельской губернии, с. 222.

⁸⁵ *Ефименко*, с. 227.

⁸⁶ Труды обл. Донского статистического комитета, 1874, с. 163.

В Пензенской губернии существует обычай *заворовывания*. Крестьяне верят, что укравший благополучно в ночь перед *Благовещением* может целый год воровать, не опасаясь, что его поймут. Вследствие такого поверья воры по ремеслу стараются совершить кражу в *благовещенскую* ночь; при этом они гонятся не за ценностью вещи, а только за искусным и ловким совершением кражи. Крестьяне стараются в эту ночь обеспечить себя на целый год от штрафов за самовольные порубки; вещь, взятую тайком у соседа, они возвращают ему на следующее утро.⁸⁷

К ворам по ремеслу крестьяне относятся весьма строго. Волостные суды приговаривают за кражу большей частью к высшей мере телесного наказания, к 20 ударам розгами. Наказания, назначаемые за это преступление сельскими сходами, бывают обыкновенно не только строги, но и жестоки. Конокрадство считается преступлением более тяжким, чем всякое другое воровство, исключая кражу церковных денег и утвари. Особый вид кражи меда, через напуск пчел на чужие ульи, по словам одного ярославского крестьянина, равняется церковной татьбе. Воры по ремеслу нередко разрывают могилы вследствие суеверного убеждения, что кражу легко совершить тому, кто имеет при себе палец или руку мертвеца⁸⁸ или свечу, слитую из человеческого жира.⁸⁹ По убеждению некоторых, свеча для этого должна быть сделана из жира некрещеного младенца.⁹⁰ Хозяин, у которого воруют, замирает, на него нападает глубокий, непробудный сон, и воровство совершается без препятствий. Вообще разрытие могил весьма редко совершается с целью ограбления мертвых, большей частью оно производится под влиянием народного суеверия и часто считается не преступлением, а гражданским долгом. Для того чтобы избавиться от посещений умершего колдуна, перевертывают мертвеца лицом вниз и в спину ему вбивают осиновый кол. В Минской губернии считают для этого необходимым отрубить у мертвеца голову и положить

⁸⁷ Памятная книжка Пензенской губернии на 1870 г., с. 138—139.

⁸⁸ Вятские губ. ведомости, 1871, № 33.

⁸⁹ Моск. ведомости, 1873, № 64.

⁹⁰ Могилевские ведомости, 1871, № 46.

ее у его ног.⁹¹ В Каменецком уезде Подольской губернии тело повесившегося крестьянина села Ляты вследствие убеждения, что оно отводит дождь, было два раза вырываемо из могилы крестьянами, на земле которых оно было зарыто.⁹² На кладбище села Бабинского Вятского уезда был вырыт и разрезан труп младенца, для того чтобы достать запекшейся крови, употребляемой как лекарство.⁹³

Суеверие приводит иногда к более важным преступлениям, например к убийству. Крестьяне не считают грехом убить колдуна, от тайных действий которого никто не может уберечься. При опахивании крестьянками селения для ограждения его от повальной болезни, всякий попавшийся на дороге считается *смертью*, против которой совершается обряд, и потому его бьют без жалости и чем попало. Всякий, завидя шествие, старается или бежать, или спрятаться из опасения быть убитым.

По народному убеждению, повальная болезнь прекращается, ежели зарыть живого человека в могилу; в 40-х гг. в одном селении для прекращения холеры столкнули в приготовленную могилу старуху и живую засыпали землей.⁹⁴

Для сравнительного изучения понятий разных слоев общества об относительной важности преступле-

⁹¹ Казанские губ. ведомости, 1871, № 25.

⁹² Там же, 1872, № 54.

⁹³ Вятские губ. ведомости, 1871, № 33. Народные способы лечения независимо от существующих суеверий имеют большое влияние на совершение преступлений. Так, например, скотоложство считается по закону весьма важным преступлением, и народ, хотя и не придает ему такой важности, признает его действием недозволенным; между тем в некоторых местностях лошадь считается лучшим средством от лихорадки (Гласный суд, 1866, с. 50).

⁹⁴ Такое погребение живой женщины имеет, очевидно, значение умиловительной жертвы. При опахивании бывали случаи самопожертвования: бросали жребий, и на кого он падал, того зарывали живьем в яму с петухом и черною кошкою (*Терещенко*, т. 6, с. 42—43). В Архангельской губернии ходят рассказы о принесении человеческих жертв водяному в 20-х гг. нынешнего столетия (Архангельские губ. ведомости, 1872, № 76). В Туруханском крае один крестьянин для спасения себя и своего семейства от повальной болезни, свирепствовавшей в 1861 г., принес в жертву свою родственницу, девочку: закопал ее живую в землю (*Трегьяков*, Туруханский край. СПб., 1871, с. 314; Дело, 1872, № 3, с. 83).

ний почти вовсе нет данных. Между тем понятия эти не всегда сходятся; так, например, различие во взглядах на важность личной обиды весьма значительно. *Брань на воротах не виснет*, говорят крестьяне, и действительно, брань и ругательства сами по себе не считаются оскорблением, если только они не высказываются лицу, которое по своим летам, положению или по личным отношениям к ругающему имеет право на особенное от него уважение. Ругательства считаются у крестьян только тогда оскорблением, когда в них заключается обвинение в чем-нибудь позорном, например в воровстве. Нанесение обиды действием имеет у крестьян также совершенно другое значение, чем у дворян, оно вовсе не рассматривается ими как *кровная обида*.⁹⁵ Самый способ нанесения личной обиды различен у этих двух сословий. Так, например, у крестьян есть особый способ оскорбления женской чести, а именно вымазывание ворот дегтем. Такое же значение имеет отрезание косы у женщины или у девушки. В Ярославской губернии сорвание шапки на улице считается самым тяжким оскорблением для мужчины.

Об обычных наказаниях мы встречаем только отрывочные сведения.

Главные виды этих наказаний следующие.

1. Смертная казнь.
2. Тюремное заключение.
3. Телесные наказания.
4. Различные виды посрамления.
5. Запряганье в повозку.
6. Денежный штраф.
7. *Напой*.
8. Общественные работы.
9. Земные поклоны.
10. Церковное покаяние.

Смертная казнь очень редко определяется по приговору общества.⁹⁶ Она назначается не вследствие особенной важности совершенного преступления, но вследствие страха, внушаемого преступником, в осо-

⁹⁵ Выражение *кровная обида* обозначает у крестьян важное нарушение права, от чего бы оно ни произошло: от преступления, несоблюдения договора и т. д. Происхождение этого выражения относится, очевидно, ко времени господства кровавой мести.

⁹⁶ Один из таких приговоров приведен выше.

бенности при угрозах его сжечь селение. Гораздо чаще преступник лишается жизни при самосуде частных лиц. Смерть его иногда бывает случайным последствием наказания, но иногда сторона, потерпевшая от преступления, имеет прямое намерение порешить преступника.

Тюремное заключение назначается редко и притом только за маловажные проступки, но женщины и стариков, избавленных от телесного наказания, сажают по приговору волостных судов в арестантскую за воровство и другие тяжкие проступки. В некоторых волостях существуют особо устроенные для этого помещения, в других сажают в подполье. Наказание это, сколько мне известно, никогда не назначается сельскими сходами.

Самое распространенное и самое употребительное наказание есть наказание розгами.⁹⁷ Волостные суды приговаривают к нему преимущественно за воровство, тяжкие обиды, неповиновение родителям или властям, пьянство, соединенное с буйством и растратой имущества, и за неплатеж податей. Иногда к этому наказанию приговаривают за неисполнение договора, ежели неисполнение это зависит от явной недобросовестности.⁹⁸ В очень немногих волостях наказание это или вовсе не назначается волостным судом,⁹⁹ или назначается только по требованию родителей.¹⁰⁰

Наказание розгами по решению волостных судов производится обыкновенно в здании, занимаемом волостным правлением, но иногда оно производится и на улице; так, один из волостных судов Саратовской губернии приговорил однажды к наказанию розгами в селе, на перекрестке двух дорог.¹⁰¹ Сельские сходы приговаривают к телесному наказанию весьма часто. Не стесненные никаким законом, они секут жестоко и мужчин и женщин.¹⁰² К телесному наказанию в неко-

⁹⁷ Не так давно станичные общества в Земле Войска Донского приговаривали к наказанию плетью (Труды обл. Донского статистического комитета, 1874, т. 2, с. 156).

⁹⁸ Труды комитета о волостных судах, т. 1, с. 391.

⁹⁹ Там же, т. 5, с. 6, 44.

¹⁰⁰ Там же, с. 32.

¹⁰¹ Там же, т. 6, с. 473.

¹⁰² Волостные суды хотя редко, но тоже приговаривают женщин к розгам (Труды комитета..., т. 5, с. 37, 38).

торых случаях присоединяется публичное посрамление преступника. Воров крестьяне срамят повсеместно, малороссы же кроме того срамят виновных в развратном поведении.

Вору, пойманному с поличным, связывают руки и надевают ему на шею или привязывают на спину украденную вещь: кусок полотна, сноп хлеба, живую курицу и т. п. Ежели он украл сено, его обвязывают сеном, ежели украл овцу, на него надевают овечью шубу. Иногда на него надевают хомут, сделанный из соломы, или раздевают его донага, обмазывают дегтем и обсыпают перьями.¹⁰³ Виновного водят по селению в сопровождении толпы; при этом играет музыка, бьют в сковороды, ведра, заслонки, звонят колокольчиками и бубенчиками, стреляют из ружей и посят жерди с привязанными на них платками.¹⁰⁴ По своей обстановке наказание это напоминает торжественный привод пленника, захваченного враждебным ему племенем или родом. Может быть, таково и было его историческое начало. Ежели в воровстве попалась женщина, то ее или обнажают, или поднимают ей подол и навешивают на нее украденную вещь: обматывают холстом, ежели похищен холст, надевают на шею наизаный на веревку картофель, ежели она украла картофель, и т. д.¹⁰⁵ Подобное наказание за воровство бывает весьма часто. Считаю нелишним привести описание одного случая, бывшего в 1874 г. Крестьянка села Ермакова (Пошехонского уезда Ярославской губернии) Катерина Евдокимова была обвинена в похищении полотна. Сельский сход признал ее виновною и решил раздеть ее донага и, обертев полотном, водить по улице. Евдокимова не дала раздеть себя совершенно; тогда ее обнажили до пояса, обертели полотном, привязали ей руки к колу и в сопровождении толпы народа водили по улице, при этом звонили в колокольчики и бубенчики и били в заслонки.¹⁰⁶

В великорусских губерниях наказание это применяется к другим проступкам весьма редко. Мне, по

¹⁰³ Там же, т. 4, с. 28; т. 5, с. 25, 37 [и др.]; т. 6, с. 96, 437.

¹⁰⁴ Там же, т. 6, с. 473; Моск. ведомости, 1871, № 195.

¹⁰⁵ Гласный суд, 1866, № 50.

¹⁰⁶ Так описан этот обряд в донесении Ермаковского волостного старшины.

крайней мере, известен один только случай, когда этот обряд был совершен над виновным в неисполнении требований сельского старосты. В 1871 г. крестьянин деревни Сомовой (Оренбургской губернии) Абрам Петров Лабутин был призван на сельский сход, где сельский староста и сотский, обвиняя его в том, что он разбил стекло в окне у крестьянки Синельниковой, требовали, чтобы он заплатил за это. Лабутин отказался исполнить их требование, за что, по распоряжению старосты, стали возить его по улице в маленьких санках, с навязанным на спину узлом, в сопровождении большой толпы крестьян. При этом многие били Лабутина и плевали на него; один из крестьян бил в железную меру, а Синельникова шла за Лабутиным с платком, привязанным к жерди, и с метлою. Против домов старосты и сотского шествие останавливалось, барабанный бой в железную меру усиливался и один из крестьян делал выстрел из ружья.¹⁰⁷

Малороссы наказывают за разврат публичным посрамлением и сечением. На девушку, виновную в *баловстве*, надевают соломенный хомут и водят ее по селению;¹⁰⁸ то же делают и с отцом за то, что он не углядел за дочерью.¹⁰⁹ Иногда *покрывают* девушку, т. е. повязывают ей голову платком как замужней и водят по улице.¹¹⁰

Женщину за разврат привязывают к столбу у ворот,¹¹¹ или, посадив в телегу вместе с ее полюбивником, возят ради смеху, называя виновных новобрачными,¹¹² или, обнажив их, водят по улице.¹¹³ При этом виновной женщине остригают иногда волосы и почти всегда секут ее. Вот несколько случаев такого наказания.

В одном из селений Волынской губернии крестьянин Никита Евд очень дурно обращался с женой и вступил в связь с другою женщиной. За это громада

¹⁰⁷ Моск. ведомости, 1871, № 195.

¹⁰⁸ Труды Комиссии..., т. 5, с. 85, 138.

¹⁰⁹ Там же, с. 139.

¹¹⁰ Девушка, над которою было исполнено это наказание, называется *покрыткою* (Труды комиссии..., т. 5, с. 161; т. 6, с. 96).

¹¹¹ Труды Комиссии..., т. 4, с. 28.

¹¹² Там же, т. 5, с. 120.

¹¹³ Там же, с. 399.

присудила его к денежному штрафу: один рубль он должен был заплатить в *громадский скарб* и два рубля в пользу церкви. Что же касается до женщины, с которою Никита имел связь, то громада присудила дать ей в различных трех местах села по пяти розог и остричь ей голову.¹¹⁴

В селе Познанке Балтского уезда крестьяне, заподозрив вдову Оксану Верещиху в незаконной связи с сельским писарем, раздели ее донага, заковали в железа и привязали к столбу, у которого она простояла всю ночь, до 9 часов утра. Они предлагали ей купить ведро вина, хотя они взяли уже ведро под залог ее платка и кожуха. Так как у нее не было денег, то присудили провести ее с музыкой по улице, в сопровождении старосты и народа, и высечь розгами. По постановлении такого приговора толпа тропулась в путь. Впереди шла музыка, вслед за ней Верещиха, потом староста и народ. Осужденную семь раз провели по улице; в это время ее били кулаками, секли розгами и пили водку. Наконец Верещиху привели к ее дому, снова избили и отпустили на все четыре стороны. Во время наказания на голову Верещихи надели соломенный венок с будяками (репейником) и заставляли ее танцевать.¹¹⁵ Несколько лет тому назад в Харьковской губернии были преданы суду крестьяне за истязания, совершенные над одною женщиною. Ее и дворового человека, находившегося с нею в связи, раздели, вымазали дегтем и водили по селу. Их привязывали, с скрученными назад руками, к стенам арестантской и заковывали в конские путы. Кроме того, ее приковывали к столбу.¹¹⁶

¹¹⁴ Киевлянин, 1865, № 32.

¹¹⁵ Там же, 1870, № 131.

¹¹⁶ Казанские губ. ведомости, 1871, № 56. Обычай срамить за разврат был некогда весьма распространен в Европе. У германцев публичное посрамление употреблялось и как наказание, и как обряд развода. «Прелюбодеяния у столь многочисленного народа, — говорит Тацит, — весьма редки; наказание их совершается немедленно и предоставляется самим мужьям. Муж, обрезав жене волосы, обнаженную выгоняет ее из дому в присутствии родственников и гонит ее ударами плети через все селение» (De mor. Germ., XIX). В VIII в. наказание это продолжало существовать в Германии, но оно исполнялось уже не мужем, а толпою женщин. Во Франции в XV в. виновного в прелюбодеянии обсыпали перьями (*De*

Обычай запрягать виновных в телегу или сани не-
полняется в настоящее время в немногих местностях.
Нет сомнения, что в прежнее время он был гораздо
более распространен, чем теперь; на это указывает
почти повсеместное существование обычая надевать
на виновных хомут, являющийся в этом случае симво-
лом запрягания. Так, в Олонецкой губернии, ежели по-
вобрачная не сохранила до замужества девственности,
вколачивают над дверью гвоздь, вешают на него хо-
мут и проводят под ним молодую и ее мать.¹¹⁷ Во мно-
гих местностях надевают в этом случае хомут на мать
повобрачной. Малороссы надевают хомут, сделанный
из соломы, на отца, не усмотревшего за своею до-
черью,¹¹⁸ а иногда и на вора, когда его срамят всем
селением.¹¹⁹ Наказание это в великорусских губерниях
применяется почти исключительно к *женщинам*.¹²⁰

Вымазывание дегтем ворот, имеющее, по всей ве-
роятности, такое же символическое значение, как и
надевание хомута, папосит непосредственное оскорбле-
ние только *женской* чести. В лубочных картинах и на-
родных рассказах запряганием в телегу наказываются
только *женщины*. Чаще всего наказание это приме-
няется мужьями к непокорным женам. Жена привязы-
вается к телеге или оглобле, и муж погоняет ее и ло-
шадь кнутом; иногда это наказание сопровождается
страшными истязаниями. В 1872 г. в Тамбовском ок-

Cange, Gross, изд. 1840 г., под словом *Adulterium*). Что каса-
ется до России, то едва ли существующий у нас обычай сра-
мить за прелюбодеяние можно считать древним. Он вовсе не
встречается в великорусских губерниях, и при господствовав-
шей прежде свободе половых сношений едва ли существова-
ние его было возможно.

¹¹⁷ *Терещенко*, с. 228. Подведение под ярмо — наказание
очень древнее. По словам Тита Ливия, оно было в употребле-
нии у римлян в царский период (*Hist.*, I, 26).

¹¹⁸ Труды Комиссии..., т. 5, с. 139.

¹¹⁹ Там же, с. 25.

¹²⁰ Единственное историческое известие о запрягании жен-
щин в телегу мы находим в летописи: «Аще поехати будяще
Обрину, не дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи
3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести Обьрена, тако мучиху
Дулэбы!» (Полн. собр. летописей, т. 1, с. 5). Известие это не
имеет, может быть, прямого отношения к существующему
у нас обычаю, но оно, во всяком случае, не лишено некото-
рого значения, так как у нас запряганием в телегу наказы-
ваются почти исключительно одни только женщины.

ружном суде разбиралось дело о крестьянах Никифоре
и Федоре Минюшиных, наказавших жену последнего,
Марью. Марья против воли была отдана замуж за
Федора Минюшина, который вскоре после свадьбы
стал обращаться с нею весьма дурно. Не проходило
дня, чтобы он ее не бил. Марья терпела года два, но
наконец решилась уйти от мужа; он нашел ее и нака-
зал за побег. Вскоре она опять бежала и нанялась
в одном селе в кухарки. Федор, узнав, где жила его
жена, запряг в телегу пару лошадей и вместе с отцом
своим поехал за нею. Найдя ее, он при помощи отца
привязал ее толстой веревкой к нахлестке телеги, по-
гнал лошадей и заставил жену бежать рядом, стегая
ее и лошадей кнутом. Крестьяне остановили их и отвя-
зали от телеги Марью, но как только Минюшины вы-
ехали из села, они опять привязали ее к телеге и по-
гнали лошадей. Они били ее кнутом и кулаками по
спине и рвали ей волосы.¹²¹ В 1874 г. в Екатеринослав-
ской губернии был случай такого же возмутительного
истязания. Жена, бежавшая от побоев мужа, была
найдена им. В наказание он при помощи другого кре-
стьянина перепоясал ее веревкой, привязал к оглобле
вместо пристяжной и шибко погнал лошадей, осыпая
жену ударами нагайки с узлом на конце. Отъехав
верст пять, он остановился почевать, а утром поехал
далее, привязав опять жену на место пристяжной
лошади. По дороге он остановился у шинка, чтобы вы-
пить с товарищем; шинкарь отвязал ее и предложил
ей поесть, но она от усталости и боли упала в сани.
Выйдя из шинка, муж повез ее лежащую в санях, но
через несколько времени опять привязал ее к оглобле
и так въехал в свое село.¹²²

Иногда это наказание определяется сходом; муж
является в этом случае только исполнителем общест-
венного приговора. В слободе Новой Калите Острогж-
ского уезда один крестьянин принес жалобу, что жена
его ведет неприличную жизнь вследствие дурного
влияния тещи. По решению деревенского схода мать и
дочь были выведены на слободскую площадь, где им
было приказано очищать ее от навоза. После этого они
были запряжены в телегу, наполненную навозом, па-

¹²¹ СПб. ведомости, 1872, № 224.

¹²² Моск. ведомости, 1874, № 30.

которую влез принесший жалобу муж и стал на них покрикивать, чтобы они бежали шибче. К нему присоединилось потом еще два, три человека. Женщины, запряженные в телегу, бежали, хотя и не скоро. Они вывезли навоз за слободу и потом подвезли телегу вместе с сидящим на ней крестьянином к крыльцу волостного правления.¹²³ Иногда, хотя и очень редко, к этому наказанию приговариваются мужчины. Вот один из таких случаев. В ночь со 2-го на 3-е февраля 1873 г. в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда пойманы были два крестьянина с бочонком рыбы, который, как подозревали, был украден ими со взломом замка из амбара одного торговца. Поймавшие хотели во что бы то ни стало довести их до сознания в преступлении. Сначала они избили их, потом выкупали в попавшейся на дороге полузамерзшей луже и, наконец, раздев их донага, привязали веревками к забору. Здесь крестьяне, подозреваемые в воровстве, стояли два часа на морозе, по колена в воде. Когда они наконец сознались в краже, тогда одного из них привязали за ноги к саням, на которых лежал бочонок похищенной рыбы, а другого запрягли в сани и, осыпая его ударами, заставили везти их. Толпа народа вместе с санями направилась к базару. На полпути для более быстрой езды подняли волочившегося по земле крестьянина и запрягли его на помощь другому. Потом их взнуздали обоим веревкой, посадили на бочку погонщика с палкой в руках и с криком: «Рыбы, рыбы!» — провели по базару.¹²⁴

Денежные штрафы назначаются довольно часто некоторыми волостными судами в пользу или обиженной стороны, или волости, а иногда и в пользу церкви. Сельские сходы также приговаривают иногда к денежному штрафу в пользу общества и церкви.

Гораздо чаще сельский сход наказывает виновных *напоем*, т. е. заставляет их выставить сходу известное количество вина, которое выпивается тут же стариками. В выпивке принимают участие как обиженная сторона, так и виноватый. Ежели у виновного нет денег, то берут что-нибудь из его имущества и продают для покупки вина или закладывают кабачнику. Как часто

приговаривают к напоем в некоторых местностях, видно из того, что в одной деревне Горкинской волости Перехотского уезда выпили в одну весну 60 ведер вина, поставленного после разбора судебных дел.¹²⁵ К этому наказанию, которое крестьяне считают очень тяжелым, приговаривают иногда и волостные суды.¹²⁶ Название *магарыч*, даваемое в некоторых местностях напоем, указывает на его первоначальное юридическое значение. Магарыч есть обычное угощение вином по случаю состоявшейся гражданской сделки. Во многих местностях обычай этот считается до такой степени обязательным, что никакая сделка не признается окончательно заключенною, пока не выпито вино, хотя магарыч стоит иногда больше, чем самый предмет договора. Те мелкие проступки, за которые виновные наказываются напоем, до сих пор еще имеют значение гражданского нарушения права. Относительно их сход большею частью играет роль посредника: он мирит тяжущихся и по случаю заключенной ими мировой сделки пьет вино (магарыч). В тех случаях, когда разбирается дело, имеющее не частный, а общественный интерес, сход, не назначая на виновного взыскания, оканчивает дело и требует поставки вина (магарыча), которое и выпивает вместе с виновными.

К общественным работам приговаривают только волостные суды; но в некоторых губерниях (например, в Ярославской) этого наказания вовсе не существует.

В случае маловажной кражи хозяин похищенной вещи иногда прощает вора с условием, чтобы тот при народе положил перед церковью известное число земных поклонов. В Троицкой Лавре вору, укравшему деньги с церковной тарелки, дают в руки особо сделанные для этого крупные четки аршина в полтора длиною и заставляют его класть земные поклоны перед Успенским собором.¹²⁷ В 1873 г. я видел подобное же наказание вора в Ярославле. Вор был пойман в то время, как он вытаскивал салфетку из саней у одного крестьянина. Крестьянин, которого вор слезно просил о прощении, простил его, но заставил положить при

¹²⁵ Труды Комиссии..., т. 3, с. 326.

¹²⁶ Там же, т. 6, с. 586.

¹²⁷ Я был личным свидетелем такого наказания в Лавре, но существует ли оно в настоящее время, после введения Судебных уставов, мне неизвестно.

¹²³ Бессарабские обл. ведомости, 1869, № 12.

¹²⁴ Там же, 1873, № 18.

собравшейся толпе десять земных поклонов перед Ильинскою церковью. При этом он требовал, чтобы вор после каждого поклона вставал на ноги, а не молился, стоя на коленях.

Волостные суды приговаривают иногда к церковному покаянию. В Муромском уезде недавно еще женщин, которые заспали младенцев, посылали в церковь на стояние. Священник ставил такую женщину посреди церкви, очерчивал около нее круг и приказывал ей молиться богу и не оглядываться назад. Затем он уходил из церкви и запирали в ней женщину, поставленную на молитву.¹²⁸

Кроме этих главных видов наказания существуют и другие, придумываемые народом для проступков, выходящих из ряда вон. Вот пример одного из таких наказаний. Один крестьянин, торговавший лошадиными волосами, стал воровски резать хвосты у чужих лошадей и был пойман на месте преступления. Сход приговорил раздеть его, связать ему руки и положить в болоте на съедение комарам, чтобы он чувствовал, какое мучение испытывает лошадь, когда ее кусают мухи, а она не может отогнать их.¹²⁹

Существуют также и мнимые наказания, основанные на суеверии. Ежели кого-нибудь подозревают, что он совершил преступление, но на это нет доказательств, то на его имя подаются заупокойные просвиры и служат панихиды; вследствие этого, по народному убеждению, преступник или умирает, или переносит мучительную болезнь.

На земле Войска Донского, когда вовсе неизвестно, кто совершил воровство, берут обрезок украденной вещи и кладут в кузнечный мех; тот, кто украл, станет пухнуть и умрет в течение года. То же самое будет, ежели бросить часть того, что украдено, под мельничный жернов. Чтобы наказать неизвестного вора, ставят также на его погибель *обидящую свечу*. Это — обыкновенная свеча, но поставленная нижним концом вверх. Ежели при этом не проклинать и не ругать укравшего, а служить молебны за его здоровье, то его

¹²⁸ Владимирские губ. ведомости, 1873, № 35; Изв. Общества естествознания, антропологии и этнографии, т. 13, с. 80.

¹²⁹ Киевлянин, 1865, № 35.

непременно начнет мучить совесть и он, пожалуй, возвратит украденное.¹³⁰

Кроме сочинений по русскому обычному праву я счел необходимым указать русские сочинения, касающиеся юридических обычаев инородцев. Они представляют богатый материал для сравнительного изучения права и в особенности для исторического объяснения многих русских обычаев и обрядов, внутренний смысл которых не ясен и в которых мы часто видим только отрывочные, темные намеки на давно исчезнувший, доисторический быт.

Список произведений Е. И. Якушкина

1. По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина // Библиографические записки. 1858. № 10, 11.
2. Проза А. С. Пушкина // Там же. 1859. № 5, 6.
3. Неизданные записки о Пушкине // Там же. № 8.
4. Повествователь древностей российских, журнал, издававшийся Н. И. Новиковым // Там же. 1861. № 3.
5. Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде. Ярославль, 1869.
6. Съезд членов Союза благоденствия в Москве: Ответ Н. М. Орлову // Русская старина. 1872. Т. 6.
7. По поводу воспоминаний о Рылееве // Деятельный век. М., 1872. Т. 1.
8. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. 1872. Кн. 3; То же // Ярославские губ. ведомости. 1872. № 50, 51.
9. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. 1.
10. Обычное право. Ярославль, 1896. Вып. 2.
11. Обычное право. М., 1908. Вып. 3.
12. Обычное право. М., 1909. Вып. 4.
13. Обычное право русских инородцев: Материалы для библиографии обычного права. М., 1899.
14. Пастушьи солнечные часы в Ярославской губернии // ИОЛЕАЭ. 1886. Т. 48, вып. 1.
15. О круговой поруке // Русские ведомости. 1886. № 101.
16. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. 1891. Т. 9.
17. Крестьянская община и передел земли // Русские ведомости. 1893. № 148.
18. Материалы для словаря народного языка Ярославской губернии. Ярославль, 1896.
19. Воспоминания о Г. С. Батенькове // Северный край (Ярославль). 1899. № 48.

¹³⁰ Труды обл. Донского статистического комитета, 1874, т. 2, с. 160.

20. Воспоминания об И. И. Пущине // Там же. 1899. № 157, 158.

21. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1902 (совместно с С. П. Никоновым).

22. Евгений, архиепископ ярославский: Материалы для истории православной церкви в царствование имп. Николая I // Вестник Ярославского земства. 1903. № 7—8 (отд. оттиск. Ярославль, 1903).

23. Замечания на записки («Мои журналы») Муравьева (совместно с И. Д. Якушкиным) // Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951; см. также: Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981.

Публикации, осуществленные Е. И. Якушкиным

1. Письма В. А. Жуковского и Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой // Библиографические записки. 1858. № 20, 22.

2. Пущин И. И. Записки о Пушкине // Атеней. 1859. № 8.

3. Сочинения К. Ф. Рылеева. Лейпциг, 1861 (совместно с Н. В. Гербелем).

4. Записки И. Д. Якушкина. Ч. 1, 2 // Полярная звезда. Лондон, 1861. № 7.

5. Записки И. Д. Якушкина. Ч. 3 // Русский архив. 1870.

6. Записки И. Д. Якушкина / Предисл. Е. И. Якушкина. М., 1905.

7. Заметки В. Ф. Раевского, написанные им в Сибири, в 1834 г. о заключении в крепость, следствии и суде над ним и его братом в 1822—1827 г. // Русская старина. 1873. Т. 3.

8. 24 документа, касающихся истории Ярославля // Ярославские губ. ведомости. 1874. № 8, 21, 23, 25, 28, 30, 32—34, 36, 38, 46, 50, 52, 54, 56, 58, 64, 66, 70, 76, 86, 88, 96.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1960. Т. 19. С. 69.

² Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 55.

³ Цит. по ст.: Бочкарев В. И. Очерки революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае (1860—1917) // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 76.

⁴ Некоторые сведения об этой стороне деятельности Е. И. Якушкина см. в нашей статье о нем (Сов. библиография. 1979. № 1).

⁵ Эйдельман Н. Я. 1) Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966; 2) Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., 1973; Будиев Д. И. Сын декабриста Е. И. Якушкин: (Освобождение крестьян в смоленском имении И. Д. Якушкина) // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 66—74; Магханова Е. И. Декабристская Малая артель после амнистии // Ссылные декабристы в Сибири: Сб. статей. Новосибирск, 1985. С. 179—200; Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985. Гл. «Евгений Якушкин».

Часть I

Глава I

¹ Штрайт. С. 87.

² Записки Н. В. Басаргина / Ред. и вступ. ст. П. Е. Щеголева. Пг., 1917. С. 91.

³ Штрайт. С. 95.

⁴ Цит. по кн.: Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов: (Историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 112.

⁵ Штрайт. С. 159.

⁶ Дневник Анастасии Васильевны Якушкиной // Новый мир. 1964. № 12. С. 138—159.

⁷ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов. М., 1976. С. 47.

⁸ Штрайт. С. 488.

- ⁹ Там же. С. 160.
¹⁰ *Пушкин*. С. 188.
¹¹ Декабристы. С. 480—481.
¹² Там же. С. 479. О ней см. также: *Шенрок В. И.* Надежда Николаевна Шереметева // РС. 1892. Кн. 10.
¹³ Декабристы. С. 482.
¹⁴ Там же. С. 481. Как «доброе малого» характеризует А. В. Шереметева и стихотворное послание к нему Ф. И. Тютчева (1823), которому он приходился двоюродным братом.

Наспелу добрый гений твой,
 Мой брат по крови и по лени,
 Увел тебя под кров родной
 От всех маневров и учений,
 Казарм, тревог и заточений,
 От жизни мирно-боевой.
 В кругу своих, в халате, дома
 И с службой согласив покой,
 Ты праздный меч повесил свой
 В саду героя-агронома.
 Но что ж? Ты мог ли на просторе
 Мечте любимой изменить?
 Ты знаешь, друг, что праздность — горе,
 Коль не с кем нам ее делить.
 Прими ж мой дружеский совет
 (Оракул говорил стихами
 И убеждал, бывало, свет):
 Между московскими красами
 Найти легко, сомненья нет,
 Красавицу в пятнадцать лет,
 С умом, душою и душами.
 Оставь на время плуг Толстого,*
 Забудь химеры и чины,
 Женись и в полном смысле слова
 Будь адъютант своей жены.
 Тогда предамся вдохновенью,
 Разбудит Музу Гименей,
 Своей жертвою я ленью,
 Лишь ты свою преодолей.

Стихотворение впервые было опубликовано в сборнике «Русская потаенная литература XIX века» (Лондон, 1861), вероятно, по списку Е. И. Якушкина.

- ¹⁵ *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 145—146, 159. (Сер. «Полярная звезда».)
¹⁶ ЖМНП. 1891. № 4. С. 167.
¹⁷ *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев, 1899. С. 37.
¹⁸ *Семевский В. И.* Некролог Е. И. Якушкина // РБ. 1905. № 5. С. 258.
¹⁹ Об этом см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1850. М., 1974. Т. 1. Запись от 8 сент. 1845 г. — Герцен на именинах М. С. Щепкина. Среди гостей — Е. И. Якушкин.

* А. В. Шереметев был адъютантом гр. П. А. Толстого.

- ²⁰ Декабристы. С. 402.
²¹ РО ГБЛ. Фонд С. Д. Полторацкого. Письма (4) к нему П. Я. Чаадаева. 1848. Л. 1.
²² *Штрайх*. С. 309.
²³ Там же. С. 318.
²⁴ Там же. С. 327.
²⁵ Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 284.
²⁶ Там же. С. 256.
²⁷ Там же. С. 282. А. П. Созонович — воспитанница М. И. Муравьева-Апостола, хорошо знавшая многих декабристов, автор воспоминаний о них.
²⁸ Дум высокое стремление. С. 272.
²⁹ *Штрайх*. С. 484.
³⁰ *Будаев Д. И.* Сын декабриста Е. И. Якушкин: (Освобождение крестьян в смоленском имении И. Д. Якушкина) // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 72.
³¹ Записки декабриста И. Д. Якушкина. М., 1925. Предисл.
³² Рукопись заметок О. В. Якушкиной любезно предоставлена в распоряжение автора настоящей книги.
³³ Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 198.
³⁴ *Трубецкой Е. Н.* Воспоминания. София, 1921. С. 176—177.
³⁵ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 39.
³⁶ Там же. С. 18.
³⁷ *Достоевский Ф. М.* Письма. М.; Л., 1928. Т. 1: 1832—1867. С. 149, 221, 230, 240, 241.
³⁸ Подробнее об этом см.: *Громыко М. М.* Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985.
³⁹ Это письмо давно опубликовано: *Огонек*. 1946. № 46—47.
⁴⁰ *Штрайх*. С. 684.
⁴¹ Там же. С. 313.
⁴² *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 51—52.
⁴³ *Штрайх*. С. 462.
⁴⁴ Там же. С. 508.
⁴⁵ Там же. С. 687.
⁴⁶ *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты... С. 158.
⁴⁷ РО ГПБ. Ф. 568, ед. хр. 159. Письмо от 23 сентября 1858 г., л. 1—1 об.
⁴⁸ ЦГАОР. Ф. 279 (Якушкины), оп. 1, ед. хр. 552, л. 41.
⁴⁹ Декабристы. С. 151.

Глава 2

- ¹ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. Якушкин Е. И. Письма к П. А. Ефремову (1859—1862). 20 л. 25 марта 1859 г., л. 1.
² Там же. Оп. 10, ед. хр. 96. Закревский А. А. Секретные бумаги. л. 6.
³ *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 88.

- ⁴ Там же. С. 88.
- ⁵ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. 27 янв. 1860 г., л. 1—1 об.
- ⁶ Там же. 29 июня 1859 г., л. 1.
- ⁷ Председатели палат государственных имуществ получали в год от 2500 до 2800 р. Как правило, они были в чине V класса табели о рангах — статские советники, из полусотни этих лиц в 50-е гг. высшее образование имели около одной трети, по возрасту — от 35—40 лет и старше (об этом см.: *Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978*). Е. И. Якушкин был, вероятно, самый молодой среди чиновников этого класса.
- ⁸ *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. С. 155—156.*
- ⁹ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. 17 марта 1859 г., л. 1.
- ¹⁰ Там же. 29 июня 1859 г., л. 1—1 об.
- ¹¹ Там же. 26 авг. 1859 г., л. 1. Напомним, что в конце 1850-х гг. в России развернулось массовое трезвенное движение, связанное с системой винных откупов. В сущности это было народное движение по борьбе с откупам. Революционно-демократический лагерь откликнулся на него серией статей Чернышевского и Добролюбова в «Современнике». Позиция Якушкина в этом вопросе выражала его взгляды сторонника народной правды.
- ¹² *Штрайх. С. 458.*
- ¹³ РО ИРЛИ, Арх. С. А. Венгерова. Автобиографии Якушкиных. № 2997, л. 2.
- ¹⁴ *Якушкин Е. И. Обычное право. Ярославль, 1896. Вып. 2. С. XIX.*
- ¹⁵ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1148. Письма Е. И. Якушкина к А. Н. Афанасьеву, л. 19.
- ¹⁶ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. 24 февр. 1862 г., л. 1—2.
- ¹⁷ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 448, л. 16.
- ¹⁸ Там же. Л. 18.
- ¹⁹ ЛН. М., 1934. № 13—14. С. 280.
- ²⁰ *Козьмин Б. П. Литература и история. М., 1969. С. 358, 364. С. А. Макашин, говоря о служебной деятельности Салтыкова-Щедрина, отмечал его «просветительскую переоценку общественно-преобразующих возможностей „честного деятеля“» (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 441).*
- ²¹ ЛН. М., 1953. № 61. С. 497.
- ²² ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 448, л. 18 об.
- ²³ РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова. 2485/VIII. М. 77. Якушкин Е. И. Письма к Ефремову П. А. 1870—1903 гг. 19 февраля 1874 г., л. 1.
- ²⁴ ЛН. М., 1941. № 41—42. С. 49—50.
- ²⁵ *Магханова Е. И. Декабристская Малая артель после амнистии // Ссылные декабристы в Сибири: Сб. статей. Новосибирск, 1985. С. 200.*
- ²⁶ РВ. 1905. № 113.
- ²⁷ РВ. 1905. № 5. С. 258.

- ²⁸ *Бочкарев В. П. Очерки революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае (1860—1917) // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 74.*
- ²⁹ *Бухштаб Б. Я. После выстрела Каракозова // Каторга и ссылка. 1931. № 5. С. 63.*
- ³⁰ *Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. М., 1956. Т. 2. С. 168, 170. «Толки о воскресных школах. — записывает он 5 января 1861 г. — Князь Долгорукий подал государю записку об их пагубности: они-де угрожают революцией и черт знает еще чем».*
- ³¹ Памятная книжка Ярославской губернии. Ярославль, 1863. С. 216—220.
- ³² ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 448, л. 18.
- ³³ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. 27 янв. 1860 г., л. 1.
- ³⁴ СК. 1905. № 215.
- ³⁵ Памятная книжка Ярославской губернии. С. 260. По подсчетам Н. А. Рубакина в конце XIX в. на одного жителя в городских общественных библиотеках приходилось от 1,72 до 0,11 книг (*Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: Факты, Цифры и наблюдения. СПб., 1895. С. 49*).
- ³⁶ *Эйдельман П. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 193.*
- ³⁷ Ярославские губ. ведомости. 1874. № 76.
- ³⁸ СК. 1905. № 228.
- ³⁹ РВ. 1906. № 100.
- ⁴⁰ СК. 1905. № 215.
- ⁴¹ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 382. Записка В. А. Городцова, л. 1—4.
- ⁴² РВ. 1905. № 113.
- ⁴³ РО ИРЛИ. Арх. С. А. Венгерова. Автобиографии Якушкиных. № 2998, л. 1.
- ⁴⁴ СК. 1905. № 111.
- ⁴⁵ Там же. № 215.
- ⁴⁶ Там же. № 220.
- ⁴⁷ Там же. № 112.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. № 207.
- ⁵⁰ Там же. № 111.
- ⁵¹ Там же. № 228.
- ⁵² *Шереметев П. Заметки. 1900—1905. М., 1905. С. 100—101.*
- ⁵³ Воспоминания О. В. Якушкиной (рукопись; личный архив автора).
- ⁵⁴ *Шереметев П. Заметки. С. 107.*
- ⁵⁵ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 382, л. 5.
- ⁵⁶ *Трубецкой Е. П. Воспоминания. София, 1921. С. 174—175.*
- ⁵⁷ СК. 1905. № 207, 228.
- ⁵⁸ Там же. № 111.
- ⁵⁹ Там же. № 115.
- ⁶⁰ Этнографическое обозрение. 1905. № 1. Кн. 54. С. 16.
- ⁶¹ РВ. 1905. № 113.
- ⁶² Вестн. Европы. 1913. Кн. 3. С. 298.

Часть II

Глава I

- ¹ Дневник Анастасии Васильевны Якушкиной // Новый мир. 1964. № 12. С. 139.
- ² Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 226.
- ³ РВ. 1906. № 108.
- ⁴ Шереметев П. Заметки. 1900—1905. М., 1905. С. 104.
- ⁵ Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М., 1980. С. 134. (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина).
- ⁶ Дневник А. В. Якушкиной. С. 144.
- ⁷ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо 2-е // ЛН. 1935. № 22—24. С. 22.
- ⁸ РО ИРЛИ. Арх. П. А. Ефремова. Ф. 103, оп. 2, ед. хр. 96. 19 декабря 1879 г., л. 1.
- ⁹ Стасов В. В. П. Я. Чаадаев // РС. 1908. № 1. С. 37.
- ¹⁰ БЗ. 1861. № 1. Стб. 18.
- ¹¹ РО ГПБ. Ф. 171, ед. хр. 128. Письмо от 20 апреля 1861 г.
- ¹² Штрайх. С. 309.
- ¹³ Декабристы в Сибирь. Иркутск, 1979. Вып. 1. С. 20.
- ¹⁴ Там же. С. 37.
- ¹⁵ Ист. записки. М., 1975. Т. 96. С. 174—196.
- ¹⁶ Штрайх. С. 340.
- ¹⁷ Декабристы. С. 33.
- ¹⁸ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 443, 454, 457. (Сер. «Полярная звезда»).
- ¹⁹ Назимов М. А. Письма, статьи. Иркутск, 1985. С. 122. (Сер. «Полярная звезда»).
- ²⁰ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 154.
- ²¹ Декабристы. С. 243.
- ²² Там же. С. 43.
- ²³ Ист. записки. С. 174—196.
- ²⁴ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955. Т. 2. С. 180.
- ²⁵ Декабристы. С. 260.
- ²⁶ Там же. С. 48.
- ²⁷ Там же. С. 475.
- ²⁸ Там же. С. 230.
- ²⁹ Там же. С. 475.
- ³⁰ Там же. С. 254.
- ³¹ Там же. С. 311—312.
- ³² См. об этом: Декабристы. С. 465, 469, 470, 477 и след.
- ³³ Шереметев П. Заметки. С. 100—101.
- ³⁴ См. об этом: Принцева Г. А. 1) Декабристы в памятниках изобразительного искусства. М.; Л., 1967. С. 6, 34, 72; 2) Декабристы в изобразительном искусстве. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1975. С. 7, 38, 85.
- ³⁵ БЗ. 1858. № 22. Стб. 676, 678.
- ³⁶ Там же. № 8. Стб. 252.
- ³⁷ Штрайх. С. 349—350.
- ³⁸ Об этом см. в примеч. к изданию «Записок о Пушкине» И. И. Пушина в сер. «Литературных мемуаров» (М., 1956).

³⁹ Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. М., 1899. С. 42.

⁴⁰ Воспоминания Якушкина, опубликованные в «Северном крае», были вскоре прорецензированы в «Русских ведомостях» (1899. № 138—139) с цитацией наиболее важных мест. Таким образом они стали достоянием широкого читателя.

⁴¹ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати. М., 1971. Ч. 2. С. 217.

⁴² Декабристы. С. 312. Подробности об участии Якушкина в ефремовском издании Рыльева см.: Равич Л. М. Русские библиографы в борьбе за последние декабристов // Сов. библиография. 1976. № 2. С. 43—44. Кроме того, отдельные, выразительные детали встречаются в неопубликованных письмах Ефремова к Якушкину (ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 522, л. 56—59, 72).

⁴³ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 522, л. 33 об., 34.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 488. Письма М. С. Волконского к Е. И. Якушкину. 1869—1901. Л. 4, 5, 8—10.

⁴⁵ Об этом см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 263.

⁴⁶ Об этом сообщил сам П. Е. Щеголев в своей книге «Декабристы» (М.; Л., 1926. С. 157, примеч.).

⁴⁷ См.: Невелев Г. А. Замысел издания «История декабристов» // Ист. записки. Т. 96. С. 380—383.

Глава 2

¹ Об этом см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, В. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 58—59, 67, 72; см. также: Егоров В. Ф. О некоторых особенностях высказываний Добролюбова о Пушкине // Пушкинский сб. Псков, 1962. С. 74—76.

² Об этом см.: Долинин А. С. А. С. Пушкин в жизни и творчестве Герцена // Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 158. Сер. филол. наук: Русские революционные демократы. Л., 1952. С. 87—118.

³ Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения «К морю» // Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 194.

⁴ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 211.

⁵ В частности, письма П. А. Ефремова к Е. И. Якушкину содержат ряд пушкинских текстов (ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 522, л. 42, 44—46 и мн. др.).

⁶ Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения... С. 195—196.

⁷ Штрайх. С. 327—328.

⁸ Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения... С. 197.

⁹ Там же.

¹⁰ Равич Л. М. А. Н. Афанасьев и журнал «Библиографические записки» // Сов. библиография. 1971. № 16. С. 53.

¹¹ Сын Е. И. Якушкина Вячеслав много лет спустя выдвинул идею о том, что пушкинские «Мысли на дороге» зашифрованы. Может быть, и Евгений Иванович придерживался такого же мнения. В таком случае спор его с Пушкиным на страницах «Библиографических записок» — лишь тактический маневр, на которые он был великий мастер.

¹² БЗ. 1858. № 6. Стб. 162.

¹³ Там же. 1859. № 5. Стб. 141—142. Большой интерес представляет в этом отношении неопубликованное письмо сына Евгения Ивановича Вячеслава к отцу (без даты, приблизительно начало 80-х гг.): «Продолжаю посещать музей, — пишет Вячеслав Евгеньевич, работавший в то время над описанием рукописей Пушкина, поступивших в Румянцевский музей, — работа над пушкинскими бумагами идет медленно. Просто диву даешься на издателей: например, Анненков печатает приговорительный очерк к „Египетским почтам“, причем начало берет из одного очерка, конец из другого; Бартенева, вместо того чтобы поправить Анненкова, печатает начало другого очерка, соединив его с концом первого. Надо прибавить, что очерки писаны на бумаге разного формата и смешать их невозможно. Хороши и посмертные издатели — переставить слова Пушкина им ничего не значит. Хороши и Е. Барсов, который в переводе „Слова о полку Игореве“ пропустил 5 стихов в разных местах, хотя у Пушкина все стихи перенумерованы; при этом он хвастается, что печатает с такой точностью, что даже сохраняет писарские опуски; кроме того, он во многих местах пропустил собственноручные поправки Пушкина. Все хорошо!» (ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 757, л. 98об.—99).

¹⁴ Цит. по кн.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 173.

¹⁵ РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова. 2485/VIII. М. 77. Якушкин Е. И. Письма к Ефремову П. А. 1870—1903 гг. 19 февраля 1874 г., л. 1.

¹⁶ См.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты... Гл. «Потопленный Пушкин».

¹⁷ Письма Ефремова к Якушкину хранятся в ЦГАОР в Москве, в фонде Якушкиных; письма Якушкина к Ефремову — в рукописном отделе Пушкинского дома в Ленинграде, в архиве Ефремова. За исключением нескольких фрагментов, использованных Н. Я. Эйдельманом, эта интереснейшая переписка остается неопубликованной. Большой интерес представляют и хранящиеся в Пушкинском доме письма Вячеслава Евгеньевича к Ефремову, тем более что некоторые из них были написаны по просьбе отца. Эти письма совсем не публиковались.

¹⁸ О значении речи Якушкина в трактовке советских пушкинистов см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 272—273.

¹⁹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 631—634. «Ошибочная интерпретация личности и общественно-политической позиции поэта после ссылки», — так квалифицирует позицию Чернышевского Я. Л. Левкович. «Этот период жизни Пушкина, — пишет она далее, — трактуется Чернышевским как постепенный отход от передовых общественных настроений эпохи» (см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 269).

²⁰ А. С. Пушкин в сельском населении и школе Ярославской губернии. Ярославль, 1899. (Тр. Ярославского губ. стат. комитета. Вып. 10).

²¹ Там же. С. 88.

²² Там же. С. 89.

²³ Не зарастет народная тропа: Тысяча крестьянских писем о Пушкине // Литературная газета. 1967. № 6.

Глава 3

¹ РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова. 2485/VIII. М. 77. Якушкин Е. И. Письма к Ефремову П. А. 1870—1903 гг. 7 октября 1875 г., л. 1 об.

² РА. 1878. Т. 3. С. 385.

³ *Огарев Н. П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 451.

⁴ *Кукин В. В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 239.

⁵ *Querard J. M.* Les supercheries littéraires dévoilées. Paris, 1847. Vol. 2. P. 212—213. (Пер. с франц.).

⁶ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 448, л. 21 об.

⁷ Там же, л. 8 об.—9.

⁸ РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова. 2485/VIII. М. 77. 7 октября 1875 г., л. 1 об.

⁹ Там же. 23 февраля 1874 г., л. 2.

¹⁰ Там же. 23 февраля 1903 г., л. 1.

¹¹ Там же. 19 февраля 1874 г., л. 2 об.

¹² *Геннади Г. Н.* Указатель библиотек в России // ЖМНП. 1864. № 5. С. 36.

¹³ РС. 1873. Кн. 6. С. 860.

¹⁴ *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России // Рус. библиофил. 1911. № 11. С. 79.

¹⁵ СК. 1905. № 215.

¹⁶ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 19. С. 127—128.

¹⁷ Там же. М., 1959. Т. 16. С. 77.

¹⁸ Современник. 1864. № 10. С. 192—193.

¹⁹ Цит. по кн.: *Рубакин А. Н.* Рубакин: (Лопцман книжного моря). М., 1967. С. 91.

²⁰ ЛН. М., 1934. № 13—14. С. 301.

²¹ Там же. С. 301—302.

²² Незданный Достоевский // ЛН. М., 1971. Т. 83. С. 466.

²³ Изв. имп. Рус. геогр. о-ва. 1876. № 12. С. 279.

²⁴ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 590. Письма Л. Н. Майкова к Е. И. Якушкину. 1872—1890 гг. 18 окт. 1875 г., л. 3.

²⁵ Обычное право. М., 1908. Вып. 3. С. III.

²⁶ РО ГПБ. Ф. 621, ед. хр. 1037. Письма Е. И. Якушкина к А. Н. Пышину. 1892—1898 гг. 7 февраля 1892 г., л. 1 об.—2.

²⁷ Там же. 10 января 1892 г., л. 2 об.

²⁸ ЦГАОР. Ф. 279, оп. 1, ед. хр. 628. Письма А. Н. Пыпина к Е. И. Якушкину. 1873—1898 гг. 30 января 1892 г., л. 5.

²⁹ ВЕ. 1896. № 5. С. 396—398.

³⁰ РБ. 1898. № 7. С. 66—67.

³¹ Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 28. С. 152—155.

³² РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова. 2485/VIII. М. 77. 23 февраля 1903 г., л. 1.

³³ Обычное право. М., 1908. Вып. 3. С. IV.

³⁴ СК. 1905. № 220.

³⁵ См.: ЛН. М., 1965. № 62. С. 229—233.

³⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 12. С. 197.

³⁷ СК. 1905. № 220.

³⁸ ВЕ. 1900. № 3. С. 380.

³⁹ Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 46. № 3. С. 143.

⁴⁰ «Указатель Якушкина является лучшей библиографией обычного права на русском языке»; «До настоящего времени сохраняет значение ценного справочника» (История СССР: Аннотир. перечень рус. библиографий, изд. до 1963 г. М., 1966. С. 119).

Эпилог

¹ См.: Лазутин С. Дневник А. Н. Афанасьева // Подъем. 1973. № 4.

² Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926.

³ Смытко Т. Г. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения // Вопр. истории. 1950. № 12. С. 122—133.

⁴ Обзор этих материалов см. в ст.: Рабкина Н. А. Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации // Ист. записки. М., 1975. № 96. С. 174—196.

⁵ Об этом см.: Маслов В. И. Архив К. Ф. Рылеева // Изв. Акад. наук. Сер. 6. 1910. № 12. С. 915—934.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЗ — Библиографические записки. М.
ВЕ — Вестник Европы. СПб.
Декабристы — Декабристы / Под ред. Н. П. Чулкова. М., 1938. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 3)
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
ЛН — Литературное наследство. М.
Пушкин — Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. (Серия лит. мемуаров)
РА — Русский архив. М.
РБ — Русское богатство. СПб.
РВ — Русские ведомости. М.
РС — Русская старина. СПб.
РО ГВЛ — Рукописный отдел Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина
РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР
СК — Северный край. Ярославль
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
Штрайх — Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина / Ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М., 1951. (Лит. памятники)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Часть I. Жизненный путь	
Глава 1. Москва	7
Глава 2. Ярославль	34
Часть II. Якушкин — собиратель и публикатор	
Глава 1. Чаадаев и декабристы в жизни и творчестве Е. И. Якушкина	61
Глава 2. Якушкин — пушкинист	88
Глава 3. Якушкин — библиофил и библиограф	107
Эпилог	130
Приложения	
Избранные произведения Е. И. Якушкина	135
Список произведений Е. И. Якушкина	191
Примечания	193
Список сокращений	203

Любовь Моисеевна
Р а в и ч

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЯКУШКИН
(1826—1905)

Утверждено и печати
Редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства А. И. Стросва
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Л. Я. Комм и Г. И. Тимошенко

ИБ № 44277

Сдано в набор 25.08.88. Подписано к печати
31.01.89. М-30051. Формат 84×108^{1/2}₃₂. Бумага
книжно-журнальная. Гарнитура обыкновен-
ная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92.
Усл. кр.-от. 11,25. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж
35 000. Тип. зак. № 743. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград,
В-34, Менделеевская лин., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

89-3
4624a

№ 210 5151

«Наука»

„Евгений Иванович Якушкин оставил бессмертное имя в русской юридической науке ... память крупного работника, человека редких дарований, неустанного трудолюбия, безукоризненной добросовестности — человека обаятельно-чистой души... Душевная красота его была такова, что, казалось, заслоняла его научные и общественные заслуги. По безграничной скромности Евгений Иванович едва ли имел себе равных даже среди самоотверженных деятелей освободительной эпохи”.

